

18+

Тесла Лейла Хугаева

Ось мировой истории

Авраамические религии и век разума

Тесла Лейла Хугаева

**Ось мировой истории.
Авраамические
религии и век разума**

«Издательские решения»

Хугаева Т.

Ось мировой истории. Авраамические религии и век разума /
Т. Хугаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519583-8

Конец мифологической эпохи и начало борьбы Логоса с Мифом. Так К. Ясперс обозначил свое понимание первого осевого времени в 9—8 веках до нашей эры, когда на смену мифологии приходит философия в Древней Греции и первые этические религии в Индии, в Персии, в Израиле, в Китае. Второе осевое время начнется с окончательной победой Логоса над Мифом. Научное мышление Нового времени, открытие первых природных энергий. Идея Духа, сформулированная в Евангелии, примет форму теории психической энергии.

ISBN 978-5-00-519583-8

© Хугаева Т.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Субстанция Духа	13
Глава 2. Ось мировой истории. Логос против мифа	28
Глава 3. Энергетика Оствальда и второе осевое время	40
Глава 4. Теория психической энергии у Платона, Спинозы и в гуманистической психологии	59
Глава 5. Теории психической энергии у Кьеркегора	69
Глава 6. Теория психической энергии З. Фрейда и К. Юнга	79
Глава 7. Теория психической энергии у Э. Дюркгейма	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ось мировой истории Авраамические религии и век разума Тесла Лейла Хугаева

© Тесла Лейла Хугаева, 2020

ISBN 978-5-0051-9583-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Существует множество различных философий истории. Есть материалистические, как у Маркса и Дарвина. Есть идеалистические, как у Августина Блаженного и Гегеля. Есть интеллектуалистские, подобно философия истории Конта и Кондорсе. Но нет ни одной, которая излагала бы исторический процесс как процесс становления духовной энергии человека, то есть психической энергии, основанной на энергии интеллекта. У Августина речь идет о Святом Духе, у Гегеля об Абсолюте, у Маркса и Дарвина понятие духовной энергии вообще отсутствует, так как психика не больше чем эпифеномен функционирования мозга. У Конта и Кондорсе, сознание также редуцируется к функциям мозга.

Философия истории К. Ясперса может быть ближе других подошла к реализации этой цели. Он говорит об оси мировой истории, которая началась с концом мифологической эпохи, и началом борьбы «логоса против мифа». Эта мысль Ясперса положена в основу философии истории, развиваемой в этой книге. Ось мировой истории понимается как становление интеллекта человечества, а вместе с ним и становления духовной (психической) энергии человечества. Конец мифологической эпохи и начало борьбы логоса с мифом – это первое осевое время. Оно берет свое начало в 9—8 веках до н.э., с появлением первых этических религий и формированием метафизики интеллекта в зороастризме, пифагореизме, платонизме.

Полю эгосистемы магического сознания первобытных людей противопоставляется поле интеллекта научного сознания цивилизованных обществ. Пробуждение интеллекта происходит с созреванием абстрактно-логического аппарата мышления, которое активизирует поле интеллекта. Переходный период от магического сознания абориген (поля эгосистемы) к научному сознанию цивилизованных людей (поля интеллекта) связано с периодом расщепления сознания между двумя силовыми полями психики. Это и есть первое осевое время – борьба логоса против мифа, поскольку эти две энергии психики антагонистичны. Эволюция становления научного сознания приведет к изживанию энергии поля эгосистемы (магического сознания) и утверждению энергии поля интеллекта.

Проблема «борьбы с язычеством», которую ставит первое осевое время, есть проблема борьбы с магическим сознанием поля эгосистемы. Магическое сознание аборигенов выражается в коллективных сакральных ритуалах обожествляемым силам окружающего мира. В основе этих сакральных ритуалов отношения господства и подчинения (насилия), являющиеся спецификой магического сознания, как проявления физического контроля. «Боги» понимаются как абстрактные количества силы, а «служение богам» как подчинение их власти с добровольными жертвоприношениями и самоистязаниями.

Этические религии объявляют войну языческим богам, утверждая, что бог есть разумная и нравственная сила, которая оценивает не власть и подчинение, а чистоту сердца и добродетель. Так, конфликт «логоса с мифом» первого осевого времени выливается в борьбу этических религий с язычеством сакральных ритуалов первобытных племен.

Второе осевое время – это время окончательного очищения энергии психики от магического сознания поля эгосистемы. Оно связывается со становлением философии рационализма Декарта, Спинозы, Эйнштейна; открытием нескольких природных энергий в Новое время и появлением в этой связи Энергетики Вильгельма Оствальда, как новой теории познания. Оствальд первым понял и четко сформулировал свою мысль о том, что на смену парадигме материализма придет парадигма энергетизма, когда объектом научного исследования будут признаваться только природные энергии. Книга рассказывает о полемике вокруг энергетики Оствальда, о ее временном поражении и о грядущей победе во второе осевое время, когда Энергетика в теории познания станет фундаментом новой научной парадигмы.

Ось мировой истории получает свою реализацию во второе осевое время в окончательной победе разума над мифом. В этой связи древним этическим религиям противопоставляются теории психической энергии разных эпох, как эволюция в осмыслении человеком закономерностей своей духовной энергии. Открытие закономерностей психической энергии человечества, докажет наличие единой природы человека, упразднит древние этические религии, которые представляют собой синтез мифа и логоса и утвердит естественное право.

В главах 5,6,7,8,9,10 рассказывается о теориях психической энергии, изложенной в трудах таких выдающихся мыслителей как Платон и Спиноза, Тойнби и Дюркгейм, Кьеркегор и Бертран Рассел, Фрейд и Юнг. А также в трудах теоретиков гуманистической психологии – А. Маслоу, Э. Фромма, Карен Хорни, А. Адлера, В. Франкла, Г. Олпорта, К. Роджерса.

Огюст Конт понимал становление сознания как три стадии эволюции: мифологическую, метафизическую и позитивную (научную). Теория психической энергии предлагает другую периодизацию этапов становления сознания: мифологическую (магическую), шизоидную (расщепление незрелого интеллекта), научную (открытие законов природных энергий и контроль силы этих энергий). Эта периодизация связана с теорией двух силовых полей психики: полем эгозащиты и полем интеллекта. Шизоидная стадия – есть переходная стадия между магическим и научным сознанием, когда интеллект расщепляется между полем эгосистемы (абстрактная эгозащита) и полем интеллекта (наука). Эта болезненная стадия принесла много хаоса и путаницы в становление рационального человека.

Стадию шизоидного сознания прошли все выдающиеся цивилизации прошлого и современности: Древняя Греция, Древний Рим, Древний Израиль, католическое и православное христианство, Реформация и Революции Нового времени, петровская и ленинская Россия, Германия немецкого идеализма и национализма, наконец, современная исламская цивилизация. Следует различать шизоидную стадию в историческом разрезе – это раздвоение незрелого интеллекта на шизоидное и научное; и шизоидное сознание – это нездоровая часть расщепленного сознания поля эгосистемы, противостоящая научному сознанию поля интеллекта.

Научное сознание античности нашло свое выражение в метафизике интеллекта Заратустры, Пифагора и Платона, Будды, в философии стоиков и становлении римского права; в победе профетизма в Израиле. Э. Ренан сравнивает «победу профетизма 8 века до Рождества Христова» в Израиле с Грецией 5 века до Рождества Христова, то есть с Грецией на самом пике ее интеллектуального расцвета. «Мы стоим у истоков идеализма, – пишет он, – мы должны склонить голову».

Расколотый шизоидный интеллект (незрелый интеллект, расщепленный между двумя антагонистичными полями психики) стал спецификой всего античного мира, поскольку в то время интеллект делал только свои первые шаги. Так, антиковеды пишут о «раздвоенности» Древней Греции во всей ее ментальной активности: между рационализмом и мистикой (Пифагор, например), между индивидуализмом и коллективизмом, между Аполлоном и Дионисом, между демократией и тиранией, между «гибрисом» богочеловеков и строгим осуждением «гибриса», между высокой состязательностью и взаимопомощью, между рабством и свободой, наконец. Также, Древний Рим прославился своим расщеплением между цивилизаторской деятельностью несения республиканских ценностей, римского права, греческой философии с одной стороны, и грабительской политикой в отношении завоеванных провинций; поддержкой института гражданства с одной стороны и широким распространением рабства; безмерным унижением человеческого достоинства и героическими рабскими войнами; великими философами на троне с одной стороны, и шутами-садистами с другой стороны. И Греция и Рим погибли в противоречиях между демократией республики и тиранией империи.

Э. Ренан пишет в «Истории израильского народа», что с философской точки зрения имеется всего три источника истории цивилизации: Греция, Израиль и Рим. Исследуя историю еврейского народа, он приходит к выводу, что иудаизм с самого начала нес в себе два проти-

воположных элемента: национальный ягвеизм и универсальный элогизм. К этому последнему элогизму, который он ассоциирует с «движением пророков 8 века до н.э.», он относит Книгу Йова, Книгу Союза, Декалог, а также пророков Амаса, Исаяю, Второисаяю и некоторых др. Он отмечает, что иудаизм развивался под воздействием халдейского, египетского, и в большей мере, персидского влияний. Более архаичный Ягве, который является богом одного племени, богом нации и потому злым и несправедливым к другим богам – это уже абстрактное божество единобожия, но тем не менее остается еще идолом и в культе, и в ограниченном национальном характере. Истоки ягвеизма он видит в египетском влиянии, так как ягвеизм был тесно связан с храмовым культом и священниками-левитами, заимствованными евреями во время своего пленения в Египте. Ренан говорит о победе Эля над национальным Ягве в движении профетизма, где Иисус Христос последний пророк, завершающий революцию пророков 8 века до н.э.. Христианство он расценивает как окончательный этап этого движения профетизма, а христианство видит высшей стадией развития иудаизма.

Действительно, борьба с язычеством магического сознания первого осевого времени, терпит крах в силу незрелости интеллекта. Абстрактное единобожие – еще далеко от метафизики интеллекта рационального сознания. По своей сути – это все то же магическое сознание, только теперь вместо физического контроля, проявляющегося в поклонении деревянным божкам, становится шизоидная эгозащита абстрактного единобожия. В обоих случаях – магическое сознание поля эгосистемы остается прежним, меняется только эгозащита, с физической на абстрактную шизоидную. Соответственно, борьба с идолопоклонством абстрактного единобожия – фиктивна, так как сама превращается в идолопоклонство, где на место многих деревянных идолов становится единый абстрактный бог племени, ревнивый и жестокий властелин. Так, первое осевое время не справляется с поставленной задачей борьбы логоса с мифом, поля интеллекта с полем эгосистемы, бога-интеллекта с язычеством идолопоклонничества.

Незрелый, расколотый (шизоидный) интеллект античности приводит к трагедии падения античности. Однако, все то глубокое, важное и прекрасное, что сделало здоровое научное сознание первого осевого времени, не пропало даром. Греческая философия, римское право, победа израильского профетизма нашли свое продолжение в христианском синтезе позднеантичной эпохи.

Царство Божие философии Евангелия стало прекрасной метафорой греческой метафизики интеллекта, а проповедь самоотречения и любви к ближнему заложила основы духовной энергии христианства, базисом которого стала философия снятия эгозащиты.

В 7 веке от Рождества Христова израильский иудаизм претерпел еще одну метаморфозу в процессе зарождения ислама. Э. Ренан пишет об исламе уже не как о синтезе, а скорее как об адаптации священного писания иудеев родственным семитским племенем арабов. Так возникает новая волна борьбы с язычеством нового абстрактного единобожия в Священном писании Корана. С зарождением ислама племя арабов выходит со стадии магического сознания и оказывается в стадии расколотого незрелого шизоидного интеллекта. Если расколотое сознание иудеев проявилось в противостоянии двух противоречивых частей Священного писания евреев (национального ягвеизма и профетизма элогима), то расщепленное сознание ислама Э. Ренан расценивает как возвращение арабов к национальному ягвеизму иудеев, но уже на своей национальной почве. Однако, в отличие от иудеев, у которых он констатирует победу профетизма, и соответственно «победу идеализма», в исламе все движения научной части сознания регулярно подавляются (философия рационализма Авицены, Аверроэса и др, мутазилиты, рационализм Муххамеда Абдо, бабизм и др). В том же ключе пишут об исламе Т. Карлейль, Монтескье, Б. Паскаль, Вольтер, Б. Рассел, А. Швейцер, А. Массе, и др. Преодолев магическое сознание политеизма, арабские племена, таким образом, вступают в стадию абстрактного единобожия, которому не противостоит научное сознание метафизики интеллекта, потому что рационализм методически подавляется.

Реформация Лютера, назвавшего Папу Римского «сатаной на престоле», стала началом реакции на аналогичное язычество в католической церкви, которая постепенно сводила идею христианства к магическому культу и священнической иерархии. Это католическое язычество также превращало Христа в мифологизированного идола, как и другие религии абстрактного единобожия. Тот мощный отклик, который получило движение Реформации, не только не подавленное, несмотря на все аутодафе католической церкви, но поднявшей всю Европу на революционную борьбу, был связан с внутренним потенциалом христианства, базисом которого оставалась евангельская метафизика интеллекта. Протестантское движение в католической, равно в православной церкви было продолжением борьбы расщепленного сознания с магическим полем эгосистемы, еще одним шагом к победе научного сознания (чтобы не говорили те, кто считает реформацию движением подобным ваххабистскому движению к букве Писания). Ренан пишет, что обращение протестантов к ветхозаветным пророкам – это обращение к тому движению профетизма, которое принесло победу над идолом ягвеизма. Томас Карлейль, Куна Фишер, Джон Милль, П. Новгородский, М. Вебер, Э. Ренан сходятся в оценке протестантства как мощного импульса в направлении рационализма и либерализма, и в этом смысле к философским истокам греческо-иудейского синтеза христианства.

Русская литература стала аналогичной реакцией русской интеллигенции на православное язычество, о котором Лев Толстой подробно рассказывает в своих трудах, посвященных исследованию догматическому богословию и истории православия: «Царство Божие внутри вас», «Исследование догматического богословия», «исповедь», «Соединение и перевод четырех Евангелий» и др. Не меньшее гуманистическое и просветительское значение имели книги Достоевского, Чехова, Герцена, Кропоткина, Чернышевского, Тургенева, Тютчева, Некрасова, Гоголя, Грибоедова, Салтыкова-Щедрина, Гончарова, Островского, Крылова, Чаадаева, Белинского и др.

Тем не менее, христианство, будучи философией греческой метафизики интеллекта, дает мощный импульс к развитию науки и становлению научного сознания Европы. В то же время до времен смены парадигмы материализма, воплощенной в трудах Дарвина, Маркса, Гоббса, Конта, Фрейда на парадигму Энергетики, интеллект европейцев остается незрелым, а значит расщепленным. Шизоидное сознание Нового времени дает о себе знать в философии немецкого идеализма, французского, русского и английского материализма, в диалектическом материализме Маркса, как синтезе этих направлений, в антиинтеллектуализме ницшеанства и сартровском экзистенциализме.

Расщепленное сознание Европы порождает двусмысленные процессы и неоднозначные исторические фигуры, которым трудно давать определенную оценку: тридцатилетняя война, английская, французская, русская революции; наполеоновские войны, первая мировая война. Наполеон, Робеспьер, Бисмарк, Фридрих Второй, Петр Первый, Ленин – неоднозначные фигуры этого сложного периода расщепленного шизоидного сознания. В то время как такие исторические личности, как Калигула, Нерон, Коммод, Иван Грозный, Гитлер, и др. чисто негативные деятели поля эгосистемы противостоят таким прекрасным личностям как Платон, Спиноза, Марк Аврелий, Бертран Рассел, А. Швейцер, Г. Лессинг, А. Эйнштейн, А. Герцен и др. чисто позитивные личности поля интеллекта.

В Новейшее время Запад и Восток сталкиваются в полном непонимании философии друг друга, что С. Хантингтон называет «Столкновением цивилизаций». Он видит причину в различной, часто противоположной самоидентичности различных цивилизаций. Он утверждает, что ценности западной цивилизации не являются универсальными, но принадлежат только западной цивилизации: и что попытки последней навязать их миру в качестве универсальных ценностей ведут к конфликтам и делают запад безоружным и беззащитным перед лицом все более крепнущих агрессивных чуждых цивилизаций. Запад должен назвать себя уникальным и защищать свою уникальность подобно тому, как конфуцианские, исламские, индуистские,

африканские цивилизации защищают свою уникальность. Никакой поликультурности, и никаких универсальных ценностей – только уникальные ценности западной цивилизации. Таков вывод Хантингтона.

Философия истории, которую попытались представить мы в этой книге, прямо противоположна цивилизационному, циклическому, неокантианскому мировоззрению Хантингтона, который ссылается на циклическую историю Шпенглера и Тойнби. Мы старались показать, что конфликты происходят не от различной самоидентичности различных цивилизаций (поскольку человечество имеет одну общую природу закономерностей психической энергии), а от нездоровой энергии поля эгосистемы, которая преобладает на двух первых этапах становления интеллекта (магическое сознание и шизоидный интеллект). Следовательно, становление научного сознания автоматически приведет к снятию конфликтов и добровольному принятию универсальных ценностей естественного права, основанного на открытии закономерностей психической энергии

Конфликт христианского и исламского мира, о котором много пишет Хантингтон, тоже можно рассматривать с разных точек зрения. С одной стороны – это противостояние научной традиции поля интеллекта запада и магического сознания поля эгосистемы востока. С другой стороны это противостояние на поле эгозащиты с обеих сторон: христианство также как ислам часто скатывается в язычество шизоидного сознания. Наконец, это также противостояние язычества материалистической философии с христианским и исламским язычеством магического сознания.

Возрождение религий в мире не есть результат цивилизационной самоидентичности народов, которые ищут свою «индигенизацию». Это есть результат провала научного метода на западе, где также победило шизоидное сознание антиинтеллектуализма и материализма. Восточные цивилизации с удовольствием принимают модернизацию, потому что естественные науки – настоящая энергетическая наука запада. Они отвергают гуманитарные науки запада совершенно справедливо, потому что на сегодняшний день гуманитарной науки не существует. Восток не смог отказаться от модернизации своей экономики, потому что наука дает силу техники. Настоящая социальная наука тоже дает силу духа, силу единства, силу сотрудничества и научного контроля. Закон сохранения силы психики – основной закон психики. Поле эгосистемы имеет только физический контроль насилия (господства и подчинения); поле интеллекта имеет научный контроль сохранения силы, который открывает ему доступ к силе всех природных энергий. Вот почему окончательному триумфу науки не сможет противостоять никакая культура.

Национализм и теории национального суверенитета, которые пытаются примирить поле интеллекта и поле эгосистемы философией «толерантности» и поликультурными сообщениями обречены на провал, потому что нет вещей менее способных к соединению, чем поле интеллекта научного сознания и поле эгосистемы магического сознания.

Сегодня, когда неокантианские теории Риккерта, Дильтея, Вебера одержали победу над теоретиками естественного права, расцвел пышным цветом национализм, и теория государственного суверенитета с ее национальной системой права. В этих условиях все будут стремиться к обособлению в свою цивилизацию, потому что «универсальных ценностей» отдельной цивилизации не существует, как не существует универсального национального права. Однако, теория естественного права, основанная на теории общей природы человека, развиваемая в трудах Эйнштейна, Рассела, Швейцера, Бенда, Ренана, Ясперса, Прудона и многих других рационалистов, ведет к прямо противоположным выводам. Мир больше не является противостоянием различных «самоидентичностей», но единым человечеством, с единой человеческой природой. Нет уникальных ценностей конкретных цивилизаций, навязываемых в качестве универсальных всему прочему миру. Есть только одна научная цивилизация и естественное право вместо универсальных ценностей. Естественное право открытых закономер-

ностей единой психической энергии человечества. Нет национальных суверенитетов и национальных систем права; есть международное сообщество научного контроля естественного права и государственные системы права различных сообществ, которые регулируются общемировым естественным правом.

Таким образом, главная проблема человечества в переходе ко второму осевому времени – преодоление расколотого шизоидного сознания, что станет возможным только со становлением энергетики как научного метода познания. Тогда можно будет надеяться на окончательную победу разума над мифом, научного сознания поля интеллекта над магическим сознанием поля эгосистемы. Тогда все разнообразие этических религий современности уступит место деизму метафизики интеллекта, и соответственно снимет конфликты, которые не затухают много веков, со времен возникновения незрелого расколотого интеллекта.

Каждому историческому периоду становления мышления соответствует свой тип общественного устройства:

1) для магического сознания поля эгосистемы – это Левиафаны полицейских государств, голое насилие самодержавия;

2) для шизоидного сознания незрелого интеллекта – это демократии-деспотии, республики-империи античности, которые колебались между тиранией самодержавия и правовым государством республик

3) для научного сознания современных государств – это правовые государства, юридическое право которых, основано на естественном праве научного мышления.

Это не «историзм» в гегелевском смысле, так как природа человека всегда остается одной и той же. Это разворачивание закономерностей человеческой природы, суть которых в противоборстве двух полей психики: поля эгосистемы и поля интеллекта. Об этом типе эволюции писал Леви-Брюль, отрицая эволюцию в смысле изменения природы человека. Такую же позицию занял К. Ясперс в «История и ее смысл».

О кризисе современных правовых государств пишет ряд исследователей, например П. Новгородцев «Кризис современного правосознания», Н. Хомский «Государство будущего», Б. Рассел «Воздействие науки на общество», С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций», А. Шлезингер «Циклы американской истории», М. Игнатъев «Права человека как политика и как идолопоклонство», М. Горбачев «Размышления о прошлом и будущем» и др. М. Игнатъев в книге «Права человека как политика и как идолопоклонство» говорит о кризисе прав человека, которую он видит в отрыве современной теории прав человека от естественного права. Действительно, общая воля Ж-Ж Руссо, которая является базовой идеей теории правового государства не имеет под собой никакого основания вне теории естественного права. А естественное право, как утверждение единой природы человека, единых закономерностей человеческой психики и общества, не может существовать вне философии рационализма Платона, Декарта, Спинозы, Эйнштейна. Кризис современного правового государства – это кризис философии рационализма и кризис теории естественного права.

Каковы пути выхода из кризиса? Правовые государства не могут существовать как системы национального права, поскольку системы национального права не имеют ничего общего в своей основе и противостоят друг другу как множество уникальных цивилизаций. Эта фиктивное объяснение конфликтов современной геополитики, в основе которого философия иррационализма неокантианства. Истинная подоплека таких ссылок на уникальность всей национальных государств в старом расщепленном шизоидном сознании. Если не вернуться к научному контролю, и строить теоретические системы из нагромождения пустых софизмов, правовые государства просто перестанут существовать и человеческие сообщества вернуться либо к временам деспотии Левиафанов, либо к временам всеобщей войны античных демократий-тираний.

Дальнейшее развитие правовых государств возможно только на той основе, на которой они зародились: на основе научного контроля естественного права. Тогда национальным правовые системы понимаются как ответвления системы общечеловеческого естественного права. Научный контроль на сегодня находится в таком же кризисе как и правовые государства, что связано с упадком философии рационализма. Победа эмпиризма сильно препятствовала развитию психологии, как пишет ряд исследователей (Маслоу, Олпорт и др) в силу того, что сознание перестало быть объектом научного исследования. Решить эту проблему может только «научная революция» смены научной парадигмы, и переход от дарвиново-позитивистского мировоззрения к философии рационализма и эпистемологии энергетике. В свою очередь становление научного контроля укрепит позиции естественного права и позволит создать систему международного контроля национальных правовых систем: Международное сообщество естественного права, которое будет представлено учеными из стран всего мира.

О таком международном институте мечтали еще великие борцы за гуманизм и пацифизм, сторонники единой научной цивилизации и единой природы человека, – Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн.

Глава 1. Субстанция Духа

1) *Кризис в гуманитарной науке*

2) *Научный материализм*

3) *Мистика бога и дьявола*

4) *Метафизика интеллекта*

5) *Теория психической энергии*

1) Кризис в гуманитарной науке

Чтобы понять всю глубину кризиса наук о человеке (гуманитарных, социальных наук), важно понимать то значение, которое для этих наук имеет философия духа, и то плачевное состояние, в котором находится эта философия духа.

Прежде всего, далеко не вся философия признает субстанцию духа. Например, все направления философии материализма считают психику человека только функцией мозга, биологическим феноменом, который не нуждается ни в какой дополнительной психической или духовной субстанции для своего объяснения. На той же позиции стоят эмпирики. Достаточно вспомнить знаменитое определение «Я» у Давида Юма, которым он по меткому выражению Бертрана Рассела «изгнал субстанцию из психологии», чтобы в этом убедиться. «Что касается меня, то когда я самым интимным образом вникаю в то, что называю своим Я, я всегда наталкиваюсь на ту или иную единичную перцепцию – тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или удовольствия. Я никогда не могу поймать свое Я отдельно от перцепции и никак не могу подметить ничего, кроме какой-нибудь перцепции», – пишет Юм.

Позитивизм, дарвинизм, даже фрейдизм – все это продолжатели традиции материалистов и эмпириков, «изгнавших субстанцию» из психологии и философии. Другими словами, упразднивших понятие Духа, – понятие столь необходимое для понимания существа человека.

Однако именно в силу того, что понятие духа составляет существо всего человеческого его невозможно безнаказанно изгнать из наук о человеке, из философии, из мировоззрения вообще. Оно обязательно появится вновь, в искаженном и извращенном виде, и в таком виде не принесет ничего кроме вреда. Но будет уверено существовать, потому что оно необходимо человечеству для понимания своего существа.

Так, в философии понятие духа возрождается как мистическая энергия абсолютной свободы воли. Такова например трактовка духа в спекулятивной немецкой философии, у Канта, Фихте и Гегеля. Примерно в том же ключе трактуют дух Шопенгауэр, Ницше и Сартр. Неслучайно поэтому, Гегель видит ось мировой истории в Евангелии Иисуса, Шопенгауэр в индуизме, а Ницше в греческой мифологии и зороастризме, как он его понимает. Трактовка духа как мистической энергии, не связанной с интеллектом (любовь, воля, всеисилие), – это, по сути, религиозное понимание духа.

Кантианство вопреки традиции материалистов сводить всю активность человека, всю социальную динамику к функционированию биологии и экономики противопоставило им «науки о духе» Дильтея и философскую веру Ясперса. Однако, мистическое определение духовной энергии человека в философии Канта, блокировало всякое развитие научного понимания психики. Единственным надежным результатом этих попыток изучения духа стало само понятие субстанции духа как качественно отличной от биологии энергии.

Таким образом, на сегодня мы вынуждены констатировать наличие двух ложных представлений о духовной энергии человека:

1) Дуализм духа и тела. Эта позиция признает два качественно различных уровня энергии в человеке, и признает приоритетность духовной энергии. Однако, она сводит энергию духа к фантастике мистического всеисилия и этим упраздняет ее. Что неестественно, то нереально.

2) Монизм тела. Эта позиция вообще упраздняет представление о человеке как союзе двух качественно различных энергий: биологической и психической (духовной). Она сводит психику к функциям мозга и этим упраздняет ее.

В итоге, у нас нет никакой приемлемой философии духа. Мы вынуждены жить с этими двумя ущербными мировоззрениями, соединяя их от безысходности в безобразное целое: немного научного понимания от дарвинизма и немного духовного понимания от религий. А в итоге получается гремучая смесь, которая не только не может удовлетворить наших запросов в знании, но и ведет ко все углубляющемуся кризису в экзистенциальной и социальной жизни человечества.

2) Научный материализм

В 1714 году увидела свет «Монадология» Лейбница. В ней он в частности утверждает:

Лейбниц, как известный последователь дуализма Декарта, тем самым хочет сказать, что нельзя познать субстанцию духа через субстанцию материи. Что если вы хотите изучать дух – изучайте дух. Изучение мозга вам ничего не даст. О том же говорит Авенариус в приведенном выше отрывке.

Однако, как известно ряд известных философов держались прямо противоположной точки зрения. Например, Огюст Конт или В. Ленин. У Конта, который поставил себе задачу изучить закономерности развития человеческого разума, не нашлось лучшего объяснения для этого процесса, чем френология. «Нам стыдно!», – говорит Милль, когда пишет в своей книге о позитивизме об этой позиции Конта. На этом основании Конт, как известно, вообще исключил психологию из своей иерархии наук (в остальном очень хорошей). Потому что он считал, что поскольку такого феномена как сознание вообще нет (а есть только мозг), то психология попросту не имеет своего объекта исследования. На ее место он поставил биологию и социологию, которую стремился сделать «социальной физикой», и потерпел сокрушительное фиаско, как верно замечает Джон Милль.

Ничем не лучше определение сознания Ленина: «Сознание есть продукт деятельности высокоорганизованной материи – человеческого мозга». Именно вот это положение марксизма-ленинизма, разделяемое всей современной наукой, и стало тем источником цинизма советского правительства, который потряс весь мир. Во многом это удивление жестокости и цинизму советской репрессивной системы было наигранным, именно потому, что та же философия лежит в основе позитивизма и дарвинизма западной науки. Советская карательная психиатрия в свое время ставила себе цель лечить интеллигенцию от «брета правдоискательства» прямым воздействием на мозг фармакологией или другими средствами. Однако, и сегодня в психиатрических лечебницах по всему миру исповедуют тот самый принцип физиологического лечения психозов через прямое воздействие на мозг пациентов. Еще во времена Хемингуэя практиковался электрошок: «Я был подавлен, но мог хотя бы думать, – сказал великий писатель после „терапии“ электрошоком. – Теперь я не могу даже думать». Вскоре он застрелился. Знаменитый фильм с Джеком Николсоном «Полет над гнездом кукушки» напоминает нам, как сравнительно недавно еще практиковалась лоботомия в психиатрических лечебницах самых развитых стран мира.

Интересно, что именно мозгу Ленина, как самой высокоорганизованной материи материалистов, было суждено стать той «мельницей» Лейбница, которую изучили вдоль и поперек. Как и предсказывал великий картезианский метафизик ничего такого, что говорило бы о закономерностях мышления и вообще духовной деятельности человека эти поиски не обнаружили.

На условных рефлексх, полученных из изучения собак Павлова, казалось, невозможно было построить никакой психологии человека. Однако, знаменитому сегодня гарвардскому профессору Б. Ф. Скиннеру это блестяще удалось. Его теория «оперантного обуславливания» с большим успехом у читающей публики доказывала, что сознание человека не более чем *tabula rasa*, чистый лист, на котором опыт пишет свои письма, стирает и снова пишет. Гуманистиче-

ская психология выступила с резкой критикой бихевиоризма, сводящего человека к условным рефлексам животного. Так, Эрих Фромм пишет в «Анатомии человеческой деструктивности»:

Однако, настоящим вирусом для современной социальной науки стала теория происхождения человека Дарвина. Речь именно об экстраполяции его теории эволюции на человеческое общество, а не о самой теории эволюции. В свое время Уоллес Рассел предупреждал Дарвина о том, что история человечества качественно отличается от истории животного мира, поскольку история человечества есть история развития разума, мышления. Но Дарвин очень жестко отчитал своего коллегу в письме. Первенство в теории эволюции по праву принадлежит обоим этим ученым, опубликовавшим свои труды в одно и то же время. Тем не менее, Дарвин стал распространять теорию эволюции на общество, а Уоллес Рассел этому воспротивился. Вот что пишет Дарвин в «Происхождении человека»:

Таким образом, он сводит на нет качественные различия между разумом человека и животного и прямо говорит об этом. В его интерпретации, как в интерпретации всех материалистов, разум предстает только инструментом приспособления организма к среде. Поэтому Дарвин считает совершенно естественным, что именно борьбе за выживание, жесткому биологическому отбору человечество обязано своим «развитием», своей эволюцией, своим разумом и своей наукой. Так он пишет в «Происхождении человека», что «борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую ступень развития»:

Трудно себе представить какую-либо другую теорию социального развития человека, которая оказала бы столь пагубное влияние на психическое и нравственное здоровье общества. Совершенно неслучайно, как пишет Дж. Гренвилл в «Истории 20 века» (1999), после победы дарвиновской теории происхождения человека начинается первая мировая война, которая выглядела как международное умопомешательство в попытках установить право сильнейшего на выживание. Еще более очевидна связь второй мировой войны с теорией социального дарвинизма, как пишет Ханна Арендт и ряд других исследователей, поскольку расовая теория Гитлера была всецело основана на дарвинизме.

Результатами дарвиновской археологии стало развитие направления селекционизма в антропологии, которое противопоставило теорию отбора теории адаптации. Появились труды по этологии (изучение поведения животных), а вслед за ними труды по сравнительной этологии и человеческой психологии. На основе этих работ дарвиновский селекционизм превратился в социобиологию, цель которой, пишет Л. Клейн в «Истории антропологии», показать общность эволюционных механизмов групповой этологии животных и коллективной психологии людей. Ричард Докинс (дарвиновский ротвейлер) пишет книгу «Эгоистичный ген», где развивает мысль о том, что выживают не организмы, а гены. Организмы приходят и уходят. А гены знают, как о себе позаботится, направляя все поведение людей в русле естественного отбора. Это очень эгоистичный ген. Даже человеческий альтруизм диктуется эгоистичными интересами генов. Теория эгоистичного мема Ричарда Докинса сродни эволюционной эпистемологии Поппера, у которого теории выживают в жесткой конкуренции. Так и мемы, будучи единицами культурной информации, способствуют выживанию в процессе естественного отбора. Мемы также эгоистичны, как и гены, пишет Клейн. Другой автор, Роберт Даннел пишет, что естественный отбор действует также в культуре, как и в природе, только он направлен не на генетическую природу человека, а на его культуру. Это именно естественный отбор, независимый от намерений и целей человека (как утверждал и Поппер в отношении своего «третьего мира» конкурирующих теорий). В отличие от Докинса у Даннела отбор действует не на гены, а на сами артефакты и лежащие в их основе идеи. Социобиологи заговорили о коэволюции, что было констатацией двух направлений наследственности, генетической и негенетической (культурной). Таким образом, дарвиновская археология противопоставила адапционизму Ламарка и Спенсера селекционизм естественного отбора Дарвина, который уже и культуру обосновал с позиций биологизма и селекционизма. Эгоистичные гены и мемы, конкурирующие теории, это-

логия и социобиология – за всеми этими наукообразными терминами стоит стандартная для биологизма и материализма редукция интеллекта и сознания человека к животному миру. К каким последствиям это неминуемо ведет в области нравственности и как сказывается на здоровье общества, сомнений вызывать не может. Тем не менее, другой науки на сегодня у нас нет.

3) Мистика бога и дьявола

К сожалению, учения которые все таки признают реальность духа, ударяются в другую крайность, трактуя дух не как качественно отличную от биологии энергию, а как мистику все-силія. Не только религии, но и самые популярные сегодня философские системы третируют духовную энергию в мистическом ключе. Например, философия Канта, Фихте, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше или Сартра. Это либо мистическая воля, подчиняющая космос своим капризам, либо мистическая свобода абсолюта, диктующего законы себе и вселенной.

Религии менее связаны теориями и бесхитростно признают, что материя от дьявола, а дух от благодати божьей. Поэтому духовная энергия в религиозной интерпретации – это тоже некое мистическое все-силіе, противопоставленное материи.

Многие исследователи отмечают в своих работах, что философия Канта и Гегеля разрушила рационализм, хотя и претендовала на построение нового рационализма, и как следствие, привела к скептицизму и агностицизму. Действительно, кантианство стало софистикой нашего времени, в чем нетрудно убедиться, если посмотреть на его последователей. М. Фуко с его археологией знаний прямо ссылается на Канта как на источник вдохновения, К. Леви-Стросс с его «Мифологией», М. Вебер с его свободной от ценностей социологией, В. Дильтей с его науками о духе, признающими только дескриптивное, но не каузальное познание.

А. Швейцер пишет в «Культуре и этике» о том, что Кант, ставя своей целью углубление и ревизию рационализма, пришел к противоположному результату, поколебав фундамент и разрушив тем самым здание. Такой преданный философии рационализма мыслитель как американская писательница Айн Ренд много критиковала Канта за его субъективизм, скептицизм и агностицизм. Макс фон Лауэ, близкий друг Эйнштейна, пишет в своей автобиографии, что Эйнштейн терпеть не мог Канта. Поэтому неправильно говорить, что критикой Канта был занят только Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», где его критика вполне справедлива. Бертран Рассел в «Истории западной философии» говорит в том же ключе о влиянии Канта на последующее развитие философии:

Действительно, философия Гегеля во многом результат философии Канта, а в мистическом характере философии Гегеля не сомневается никто из трезвых критиков. Об этом пишут Бертран Рассел и Альберт Швейцер, Жюльен Бенда («Предательство интеллектуалов») и Альбер Камю («Бунтующий человек»). Маркс, который сохранил диалектическую логику Гегеля, вместе с ней сохранил и всю мистичность его философии, хоть и воображал себя рационалистическим реформатором Гегеля. У Канта есть такие серьезные защитники как Ясперс, Бенда, Новгородцев, однако и Бенда и Новгородцев очень жестко говорят о иррационализме Гегеля.

Так или иначе, нет сомнений в том, что немецкая спекулятивная философия, разрушив рационализм греков и картезианцев, вместе с ним разрушила и представление о духе как об энергии интеллекта.

4) Метафизика интеллекта

Эмпирики прямо выступили против рационализма Платона и Декарта, немецкий идеализм делает это в завуалированной форме, прикрываясь понятием «нового рационализма». Так или иначе, и те и другие разрушили рационализм и вместе с ним метафизику интеллекта, без которой невозможна наука. А. Эйнштейн писал в этой связи:

Эйнштейн говорит о боге Спинозы, а Спиноза, как известно, наряду с Лейбницем один из самых известных последователей Декарта.

Декарт пишет в «Рассуждении о методе», что разница между человеком и животным не количественная (как утверждает Дарвин), а качественная, потому что у животных интеллект вообще отсутствует:

Декарт говорит это с тем, чтобы обосновать свою философию познания, существо которой как у Платона в том, что познание есть встреча частей одной субстанции: мышления и законов природы, составляющих единую субстанцию интеллекта. Также говорит о процессе познания и Платон. Знание – это просто встреча двух частей интеллекта, которые подходят друг другу как ключ и замок именно потому что являются частями одного целого: встреча мышления и законов природы. Понятно, что в этом случае речь идет о метафизике, как первичности интеллекта, как некоей первичной творческой интеллектуальной активности, создавшей форму материи в виде законов природы и мышление человека, как инструмент для познания этой формы. Вот как пишет об этом Платон в «Государстве»:

Отсюда уже очень просто сформулировать понятие о духовной энергии, как силе притяжения между полюсами интеллекта: активным полюсом (мышление) и пассивным полюсом (законы природы). Притяжение, которое люди переживают как фундаментальную страсть своего существа, как страсть к познанию. «Я глубоко убежден в том, – пишет в этой связи Эйнштейн, – что развитие науки связано прежде всего со стремлением удовлетворить жажду чистого познания. Состояние ума, дающее человеку возможность выполнять такого рода работу... сродни состоянию благоговейного верующего или влюбленного: ежедневные усилия определяются не сознательным намерением, не какой-то программой – они исходят прямо из сердца» («Цитаты и афоризмы»). Также и Платон уподобляет «влюбленному» страсть человека к познанию, когда он чувствует потребность коснуться мышлением родственного начала – истины законов природы. «Что человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, из всех сил устремляется к подлинному бытию? Он не останавливается на множестве вещей, лишь кажущихся существующими, но непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу. Сблизившись посредством него и соединившись с подлинным бытием, породив ум и истину, он будет и познавать, и поистине жить, и питаться» Платон Государство

Эта метафора мыслителей встречается сплошь и рядом у самых разных писателей: Ницше называл себя женихом истины, Маркс и Кьеркегор роженицей, Гегель подчеркивал как Эйнштейн, что им движет жажда чистого познания. Более того, мыслители сплошь и рядом подобно Сократу, Боэцию, Бруно или Сиднею идут на смерть за истину, и уж, совершенно точно рискуют жизнью и жертвуют своим благополучием. Это общее место для всех мыслителей, что служит неопровержимым доказательством того, что страсть к познанию действительно составляет фундаментальную энергию человека. Мыслящего человека, так как увы, далеко не сразу человечество учится мыслить, и уж точно не рождается мыслящим человечеством.

Эмпирики не имели возможность определить духовную (психическую) энергию как притяжение противоположных полюсов интеллекта, переживаемое человеком как страсть к познанию. Прежде всего потому, что они не признавали никакого интеллекта и никаких законов природы. Поэтому когда Вильгельм Оствальд формулировал свою теорию познания как энергетику, он не смог предложить ничего лучшего как определить психическую энергию в качестве превращений биологической энергии нервных импульсов. Позже таким же образом будет объяснять свою теорию психической энергии З. Фрейд, с той лишь разницей, что он будет говорить о превращении биологической энергии сексуальных инстинктов в психическую энергию сознания. Однако, в такой интерпретации, они не выходят из границ философии материализма, как правильно заметил Ленин Оствальду: «Сказать ли материальное движение или двигающаяся материя, от этого суть дела не меняется». Действительно, психическая энергия

становится качественно отличной от биологической энергии, если она имеет своим источником поле интеллекта, как субстанцию, отличную от материи.

Метафизика интеллекта позволяет сформулировать теорию психической энергии отличную от плоского материализма, редуцирующего разум человека до рефлексов животного с одной стороны, и в то же время дать строгое научное определение психической энергии, как природной энергии. Поле интеллекта, как источник психической энергии, позволяет сформулировать закономерности движения этой энергии, как мы постигаем закономерности любой другой природной энергии. «Свобода есть осознанная необходимость», – говорит Спиноза. Действительно, здесь уже нет места абсолютной свободе сознания Канта или Гегеля. «Наши действия должны основываться на постоянном сознании того, что в своем мышлении, чувствах и действиях люди не свободны – вся их жизнь также обусловлена причинно-следственными связями, как и движение звезд», – пишет Эйнштейн. Однако, это не значит, что энергия, которая имеет своим источником активный интеллект (мышление) совсем не отличается от всех прочих детерминированных энергий природы в основе которых лишь пассивный интеллект (законы природы). Человек, познавая, ставит под свой контроль природные энергии, получает доступ к их силе. Значит, он обладает относительной свободой в рамках доступного ему контроля силы природных энергий, в том числе контроля своей собственной психической энергии. Человек не обладает абсолютной свободой, как считали мистики Кант, Фихте, Гегель, Ницше Сартр. Но человек имеет относительную свободу, обеспеченную ему его научным интеллектом.

Эмпиризм, особенно в лице Юма, с самым своим возникновением был философией скептицизма, поскольку доказывал невозможность нахождения причинных связей и доказательства истинности этих закономерностей опытом. Немецкий идеализм вообще снял эту проблему с повестки науки в субъективизме Канта, Фихте и идеализме Гегеля. Однако, теория психической энергии легко решает проблему Юма, которая казалось ему и нескольким последующим поколениям неразрешимой. Прежде всего, это возврат к философии рационализма и постулированию законов природы. Во-вторых, это теория энергетике в эпистемологии, то есть понимание объекта научного исследования только в виде природных энергий. Наука может изучать только закономерности природных энергий, все остальное не относится к ее компетенции. В этом Вильгельм Оствальд был абсолютно прав. Его энергетика провалилась заслуженно, и только потому что он строил ее на основе философии эмпиризма, тогда как энергетика возможна только на основе философии рационализма. Отсюда уже понятно, как легко доказать истинность открытых закономерностей (причинных связей) природных энергий опытным путем. Достаточно продемонстрировать доступ к силе открытых энергий. Например, как современная наука контролирует силу механической, биологической, химической, атомной, электрической и др энергий. Так решается проблема Юма в теории психической энергии.

5) Теория психической энергии

Что касается самой психической энергии, то тут мы вернемся к критическому очерку Джона Милля о позитивизме Конта. Так, Милль пишет, что наука выходит из эмпирического периода и становится стройным и связным учением, только когда найден ее основной закон, который становится как бы осью, вокруг которой систематизируются все остальные факты и закономерности:

Психология на сегодня вне всякого сомнения еще находится в эмпирическом периоде, поскольку хаотическое состояние противоречивых теорий очень далеко от «стройной и связанной науки», какой являются например, физика, химия или биология. Гордон Олпорт пишет, что психология все еще не может указать даже «единиц анализа человеческой природы»:

Однако, теория психической энергии претендует на то, что может сформулировать как основной закон психологии, о котором говорит Милль, так и единицу анализа психологии, о которой сокрушается Олпорт.

1. Действительно, проблема единицы анализа очень запутана в психологии. Антропологи Дюркгейм и Леви-Брюль доказывали в своих работах первичных коллективных представлений по отношению к индивидуальному сознанию. Карл Поппер пишет в этой связи в «Открытом обществе», что институты первичны по отношению к институту. В то же время гуманистическая психология, в частности исследование самоактуалов А. Маслоу, говорит о нерасторжимости индивидуального и коллективного в здоровом сознании, о феномене трансцендентности сознания. «Всего полезнее для людей – соединиться друг с другом в своем образе жизни и вступить в такие связи, которые удобнее всего могли бы сделать из всех одного, и вообще людям всего полезнее делать то, что способствует укреплению дружбы», пишет в «Этике» Спиноза. В том же роде говорит Руссо в «Общественном договоре», Спенсер в «Социальной статике».

Так, что же в этом случае понимать как единицу исследования психологии, психику индивида или коллектива? Что есть атом и клетка психики?

Сложность этого вопроса только кажущаяся, если взглянуть на проблему с точки зрения эпистемологии энергетики. Если рассматривать психику как психическую энергию, то становится очевидным, что единицей психики не может быть ни индивид, ни коллектив, но только поле психической энергии. Если внимательно изучить найденные за годы исследований факты, то становится очевидным что таких поля психической энергии два. Именно эти два поля психической энергии и являются единицами исследования психологии.

Как эти поля соотносятся с психикой индивида и коллектива? Психика каждого индивида содержит оба поля. Коллектив – это соединение этих полей, причем каждое поле соединяется по своим собственным закономерностям, так что не составит труда отличить какого типа связь являет собой данное конкретное общество, какое поле в нем доминирует.

2. Теперь о главном законе психологии, о котором говорил Джон Милль.

Психологи в основном согласны в том, что самооценка является главным барометром психического здоровья. Здоровый человек – это человек уверенный в своих силах, с развитым чувством самоуважения. Так, Олпорт пишет, что «все исследования прямо или косвенно подтверждали первоначальное утверждение Хоппе, что субъект ведет себя таким образом, чтобы поддерживать свое самоуважение на максимально возможном высоком уровне». С ним согласен Фрейд, так он пишет в «Трех очерках сексуальности»: " Самочувствие кажется, прежде всего, выражением величины Я независимо от того, из чего оно состоит. Все, чем владеешь и что достигнуто, всякий подтвержденный опытом остаток примитивного чувства всемогущества содействует поднятию самочувствия". С другой стороны, была замечена положительная корреляция между нездоровьем и низкой самооценкой: „Разные ученые пришли к выводу, что люди, у которых развилась шизофрения, особенно чувствительны к определенным стрессовым воздействиям типа реальной или переживаемой угрозы самолюбию или самооценке и что они могут реагировать и болезненно реагировать, на события, которые другие не сочтут огорчительными“. „Действительно низкое самоуважение создает проблемы. По сравнению с теми, кто недооценивает себя, уверенные в себе люди более счастливы; они обладают более устойчивой нервной системой, реже болеют язвой желудка и страдают от бессоницы, среди них меньше алкоголиков и наркоманов, и они более мужественно переносят неудачи (Brockner & Hulton, 1978, Brown 1991, Tafarodi & Vu, 1997)

Теория психической энергии объясняет эту связь между здоровьем психики и уровне самоуважения – законом сохранения силы психической энергии. Именно этот закон сохранения силы психической энергии применительно к двум силовым полям психики человека и составляет тот основной закон психологии, которые упорядочивает все известные на сегодня факты и приводит к синтезу противоречивые на первый взгляд теории. Именно этот закон сохранения силы двух полей психической энергии – тот закон равновесия и движения в механике, тот закон тяготения в астрономии, тот периодический закон в химии и тот закон элементарных свойств тканей в физиологии – который выводит психологию из эмпирического пери-

ода и делает из нее стройную систему зрелой науки. Действительно, необходимо учитывать два поля психики, поскольку самооценка, как закон сохранения силы, имеет совершенно различный характер на каждом из этих полей. Об этом писал Альфред Адлер в теории комплекса неполноценности, Карен Хорни в теории идеального и реального Я, Эрих Фромм в теории ложного эгоизма и подлинного Я, Карл Роджерс в теории идеального и реального Я, и наконец Абрахам Маслоу в теории самоактуализации. «Реальное Я» связано как правило с компетентностью, знанием, уверенностью, с мужеством, добротой и совестью. А «идеальное Я» основано на тщеславии, злорадстве, на стремлении к насилию и подчинению, на зависти и ревности.

3. Нам осталось сформулировать этот основной закон психической энергии на языке энергетической теории, и показать, как он систематизирует и примиряет хаос противоречий современной психологии.

Итак, психическая энергия представлена двумя качественно различными энергиями. Назовем их Контрольной энергией психики (Контрольный ток психической энергии) и Детерминированная энергия психики (Детерминированный ток психической энергии). Коротко КТ и ДТПЭ. Понятно, что контрольная энергия связана с активным интеллектом и имеет своим источником поле интеллекта, тогда как детерминированная энергия имеет своим источником обычное физическое поле, как все прочие детерминированные энергии природы.

Контрольная энергия – это поле полюсов интеллекта, мышления и законов природы, притяжение между которыми и образуют ток психической энергии, ту самую духовность, которая составляет существо человека и переживается как страсть к познанию. Эту энергию изучает гуманистическая психология.

Детерминированная энергия представлена совершенно другим силовым полем. О нем писал еще Кьеркегор в «Болезни к смерти» как о «кривом зеркале» психики, в котором человек видит ложный образ своего Я. Это чувственная информация о себе и о мире, которую поставляет закон сохранения силы. Конечно это ложная информация, она представляет человека и весь мир как две противостоящие силы, как энергию всей вселенной в некоей единой количественной абстракции двух противостоящих сил. Чувственная информация о себе и о мире не может не быть искаженной, в корне ложной, поскольку только разум способен открывать истину в виде законов природы. Эту чувственную информацию поставляет Физический контроль Закона сохранения силы психики. И результатом этой информации становится вовсе не способность человека ориентировать в мире, а возникновение другого силового поля психики. Это кривое зеркало психики, с двумя противостоящими фигурами, есть на самом деле возникновение двух противоположных полюсов силового поля психической энергии. Зигмунд Фрейд обнаружил это поле следующим после Кьеркегора и Леви-Брюля (отчасти Дюркгейма). Он констатировал наличие двух чувственных противостоящих структур в психике, которые он обозначил как Эго и СУперЭго. Эти две противостоящие фигуры и есть силовое поле детерминированной энергии психики. Иначе, силовое поле Эгосистемы. Искаженный характер информации о себе и о мире на этом поле, противостоящий характер противоположных полюсов, которые являются образами себя и мира – все это объясняет страх «сверхъестественных сил», который Леви-Брюль констатировал как основную тональность психики первобытных людей.

Из приведенных цитат видно, что вся психопатология человека связана с этим полем эгосистемы, которое искажает информацию человека о себе и о мире, и становится тем «заколдованным кругом» между человеком и действительностью, которая блокирует его истинную, здоровую энергию (поле интеллекта и совести). «Страх сверхъестественных сил» – это мотивация боли, которую запускает закон сохранения силы на поле эгосистемы. Понятно, что «сверхъестественные силы» – это просто искаженная информация в виде количественной абстракции противостоящих сил космоса и человека. Действительно, поскольку оба поля образует закон сохранения силы психики и поскольку информация поля говорит об угрозе силе Я со стороны громадной силы мира, то именно так закон сохранения силы провоцирует страх и после-

дующую активность эгозащиты, которая и составляет существо активности детерминированной энергии. Она бессмысленна и вредна с точки зрения разумного поля человека, но имеет смысл как заурядная детерминированная энергия природы, основанная на циклическом гомеостазе равновесия-неравновесия.

Здесь получают свое объяснение наблюдения многих психологов о том, что психика имеет два характера мотивации – циклический гомеостаз неравновесия, провоцируемый страданием (мотивация боли) и стремлением к покою, и с другой стороны потребность в удовольствии и росте (мотивация удовольствия).

Тут мы переходим к фундаментальному полю психике, к собственно духовной энергии, которая составляет существо человека, образуя его реальное, подлинное «я». Мы уже знаем что оно образовано полем интеллекта. Что его самооценка связана со знанием и научным (интеллектуальным) контролем закона сохранения силы. Поэтому информация о мире, которую дает научный контроль этого поля – адекватна. Поэтому равновесие не циклическое, как в случае с эгозащитой на поле мистического страха, а устойчивое. Человек обретает реальные знания о себе и о мире и устойчиво контролирует свое взаимодействие с миром. Если самооценка поля эгосистемы связана с противоборством всех эго, с завистью, ревностью и насилием, то самооценка научного контроля поля интеллекта связана с сотрудничеством, энергией дружбы, совести и сочувствия. Если эгозащита запускается страхом сверхъестественных сил как компульсивной мотивацией боли, потребности избежать страдания, то научный контроль связан с мотивацией удовольствия в любви к миру, в страсти к познанию, к совместному творчеству и общению.

Таким образом, два контроля закона сохранения силы – физический и интеллектуальный, образующие два силовых поля психики, и составляют тот основной закон психологии, который систематизирует весь эмпирический материал и превращает психологию в зрелую систематическую науку.

Понятно, что поле эгосистемы, порождающее детерминированный ток психики (ДТПЭ) – это паразит на теле фундаментальной энергии психики (КТ). Что ДТПЭ подобен раковой опухоли, разъедающей тело здоровой, разумной, живой энергии психики человека. Но при этом это неживая энергия. Оствальд проводит разницу между живой и неживой энергией природы в зависимости от характера закона сохранения силы: у живых энергий он имеет вид самосохранения. Так вот если КТ – это самосохранения, то ДТПЭ – это неживая энергия, эгозащита не защищает никакого реального эго, так как эго и суперэго – это только чувственная информация человека о самом себе, образующая полюса силового поля детерминированной энергии. Эго подобно отражению человека в зеркале, которое нельзя приравнять к самому человеку. Таким образом, эгозащита не носит характер самосохранения живой энергии.

Тем не менее, мы можем с уверенностью говорить, что не только вся патология психики, все психозы, вся беспомощность имеют источником поле эгосистемы детерминированной энергии психики, но и все то, что принято называть злом, пороком и безнравственностью. А следовательно, зло не имеет нравственной оценки, но только медицинскую. Злые люди – не плохие люди, а глубоко больные люди.

Еще один вывод, к которому мы приходим, анализируя основной закон психики, состоит в том, что психотерапия может быть только когнитивной терапией. Только знание и следовательно система образования могут справиться с врожденной болезнью психики в виде активного поля эгосистемы детерминированной энергии. Поскольку остановить детерминированный ток и дезактивировать поле эгосистемы можно только знанием о двух полях психики, способности идентифицировать Эго и отделить его от реального Я, и доказать что физический контроль сохранения силы в виде эгозащиты на поле мистики – есть ложный контроль, который на деле провоцирует паразитическую энергию, разъедающую реальную силу организма. Именно закон сохранения силы психики автоматически отключит поле эгосистемы в тот самый

момент, когда психика человека убедится в том, что физический контроль – ложный контроль. Таковы механизмы, которыми господь бог предусмотрел избавление человека от его болезни «первородного греха» по мере того, как человек будет овладевать знаниями и найдет в конце концов знания о своей собственной психике.

«Наш мозг не есть обиталище, седалище, созидатель, не есть инструмент или орган, носитель или субстрат и т. д. мышления. Мышление не есть обитатель или повелитель, половина или сторона и т. д., но и не продукт и даже не физиологическая функция или даже состояние вообще мозга»

Авенариус «Человеческое понятие о мире»

«Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятие, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри нее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем можно было бы объяснить восприятие».

«Конт вовсе отвергает, как совсем ненужный процесс, психологическое наблюдение, или говоря иначе, внутреннее сознание. Он не дает места психологии в своем ряду наук и отзывается о ней всегда с презрением. Какое же орудие предлагает Конт для изучения „моральных и интеллектуальных функций“ взамен психологии им отвергаемой? Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако, он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами, как на освобождение науки о человеке из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным, если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы. Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе»

Дж. Ст. Милль «Огюст Конт и позитивизм»

«Поскольку бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность. Для необихевиориста нет никакой разницы между улыбкой друга и улыбкой врага, улыбкой хорошо обученной продавщицы и улыбкой человека, скрывающего свою враждебность. Однако трудно поверить, что профессору Скиннеру в его

личной жизни это также безразлично. Если же в реальной жизни эта разница для него все же имеет значение, то как могла возникнуть теория, полностью игнорирующая эту реальность? Необихевиоризм не может объяснить, почему многие люди, которых обучили преследовать и мучить других людей, становятся душевнобольными, хотя „положительные стимулы“ продолжают свое действие. Почему положительное „стимулирование“ не спасает многих и что-то вырывает их из объятий разума, совести или любви и тянет в диаметрально противоположном направлении? И почему многие наиболее приспособленные человеческие индивиды, которые призваны, казалось бы, блистательно подтверждать теорию воспитания, в реальной жизни нередко глубоко несчастны и страдают от комплексов и неврозов? Очевидно, существуют в человеке какие-то влечения, которые сильнее, чем воспитание; и очень важно с точки зрения науки рассматривать факты неудачи воспитания как победу этих влечений»

«Но можно показать, что основной разницы в общем характере умственного склада между человеком и животным не существует. С другой стороны мы должны согласиться, что различия между одной из низших рыб и одной из высших обезьян гораздо значительнее, чем между человеком и обезьяной... Точно также нельзя назвать ничтожной разницу в умственных способностях между дикарем, не употребляющим никаких отвлеченных выражений, и Ньютоном и Шекспиром. Различие подобного рода между величайшими людьми наиболее развитых рас и последними из варваров тоже связаны между собой тончайшими переходами. Поэтому можно думать, что они переходят одно в другое и развиваются постепенно»

*«Естественный отбор проистекает из борьбы за существование, а последняя есть следствие быстрого размножения. ...Но так как человек страдает от тех же внешних условий, что и животное, то он не имеет права ожидать пощады от пагубных последствий борьбы за существование. . Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что **Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития.***

Из примера некоторых южноамериканских стран мы можем, по-видимому, заключить, что нация более или менее цивилизованная, как, например, тамошние испанские поселенцы, способна впасть в бездеятельность и отступить в развитии своем назад, если условия существования становятся слишком легкими.

Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрых и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых и предательских членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей, часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благодатную природу.

У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы,

цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство – крайне неблагоприятно для человеческой расы.

Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть мы должны переносить безропотно несомненно-вредные последствия переживания и размножения слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно, чтобы браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака»

«Противоречия в философии Канта с неизбежностью вели к тому, что философы, которые находились под его влиянием, должны были быстро развиваться или в эмпиристском, или в абсолютистском направлении. Фактически в последнем направлении и развивалась немецкая философия вплоть до периода после смерти Гегеля. Непосредственный преемник Канта, Фихте (1762—1814), отверг „вещи в себе“ и довел субъективизм до степени, которая, по-видимому, граничила с безумием. Он полагал, что является единственной конечной реальностью и что она существует потому, что она утверждает самое себя. Но , которое обладает подчиненной реальностью, также существует только потому, что принимает его. Фихте важен не как чистый философ, а как теоретический основоположник германского национализма. Его непосредственный преемник Шеллинг (1775—1854) был более привлекателен, но являлся не меньшим субъективистом. Он был тесно связан с немецкой романтикой. В философском отношении он незначителен, хотя и пользовался известностью в свое время. Важным результатом развития философии Канта была философия Гегеля» Я Я Я

«Ученый чувствует, что все вокруг связано цепью причин и следствий... Его религиозное чувство принимает форму восхищения и восторга перед гармонией законов природы, в которых ему открывается интеллект такой силы и высоты, что в сравнении с ним ничтожными выглядят все систематическое мышление и деятельность человечества. Несомненно это чувство очень близко тому, что испытывали религиозные гении всех эпох. Всякий кто серьезно занят научным поиском, приходит к убеждению, что в законах, правящих вселенной, проявляет себя некий дух, стоящий бесконечно выше человека... Таким образом, научный поиск ведет к особому рода религиозному чувству, весьма отличному от религиозности людей более наивных. Я верю в Бога

Спинозы, открывающего нам себя в гармонии всего сущего, – но не в Бога, озабоченного судьбой и деяниями людей».

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»

«К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умпостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры. Не знаю лучшего слова, чем „религиозность“, для уверенности в рациональной природе реальности, постольку поскольку она постижима для человеческого разума. Там, где это чувство отсутствует, наука деградирует до плоского и бездушного эмпиризма. Я глубоко религиозный неверующий... Вот такая новая религия».

«Я мыслю, следовательно, существую» картезианской философии вполне отражает существо духовной энергии, как берущей свой источник в интеллекте. Таково же определение духовной энергии в философии Спинозы и в приводимых здесь цитатах известного физика, сделавшего ряд ключевых открытий 20 века.

Метафизика интеллекта предполагает первичность интеллекта, как форму задающую движение материи. Будь это мир идей Платона, законы природы Декарта и Спинозы или монады Лейбница – это всегда некая заданная идеальная форма, которая направляет движение материи, как составляющую содержание этой формы. В таком же ключе говорит об интеллекте и науке Френсис Бэкон в «Новом органоне»: «Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет . Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать данной природы, или истинное отличие, или производящую природу, или источник происхождения». *метафизику, физику форму*

«Разница между человеком и животным выясняется, как мы видим теми же двумя способами. Примечательно, что не существует человека настолько пустоголового и тупого, включая и сумасшедших, чтобы связав различные слова, не передать речью мысль, доступную понимания собеседника; и наоборот нет никакого другого животного, включая лучших в своем виде и рожденных в самых счастливых условиях, способных сделать хоть что-то похожее. И виновато здесь не строение органов, потому что сороки и попугаи могут, как известно, произносить слова нашего языка, но не могут говорить как мы, то есть обнаруживать в словах свои мысли. Тогда как люди глухонемые от рождения, хотя органами речи способны пользоваться не лучше животных, изобретают обыкновенно знаки, посредством которых могут объясниться с теми, кто найдет время, оставаясь в их обществе, изучить их язык. Это доказывает не просто, что у животных разума меньше чем у людей, но что животные вовсе лишены разума. Ведь известно как мало ума требуется, чтобы научиться говорить».

«чем будет благо в умпостигаемой области по отношению к уму и умпостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам. Считай, что так бывает и с душой:

всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность».

«Однако, Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными. Для этого надо открыть или доказать, проследив все их последствия, те из этих истин, которые способны служить связующей цепью в классификации наук. Истины эти должны относиться к этой науке так, как закон равновесия и движения к механике, как закон тяготения к астрономии, как периодический закон к химии, как закон элементарных свойств тканей к физиологии. Как только такая операция исполнена, она характеризует конец эмпирического периода и дает возможность понимать науку как стройное и связное ядро учения. Вот чего не было сделано в социологии»

Дж. С. Милль «Огюст Конт и позитивизм»

«Ясно, что мы еще не решили проблему единиц анализа человеческой природы, хотя сама проблема была поставлена двадцать три столетия назад. Столь же ясно, что психология намного отстает от химии с ее периодической таблицей элементов, от физики с ее поддающимися верификации, хотя и неуловимыми квантами и даже от биологии с ее клеткой. Психология еще не знает, какой может быть ее „клетка“. Отчасти именно по этой причине скептики ставят под сомнение право психологии называться наукой. Психологи еще не достигли согласия в том, какие единицы анализа использовать».

«Все люди в нашем обществе (с редкими патологическими исключениями) имеют потребность в стабильной, обоснованной, обычно высокой самооценке, в самоуважении или чувстве собственного достоинства и в уважении окружающих. Следовательно, эти потребности можно отнести к одному из двух подклассов. К первому из них относятся сила, достижения, адекватность, мастерство и компетентность, уверенность перед лицом внешнего мира, независимость и свобода. Ко второму мы отнесем то, что можно назвать желанием хорошей репутации или престижа (определяя их как уважение или оценку со стороны других людей), а также статус, известность и славу, превосходство, признание, внимание, значительность, чувство собственного достоинства или внимательность. Эти потребности были в общем и целом выделены Альфредом Адлером и его последователями и были в общем и целом проигнорированы Фрейдом. Сегодня все большее и большее распространение получает признание их чрезвычайной важности как со стороны психоаналитиков, так и клинических психологов»

Мотивация и личность Маслоу

«Как известно не сознательный субъект, а именно бессознательное совершает это проецирование. Следовательно, он только сталкивается с проекциями, а не создает их. Результат проекции – изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недостижимой. Возникающее в результате чувство неполноценности,

и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется – благодаря проекции – недоброжелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее Эго видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. (...) Часто печально наблюдать, как вопиюще человек портит свою жизнь и жизни других людей, и вместе с тем остается совершенно неспособным понять, что вся эта трагедия порождается в нем самом и что он беспрестанно подпитывает ее и не дает ей прекратиться. Не сознательно конечно, ибо сознательно он оплакивает и проклинает вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него. Скорее это бессознательный фактор прядет иллюзии, скрывающие его мир. А то что прядется становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его» К. Юнг

«Общее значение этих нарушений в жизни пациента вполне очевидно. То, что он не является активным определяющим фактором своей собственной жизни, создает у него чувство глубокой неуверенности, неважно, насколько оно прикрыто вынужденной жесткостью. Он не чувствует своих чувств, и это делает его неживым, неважно, насколько велика его поверхностная живость. Он не отвечает за себя, и это отнимает у него внутреннюю независимость. Вдобавок, бездеятельность его подлинного я оказывает значительное влияние на развитие его невроза. Именно здесь яснее всего видна та грань отчуждения от себя, которую составляет механизм порочного круга. Сам являющийся порождением невроза, он становится причиной его дальнейшего продвижения. Ибо чем больше отчуждение от себя, тем более беспомощной жертвой гордыни становится невротик. У него все меньше и меньше живой силы, чтобы ей сопротивляться». К. Хорни «Невроз и личностный рост»

«Состояние застоя. Больной как бы оказывается в заколдованном круге, не позволяющем приблизиться к фактам жизни, увидеть настоящее, приспособиться, испытать свои силы и ответить на вопрос, что он собой представляет».

А. Адлер

Глава 2. Ось мировой истории. Логос против мифа

1) *Логос против мифа. Конец мифологической эпохи*

2) *Первое и второе осевое время*

3) *Два великих кризиса Духа*

1) **Логос против мифа. Конец мифологической эпохи**

К. Ясперс сформулировал самую известную теорию осевого времени в книге «Истоки истории и ее цель». Он противопоставил точки зрения Э. Лазо и В. Штрауса, которые говорят об одновременном зарождении духовности в Китае, Индии, Греции, Израиле и Персии философии истории Гегеля, который провозгласил осью мировой истории явление богочеловека Христа. В интерпретации Ясперса, осевое время – это время рождения Разума, Рациональности, Философии и Рефлексии, а вместе с ними Духа человека и его Личности. Это начало мировой истории, времени универсальности, когда люди начинают осознавать свою общую духовную сущность и происходит становление общечеловеческого самосознания и общества.

Он пишет о том, что осевое время размежевало миф и логос, и что мифологической эпохе приходит конец, но в то же время, она не исчезает совершенно, но консервируется с тем, чтобы время от времени вновь подниматься во всей своей силе. Вот как он сам формулирует специфику осевого времени:

Ясперс называет время пробуждения разума, самосознания человечества – осью мировой истории, чтобы подчеркнуть, что существование человека до пробуждения его сознания не является историей, но лишь доисторией, подготовившей время становления человеческого духа. Это становление человеческого духа и есть истинный смысл человеческого существования и истинное содержание истории.

При этом Ясперс далек от эволюционного подхода. Он подчеркивает тот факт, что прогресс идет в знании и технике, но «не в субстанции человека, не в его природе», сформировавшейся в доисторические времена и с момента начала истории остающейся постоянной и неизменной. Таким образом, осевое время – это появление зрелой, подлинной природы человека, которая уже никогда не меняется. Содержанием истории становится прогресс в области знания, который и будет означать становление духа. Так Ясперс пишет:

Ясперс не относит великие цивилизации древности, такие как цивилизации Двуречья и Египта, с их «магическими религиями» к осевому времени. Он делит существование человека на «доисторию» прометеевского времени (то есть неолита), когда человек нашел орудия труда и научился производящему хозяйству, на переходный период древних цивилизаций, когда были освоены основы общежития и государственности, и наконец, на осевое время истории, когда возникает личность, с ее самосознанием, рефлексией, философией и этическими религиями. Как мы можем видеть, пропасть, разделяющая магические и этические религии так велика в понимании Ясперса, что через нее проходит рубеж между доисторией первобытного общества и началом исторического существования разумного, духовного человечества. Именно поэтому, историческое существование все прочие народы, не участвовавшие в «прорыве» самостоятельно получают лишь в той степени, в которой они сумели впоследствии приобщиться к этому прорыву сознательного существования.

«Осевое время служит ферментом, связывающим человечество в рамках единой мировой истории. Осевое время служит масштабом, позволяющим нам отчетливо видеть историческое значение отдельных народов для человечества в целом. Глубочайшее разделение народов определяется тем, как они относятся к великому прорыву осевого времени.

Мы различаем:

1. Это те народы, которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нем, тем самым заложив основу духовной сущности человека

и его подлинной истории. К этим народам мы относим китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков. *Осевые народы.*

2. Прорыв был решающим по своему универсально-историческому значению, но не повсеместным событием. Ряд народов великих культур древности, существовавших до прорыва в осевое время и даже одновременно с ним, не были им затронуты и, несмотря на одновременность, остались внутренне чужды ему. К осевому времени еще относится период расцвета египетской и вавилонской культур, хотя и с несомненными признаками поздней стадии. Обе они не знали преобразующей человека рефлексии: не испытали метаморфозы, соприкасаясь с осевыми народами, и не реагировали на прорыв, который произошел вне сферы их непосредственного существования. Они остались, по существу, такими же, какими они были раньше в качестве предшествующих осевому времени культур, достигнув громадных успехов в области организации государственной и общественной жизни, в архитектуре, пластике и живописи, в создании своей магической религии. Однако все это происходило уже на стадии медленного умирания. *Народы, не знавшие прорыва.*

3. Все народы делятся на тех, основой формирования которых был мир, возникший в результате прорыва, и тех, кто остался в стороне. Первые – исторические народы; вторые – народы первобытные. Элементом, политически структурировавшим новые мировые империи в мире прорыва, были македонцы и римляне. Их духовное убожество связано с тем, что они не сумели воспринять всей душой опыт осевого времени. Поэтому они были способны в историческом мире к политическим завоеваниям, к управлению, к организации, к восприятию и сохранению образованности, к непрерывности в передаче опыта, но не к его продолжению или углублению. По-иному обстояло дело на севере. Здесь, так же как в Вавилоне и Египте, не было великого духовного преобразования. Нордические народы пребывали в дремотности примитивного состояния. *Последующие народы.*

После того как совершился прорыв осевого времени и сформировавшийся в нем дух стал посредством своих идей, творений, образов доступен каждому, кто был способен слышать и понимать, когда стали ощутимы безграничные возможности, все последующие народы становятся историческими в зависимости от степени интенсивности, с которой они отзываются на совершившийся прорыв, и от глубины, на которой он ими ощущается» К. Ясперс Истоки истории и ее цель

Он твердо заявляет, что наука нового времени не является вторым осевым временем в смысле качественно нового прорыва в самосознании человека, а в лучшем случае «вторым дыханием» первого осевого времени. И что человечество до сих пор способно черпать воодушевление и энергию только погружаясь в священный источник первого откровения, полученного в те несколько столетий до рождения Христа, в которые родилась греческая философия и древняя религия иудеев и индусов.

Ясперс гениален во всем своем прозрении исторического процесса, кроме этого последнего вывода. Он безусловно прав в том, что определяет конец мифологической эпохи как ось мирового времени. Он также непогрешим в своем выводе о том, что первое рождение разумной личности еще не полностью свободу от магического сознания, которое дремлет в нем и может быть пробуждено в любой момент. Таким образом, он говорит скорее о некоем синтезе мифа с логосом, чем о войне, объявленной логосом мифу. Действительно, на первом этапе так и должно было быть. Как пронизательно его определения процесса становления духа, как прогресса в знании, но не в сущности, не в самой природе человека, которая остается неизменной. И что эта общая природа человека непременно ведет к единой мировой истории всего человечества. Он также категоричен в противопоставлении своего видения линейного мирового процесса мировой истории человечества циклической теории Шпенглера и Тойнби, как категоричен будет позже Альберт Швейцер в «Культуре и этике».

Однако, вся гениальность этого прозрения остается нейтрализованной и бездействует в безвестности по причине того, что Ясперс, стоя на позициях Канта, смазывает в конечном итоге решительную критическую границу между логосом и мифом, которая является рождением истории разумной личности. Для него миф остается не временно, а навсегда, и линия между мифом и логосом навсегда размыта, и это не имеет никакого решительного воздействия на сознание человечества в его понимании. Поэтому человечество может бесконечно возвращаться к архаическим этическим религиям времен Древней Греции, и черпать в них свое вдохновение. По той же причине, он не способен увидеть и раскрыть пути становления духа после его рождения в осевое время, хотя из определения которое он вначале дает эти дороги ясны и прозрачны. Эта кантианское благоговение перед всеилием духа, заставляет его заявить, что сознание человека нельзя определить, так как это идея. По той же причине его психиатрия, которая в философском смысле очень удачно противостоит дарвиновской психиатрии примитивного биологизма, остается беспомощной. Ибо на практике кантианец, признающий дух всеильным в своей свободе самоопределения, ничего определенного в отношении этого духа сказать не может. Попробуем мы сделать это вместо Ясперса с позиций теории психической энергии, ибо, к счастью, никак не связаны с абсурдом кантианской философии.

2) Первое и второе осевое время

К. Ясперс, будучи кантианцем, остается мистиком. Именно это останавливает его трезвый научный анализ. Дух, сознание, воля в кантианской философии, как известно, мистические категории трансцендентного мира. Рационализм Спинозы признает метафизику интеллекта, то есть закономерность и необходимость всего сущего, данного в законах бога-интеллекта. В этом смысле сознание человека, его духовная энергия также имеют закономерности и необходимость как и весь прочий космос. Разница только в том, что человек может познавать законы этого мира (в том числе и законы своей собственной энергии) и получать доступ к силе природных энергий (контролировать законы природы). Но характер необходимости имеет все, и свобода возможна только в границах познания и контроля законов бога.

Мистика философии Канта и его последователей (Фихте, Гегеля) состоит в том, что они делят мир на две субстанции: необходимость природного мира и абсолютную свободу духа. Таким образом, природа подчиняется естественным законам и может быть познана научным методом, а человеческое сознание насквозь мистично, поскольку свободно само устанавливать себе законы, никак не подчиняясь закономерностям божественной необходимости. Понятно, что в этом случае ни о какой гуманитарной науке не может идти речь, поскольку человек подобен богу в своей абсолютной свободе и нет законов природы, контролирующих его духовную энергию.

Поэтому Ясперс теряет нить рассуждений сразу после того, как формулирует идею осевого времени как конца мифологической эпохи. Он не может продолжить свою мысль и сказать, что продолжением конца мифологической эпохи будет окончательная победа рационального сознания над сознанием мистическим, и что это станет возможным благодаря становлению гуманитарной (социальной) науки: психологии. Что будут открыты закономерности духовной энергии и это позволит человеку разоблачить вредоносную энергию психики, источник психических и нравственных расстройств, – разоблачить и обезвредить. Главное, он не видит того принципиального следствия из своих рассуждений, что логос и миф – два антагонизма, которые никогда не смогут ужиться в психике человека, и что становление духа, а значит и смысл истории всегда будут означать окончательную победу логоса над мифом. А содержанием истории будет противоборство мифа и логоса в сознании человека до тех пор, пока разум, наконец, не одержит уверенной победы над мистикой.

В антропологии эту точку сформулировал Люсьен Леви-Брюль, о котором мы уже упоминали в этой связи. Он выступил против своих учителей Фрезера, Тейлора, Дюркгейма, которые не видели качественных отличий между рациональным и мистическим сознанием человека.

Тейлор и Фрезер выстраивают единую эволюционную линию развития сознания от абориген до цивилизованного человека с количественными различиями. Дюркгейм утверждает, что мистика – это неизменная и базисная часть природы всех людей, как диких, так и цивилизованных, и у всех имеет одинаковую функцию источника социальной энергии, единения и возбуждения психической энергии людей. Леви-Брюль не согласился со своим учителем и другом. Он пишет в «Первобытном сознании», что рационализм и мистика два качественно различных пласта сознания, которые вполне могут совмещаться в одной психике. Он также указывает на непримиримый характер антагонизма между этими двумя пластами сознания, и говорит о несовместимости рационального (логического) мышления с мистическим сознанием абориген.

Мы будем отстаивать точку Леви-Брюля в этой работе, как и во всех предыдущих работах. И потому для нас очевидно, что конец мифологической эпохи, который принесло осевое время Ясперса, есть только начало объявленной войны разумом человека его мистическому сознанию. И что Новое время, которое принесло с собой становление естественных наук должно стать логическим завершением этого процесса, и таким образом, окончательно развесть рациональную и мистическую составляющую человеческого сознания.

Анализируя возможные причины одновременного пробуждения духа рационализма в пяти разных точках планеты, Ясперс приходит к выводу об откровении, то есть останавливается на традиционном объяснении возникновения этических религий, которое дают они сами. Его удовлетворяет такое объяснение, которое позволяет не сомневаться в истинности полученной информации. Однако, как нам кажется объяснение, которое дает Спиноза сущности и происхождению Священного писания в «Богословско-политическом трактате» более удачно.

Спиноза не отрицает откровения и пророков, но он говорит о том, что пророки тоже люди и их способности к пониманию откровения сильно ограничены. Что первые пророки могли воспринимать откровение только через воображение, а не через разум, и потому их информация сильно искажена. Что то что излагается в мифах, – излагается для детского состояния человечества, чтобы напугать его «сверхъестественным светом» и заставить подчиняться законам вопреки его воле. И только то, что человек понимает «естественным светом разума», говорит ему о законах написанных богом в его сердце. И только восприятие разумом естественных законов природы, а не воображением и мифами, – дает истинное и адекватное знание. Только разумное восприятие освобождает, ведь свобода есть осознанная необходимость, тогда как подчинение законам через страх, который внушают мистические знамения и властные приказы пророков только порабащают. Таким образом, Спиноза подчеркивает значительность иррационального в древних священных писаниях, и говорит о том, что развитие мышления и науки приведет к потере авторитета этими писаниями, так как даст более истинное, подлинное знание, свободное от «сверхъестественного света» мистики.

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

Спиноза цитирует Маймонида в «Богословском трактате», оскорбленный его «дерзостью» утверждать, что авторитет писания выше авторитета разума: «Поэтому, если кто-нибудь прочтет исторические рассказы Священного Писания и во всем даст ему веру, а на учение, однако ж, которому оно теми рассказами старается научить, не обратит внимания и не исправит свою жизнь, то это для него все равно. И, наоборот, кто их совершенно не знает и тем не менее имеет спасительные мнения и ведет истинный образ жизни, тот, как мы сказали, безусловно блажен и на самом деле имеет в себе дух Христа. Но иудеи думают совсем обратное. Они ведь утверждают, что истинные мнения, истинный образ жизни нисколько не способствуют блаженству, пока люди получают их только путем естественного света, а не как правила, пророчески открытые Моисею. Маймонид в 8-й гл. Царей, в законе 11, открыто дерзает утверждать это в следующих словах: «Всякий, кто принимает семь заповедей и будет старательным исполнителем их, тот принадлежит к праведникам из народов и наследует будущий мир; конечно, при

условии, если он примет и исполнит их потому, что бог предписал их в законе, и потому, что он открыл нам через Моисея, что раньше они же были предписаны сыновьям Ноя; но если кто исполнит их, руководясь разумом, тот не поселенец и не принадлежит ни к праведникам из народов, ни к их мудрецам. ... Читал также и, кроме того, знал некоторых болтунов-каббалистов, безумию которых я никогда не мог достаточно удивиться. А что ошибки, как мы ска-зали, вкрались, то в этом, я думаю, не сомневается ни один здравомыслящий человек... Те, кто принимает Библию такой, какова она есть, за письмо божье, ниспосланное людям с неба, без сомнения, возопиют, что я совершил грех против Святого Духа, именно: утверждая, что это слово божье содержит ошибки, пропуски, подделки и не согласно само с собою. Письменно, в виде закона, религия была передана первым иудеям потому именно, что они в то время считались как бы детьми. Но впоследствии Моисей (Второзак., гл. 30, ст. 6) и Иеремия (гл. 31, ст. 33) предсказывают им, что настанет время, когда бог напишет свой закон в их сердцах. Наконец, если они согласно известному выражению апостола во II Послании к коринфянам (гл. 3, ст. 3) имеют в себе письмо божье, написанное не чернилами, но духом божьим и не на скрижалях каменных, но на плотских скрижалях сердца, то пусть перестанут почитать букву и столь заботиться о ней».

Далее Спиноза пишет, что хоть учение Христа тоже не есть рациональная философия или наука, но тем не менее, для его понимания не требуется «сверхъестественного света» запугивания знаменами, а напротив оно понятно естественным образом каждому так как говорит о законах написанных в сердцах людей. На этом основании он противопоставляет Евангелие Христа Ветхому завету иудейских пророков, как истинное и адекватное знание. Как известно, Томас Пейн, Лев Толстой, Эмерсон Ренан продолжили эту традицию Спинозы, представив Евангелие как рационалистическую критику Ветхого завета Моисея. Т. Карлейль, Дж. Милль, М. Вебер, Куно Фишер и др. Исследователи пишут о протестантах Реформации как о точно такой же рационалистической критике писания, – критике, которая в конечном итоге сделала возможной свободу мышления на Западе.

Для нас это важно как яркое свидетельство того факта, что Ясперс ошибался, считая, что первые этические религии и сегодня существуют в первозданном виде, и что до сих пор человечество черпает вдохновение в этих первых священных источниках. Он перечисляет Гомера, Пифагора и Платона через запятую, как единую мудрость осевого времени Греции, а между тем, Пифагор, Сократ и Платон – это такая же рационалистическая критика Гомера, какой позже стал Христос для Ветхого завета иудеев. Пифагора сожгли, его школы разгромили, Сократа приказали отравить, но Платон все же увековечил память обоих, и его великая философия стала частью христианского синтеза средневековья. Христа распяли, но и он успел сделать свой огромный вклад в будущее становление духовной энергии человечества, став неотъемлемой частью того нового интеллектуально-мифологического синтеза, каким стало христианство для последующих веков. Христианские монастыри сохранили философию и знания первого осевого времени, и из них в новое время возродилось рациональное мышление уже в новом качестве.

Таким образом, христианство уже следующий шаг на пути заданном первым осевым временем к полной эмансипации рационализма от мистики. Великий христианский синтез впитал в себя грандиозные достижения человеческой мысли античного периода, сохранил и развил это знание в новую, гораздо более совершенную науку в Новое время.

В то же время конфуцианство, иудаизм и индуизм уже больше не были святыми источниками вдохновения, как когда то в первое осевое время, поскольку с тех пор человечество сделало большой путь на пути к прогрессу рационализма. А эти религии остались законсервированными в своем первоначальном виде. Ислам возник значительно позже не только первого осевого времени, но даже значительно позже христианского синтеза, который стал следующим шагом на пути становления духа после осевого времени. О Магомете Швейцер говорит как

об эпигоне, который не внес ничего нового в религиозное развитие, а Ренан пишет, что ислам выпитал в себя иудаизм и проигнорировал то прогрессивное, что внесло христианство в иудаизм. Эрнест Ренан пишет в «Жизни Иисуса», что «ислам – это до некоторой степени возрожденный иудаизм, поскольку последний является воплощением наиболее характерных черт семитизма». С ним соглашается Гегель в «Философии истории». Куно Фишер так излагает позицию Гегеля: «Иудейское понятие бога, освобожденное от всякого иудейского партикуляризма, эта идея абстрактного единого и есть магометанская идея бога. Это уже не Йегова, а Аллах».

Таким образом, мы можем говорить не соглашаясь с Ясперсом, что священный источник осевого времени в наши дни уже остыл, и не питает новыми силами всех жаждущих просветления на пути становления духа. Что только буддизм, христианство и греческая философия вышли из первого осевого времени обновленными, а остальные этические религии остались законсервированными и больше не могут обогатить дух современной цивилизации, ушедшей далеко вперед в очищении рационального духа от мистики.

Наконец, мы можем говорить о том, что второе осевое время вовсе не расплывчатое предположение далекого будущего, необозримого для нас. Напротив, его контуры столь четко начертаны современным развитием науки как знания о природных энергиях, что мы не просто можем, мы обязаны увидеть это второе осевое время и сделать соответствующие выводы.

Великие открытия в физике несомненно ознаменовали начало второго осевого времени, которое не заметил Карл Ясперс. Это век нового, энергетического мышления. Новое оно тем, что мышление впервые входит в свою стихию энергетики, в которой оно, наконец, может вернуться в полную мощь и обрести устойчивость научного контроля. Поскольку только с энергетики начинается настоящее научное мышление.

Поэтому открытие электромагнетизма, радиоактивности, квантовой физики положили начало новому энергетическому мышлению, ознаменовав период второго своего времени, когда дух человека не просто просыпается в полумистической дреме религии, но уже становится на ноги и начинает свою могучую поступь научное мышление.

Вильгельм Оствальд стал выразителем духа второго осевого времени, когда сформулировал теорию новой эпистемологии в виде энергетики. Он говорит, что познание мира возможно только как познание различных природных энергий, что не может быть другого объекта научного исследования кроме энергии. Наконец, что человек видит и понимает энергии природы, способен к их познанию, потому что сам он тоже такая же энергия природы. Он говорит о биологической и психической энергии в человеке. Все это несомненно делает его отцом второго осевого времени, которое окончательно оформится со становлением энергетической эпистемологии в этих основных тезисах Оствальда.

Сделал он и грубые ошибки, поскольку стоял на позиции эмпиризма, а энергетическая эпистемология возможна только с позиций философии рационализма. Так он постулировал «эвристический метод» познания в виде измерений перетеканий энергий друг в друга на основе закона сохранения силы. Конечно, над таким пониманием энергетики посмеялись все его коллеги физики, особенно Планк и Эйнштейн. А Ленин правильно ему заметил, что Оствальд остался на позициях материализма, ничего нового не сказав в философии такой постановкой вопроса. Поэтому на этом этапе энергетическая революция в теории познания была провалена, а вместе с ней на неопределенный срок отодвинулось и наступление второго осевого времени.

Тем не менее, наука не стоит на месте. Грандиозный прогресс сделали гуманитарные науки в антропологии, психологии, в философии. Изучение духовной энергии в экзистенциализме Кьеркегора, Ясперса, в антропологии Леви-Брюля, в теории психической энергии Фрейда, Юнга, в гуманистической психологии сделали гигантские шаги. Сказано и сделано так много, что удалось, как вы могли видеть в предыдущей главе, сформулировать научную теорию с точки зрения энергетической эпистемологии уже и в психологии. Сформулирована тео-

рия психической энергии на основе колоссального материала, собранного мыслителями нового энергетического мышления. Дюркгейм пишет о психической энергии, Тойнби, Курт Левин, Никола Тесла, Ясперс, Юнг, Фрейд, Лесли Уайт.

Наконец, большой импульс получает в науке нового времени метафизика интеллекта. Особенно это заметно в позиции самого известного ученого двадцатого века, стоявшего за всеми фундаментальными открытиями физики – Альберта Эйнштейна. Он противопоставляет философию рационализма философии «плоского эмпиризма» и говорит о том, что настоящий ученый не может не видеть наличия законов природы и интеллекта стоящего за ним. Он пишет о том что «основной источник современных конфликтов между религией и наукой в представлении о личном Боге». Таким образом, он понимает, что мистика мешает становлению метафизики интеллекта, а вместе с ней и силе духовной энергии.

Соединение науки и религии, о котором говорит Эйнштейн, это и есть философия рационализма, которая признает первичность интеллекта по отношению к материи в виде закономерностей природы. Это деизм, о котором писали Томас Пейн, Ньютон, Руссо, Вольтер, Декарт, Лейбниц и Спиноза. Это метафизика бога-интеллекта, о которой говорили Эйнштейн, Планк, Макс фон Лауэ и Никола Тесла.

Религии могут стать частью метафизики интеллекта только после того как очистятся от мистики окончательно, или от идеи личного бога, как говорил Эйнштейн. В этом смысле об «универсальной религии» говорят со времен «проблемы Лессинга», который развил мысль о «вечном евангелии» в статье «Воспитание человеческого рода». Там он утверждает примерно то же, что говорим здесь мы. Что этические религии смесь рациональности и мистики, которые в мифологической форме говорят человеку правду о его духовной энергии с целью «воспитания человечества», которое на том этапе еще не готова к принятию сложной научной информации. И что постепенно, информация становится все более рациональной и строго научной и очищается от своей мистической составляющей. И в таком виде все этические религии сливаются в единую научную истину о человеке.

Такое понимание универсальной религии развивается и в «Исповеди савойского викария Руссо», и в «Культуре и этике» А. Швейцера, и в «Философской вере» К. Ясперса, и в «Все-ленском Евангелии» Р. Роллана, и в «Спиридионе» Ж. Санд и Пьера Леру, и в автобиографии Гете. Известным ее защитником был Джордано Бруно, пишет Дильтей в своем исследовании культуры времен реформации, где он упоминает еще ряд менее известных приверженцев идеи универсальной религии.

И напротив, реакция, которая стремится законсервировать мистику в религиях, соединяет все мистические элементы в таких нелепых построениях как бехаизм, теософия или иерофании Элиаде. Мистика по самой своей сущности – это противоборство догматизма, которое всегда дробится на бесконечное число ересей и никогда не объединяется. И наоборот, разум, научное мышление – это всегда общее, единое, абстрактное, выраженное в единых законах природы. Потому рационализм объединяет по своей природе, а мистика разъединяет по своей природе.

3) Два великих кризиса Духа

Однако, переход от первого осевого времени греческого гения и этических религий ко второму осевому времени западной науки вовсе не был скольльзящим и гладким, но был прерван тяжелым кризисом, уничтожившим великую культуру античности. Да, христианский синтез сохранил великие достижения культуры античности, но тем не менее это был новый компромисс рационализма с мистикой. Новый компромисс вместо объявления войны логосом мифу, войны не на жизнь, а на смерть, поскольку как мы знаем, мистика и разум антагонистичные силы, разрушающие одна другую.

Почему же так случилось, что остановило рациональное сознание античности, которое сделало такие успехи в греческой философии и римском праве? Почему Древняя Греция,

до сих пор служащая источником удивления и восхищения своими успехами во всех областях культуры, вдруг так бесславно потеряла себя сначала в подчинении Македонии, а потом и Риму? Почему Римская империя, средоточие мировой цивилизации античности, культуры, науки и военно-политической мощи того времени, вдруг стала жалкой добычей диких варваров? Почему спустя тысячу лет Византия, этот цветущий восточный Рим, становится легкой добычей турецких османов? Античность, так гордившаяся своим превосходством над дикими варварами, окружавшими ее изящную цивилизацию, ее свободный и гордый мир гражданского общества и военной мощи, вдруг вся целиком от эллинов до западного и восточного Рима становится добычей этих полудиких, неграмотных племен?

Если мы обратимся к нашему времени, мы увидим поразительные параллели со временами крушения античности. Последние два века слышен тот же тревожный набат в колокола в книгах великих мыслителей. В девятнадцатом веке это голоса Байрона, Кьеркегора, Огюста Конта, Льва Толстого, Достоевского, Герцена, Чернышевского, Прудона, Флобера, Мопассана. Даже голос Ницше, который, однако, пошел в противоположном направлении, но само ощущение катастрофы ощутил безошибочно, хотя только усугубил ее своим нигилизмом. Для века двадцатого это такие выдающиеся люди, как Бертран Рассел, Эйнштейн, Ромен Роллан, Вивекананда, Альберт Швейцер, Карл Ясперс, Альбер Камю, Жюльен Бенда, Ален Финкелькраут, Эрих Фромм, Джордж Оруэлл, Селинджер, Марк Твен, Герберт Уэллс.

Подобно Сократу, предсказавшему гибель Афин, или апокалиптическим пророчествам Христа, сбывшихся при падении Рима, эти пророки нашего бьют в набат и громким голосом кричат о кризисе культуры, о падении цивилизации, о гибели рационализма, о самоубийстве интеллекта. И как и тогда никто не хочет их слышать, пока Афины наконец не падут, и Рим не растопчут варвары.

Сегодняшний мир – это безусловно второй великий кризис духа после падения античности. Мы уже видели в Первую и особенно во Вторую мировую войну, каким страшным будет падение нашей цивилизации в результате очередного кризиса духа. Но эти тревожные звонки, прозвучавшие сиреной всечеловеческой голгофы, ничему нас не научили. На крики Швейцера о гибели культуры, Рассела о том, что мы живем в сумасшедшем мире, Бенды о предательстве интеллектуалов, Камю об самоубийстве разума по прежнему смотрят как на эксцентричные выходки самовыражающихся интеллектуалов, или же в лучшем случае безобидных чудаков. Однако, пророчества Бенды оправдались, когда спустя двадцать лет после его предупреждения о том, что нигилизм и иррационализм современной культуры приведет к жестокой бойне народов сбылись в безумной гитлеровской агрессии. Но было уже поздно. Теперь Рассел, Швейцер, Оруэлл говорят о гибели науки, о чудовищной диспропорции между развитием техники и социальной науки, о гибели культуры, о варварском национализме, стравливающем народы. И опять никто не желает их слушать. Хантингтон пишет книгу «Столкновение цивилизаций», где говорит о исконном противостоянии национальных культур в шпенглеровском смысле, и его книгу встречают как откровение. Конечно, все дело только в том, что люди прирожденные враги друг другу, и нечего фантазировать о кризисе какой-то культуры, науки и о предательстве интеллектуалов.

На самом деле, и падение античности и кризис последних двух веков – порождение одного и того же механизма, который каждый раз не срабатывает, когда человечество делает на него ставку в своем движении к рациональному сознанию.

Этот механизм – шизоидный интеллект, который профанирует научное мышление человека, превращая его в оторванные от реальности логические абстракции. Интеллект как мы помним источник здоровой, живой, разумной энергии человека, источник его духа. Поле эго-системы, напротив, источник мертвой и неразумной энергии болевой компульсии, порождаемой искаженной информацией о мире физическим контролем закона сохранения силы психики. Интеллект способен брать на себя функции эгозащиты, и тогда он перестает быть

интеллектом в истинном смысле слова. Перестает быть познанием законов природы (познанием действительности), и становится только частью механизма поля эгосистемы, частью детерминированной энергии психики, никак не связанной с познанием. Интеллект в данном случае превращается в логические абстракции, бредового содержания о победе эго над всем миром. Яркий пример – философия Ницше. Это выраженный шизоидный интеллект. Конечно, при этом он не перестает быть интеллектом и на поле живой разумной энергии человека, но вся энергия уходит на автоматизмы эгозащиты. Потому те редкие прозрения Ницше, которые говорят об изначальной потенциальной мощи эго интеллекта, потонули в бредовых абстракциях эго философской системы о воле к власти.

В античность шизоидный интеллект проявился во всю свою широту в культе «героев», людей-полубогов, которые личным всесилием завоевывают мир и отправляются на небесный Олимп к столь же всемогущим существам. Это всеобщее соревнование за власть и превосходство привело ко всеобщему противостоянию и самоуничтожению Греции в междоусобных войнах. То же самое случилось с Римом и Византией. Так Геродиан, греческий историк третьего века, писал: «Эта древняя болезнь Эллинов, беспрестанно враждовавших друг против друга и желавших гибели тому городу, который обладал какими-либо преимуществами, – это, собственно, и погубила Элладу. Ослабленные и истощенные междоусобиями Эллина сделались жертвами македонян, а затем были поработаны римлянами. Та же самая болезнь ревности и зависти перешла и к современным нам городам». Действительно, достаточно вспомнить ожесточенную борьбу за власть между Марием и Суллой, Цезарем и Помпеем, Октавианом и Антонием, о божественных императорах Калигуле, Нероне, Домициане, Коммодe и др героях римской истории, чтобы увидеть всю справедливость этого утверждения. Именно культ Эго стал основой культуры античности, и именно этот культ разложил и погубил античность, которая буквально самоуничтожилась. Никакие варвары никогда не справились бы с героями Эллады и Рима, что было очевидно из долгой истории их военных побед, если бы они не уничтожили себя сами.

Два направления мешали становлению рационального сознания, со времени эго первого пробуждения. Первое – это консерватизм старой мистики, старого мифологического сознания, которое не хотело терять своих позиций и отчаянно сопротивлялось прогрессу рационализма. Так, были убиты Заратустра, Пифагор, Сократ, Бозций, Бруно, Христос, наконец. Вместе со старым мифологическим сознанием сопротивлялись левиафаны деспотических государств, чудовища, произрастающие из этого мистического болота. Второе направление – это нестабильность самого интеллекта, подверженного болезни шизоидности, когда начинают создаваться интеллектуальные системы, разрушающие продуктивное мышление, существо которого в познании законов природы.

Древняя Греция сделала очень много для становления интеллекта. Прежде всего, создала метафизику интеллекта в учениях элеатов, Пифагора, Платона. Однако, развитие дедукции в ущерб индукции, софистика скептиков и эмпиризм Аристотеля, этого предтечи Юма, разрушили метафизику интеллекта античности. Интеллект споткнулся и заболел своей смертельной болезнью – шизоидностью.

Сегодня это та же болезнь, несмотря на громадный прогресс сделанный наукой в том числе и в теории познания. Тем не менее, проблема эмпирика Юма все еще остается неразрешенной, а на ней, как на китах древности, покоится все здание современной шизоидной философии – от немецкого идеализма до антиинтеллектуализма Ницше и Сартра, от позитивизма Конта до материализма Маркса.

И в итоге, второй великий кризис духа вновь поставил человечество перед лицом проблемы столкновения цивилизаций, как когда то античность. Только теперь дерутся не железными мечами, а атомными бомбами, и уже никакой христианский синтез не спасет цивилизацию, если дойдет дело до новой полномасштабной мировой войны.

ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания. Впервые появились В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем. В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исая, Иеремия и Второисая; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности» *«Мифологической эпохе с философы»*.

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

«В этой области мировая история может быть понята как развитие по восходящей линии, хотя и содержащее отступления и остановки, но в целом связанное с постоянным ростом достижений, в которые вносят свою лепту все люди, все народы, которые по самой своей сущности доступны всем людям

и действительно становятся достоянием всех. В истории мы обнаруживаем ступени этого продвижения, которое в настоящее время достигло своей высшей точки. Однако это лишь одна линия целого. Сама человеческая природа, этос человека, доброта и мудрость не подвержены такому развитию. Искусство и литература понятны всем, но отнюдь не всем присущи, они возникают у определенных народов в определенные исторические периоды и достигают неповторимой, непревзойденной высоты. Поэтому прогресс может быть в знании, в технике, в создании предпосылок новых человеческих возможностей, но не в сущности человека, не в его природе, возможность прогресса в сфере субстанциального опровергается фактами. Высокоразвитые народы погибали под натиском народов, значительно уступавших им в развитии, культура разрушалась варварами. Физическое уничтожение людей выдающихся, задыхающихся под давлением реальностей массы, – явление, наиболее часто встречающееся в истории. Быстрый рост усредненности, неразмысляющего населения, даже без борьбы, самым фактом своей массовости, торжествует, подавляя духовное величие. Беспеременно идет отбор неполноценных, прежде всего в таких условиях, когда хитрость и брутальность служат залогом значительных преимуществ. Невольно хочется сказать: все великое гибнет, все незначительное продолжает жить. Однако в противовес таким обобщениям можно указать на то, что великое возвращается, что великому вторит эхо, даже если оно молчало целые века и более. Но как преисполнено сомнения, как недостоверно это ожидание!»

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

«Великий прорыв служит как бы неким посвящением человечества в тайну неизведанных возможностей. Любое соприкосновение с ним – и впоследствии – носит характер нового посвящения. С этого момента в процессе собственно исторического развития участвуют только посвященные люди и народы. Если придет новое осевое время, то только в будущем, подобно тому как первое осевое время пришло лишь после того, как были открыты основополагающие условия человеческой жизни, резко отделившие человека от животного мира, лишь после прометеевского времени. Но это новое осевое время, которое, быть может, нам предстоит и явит собой единую, охватывающую весь мир действительность, мы представить себе не можем. Предвосхитить его в нашем воображении означало бы создать его. Никто не знает, что оно нам принесет»

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

«Суть всего учения Христа¹ каждый может легко усвоить при помощи естественного света. Наконец, для того чтобы религию, которую прежде подтверждали знамениями, приспособлять к обычному пониманию людей, так чтобы каждый легко принимал ее сердцем, апостолы не нуждались в сверхъестественном свете. Итак, Христос воспринимал откровения истинно и адекватно. Следовательно, если он когда-либо предписывал их как законы, то делал это из-за народного невежества и упорства. А тех, кому дано было знать тайны небес, он, без сомнения, учил вещам как вечным истинам, а не предписывал их как законы; в этом отношении он, освободив их от рабства

закону, тем не менее, еще более подтвердил и упрочил этим закон и глубоко написал его в их сердцах».

Спиноза

Богословско-политический трактат

«То, что мы сказали об израильтянах и Адаме, должно сказать и о всех пророках, писавших законы от имени бога, именно: что они воспринимали решения бога не адекватно, не как вечные истины; например, и о самом Моисее должно сказать. Вследствие этого он воспринял все это не как вечные истины, но как правила и постановления и предписал их как законы бога, а отсюда произошло, что он вообразил бога правителем, законодателем, царем милосердным, справедливым и пр., между тем как все это суть атрибуты только человеческой природы и от божественной природы они совершенно должны быть устранены. Это, говорю, должно сказать только о пророках, писавших законы от имени бога, но не о Христе. О Христе, хотя он, по видимому, тоже предписывал законы от имени бога, должно, однако, думать, что он воспринимал вещи истинно и адекватно, ибо Христос был не столько пророком, сколько устами божьими. Бог ведь через душу Христа открыл нечто человеческому роду. Итак, мы заключаем, что бог только сообразно понятиям толпы и только вследствие дефекта в мышлении изображается как законодатель или властитель и называется справедливым, милосердным и пр., что в действительности бог действует и управляет всем только вследствие необходимости своей природы и совершенства и, наконец, что его решения и воления суть вечные истины и всегда заключают в себе необходимость».

Глава 3. Энергетика Оствальда и второе осевое время

- 1) *Становление метафизики интеллекта Пифагора и Платона. Гилеморфизм Аристотеля.*
- 2) *Рационализм и эмпиризм. Проблема Юма.*
- 3) *Энергетика В. Оствальда и иерархия наук О. Конта.*
- 4) *Мистика немецкого идеализма*
- 5) *Спор Эйнштейна и Бора о квантовой механике и его значение для метафизики интеллекта.*

1) Становление метафизики интеллекта Пифагора и Платона

Бертран Рассел пишет в «Истории западной философии», что Пифагор явился таким же реформатором орфийской религии, каким был в свое время Орфей в отношении варварского культа Диониса. А вакханалии Диониса были известны еще ахейской Греции микенского периода, которая никак не связана с осевым временем «конца мифологической эпохи». Напротив, ахейская Греция являла собой классический образец мифологической эпохи тех времен, в том числе и по типичности магической религии и варварским ритуалам, каким был культ бога вина Диониса.

И. Суриков в «Пифагорее» пишет, что в античной Греции, то есть в Греции осевого периода, которая уже чтит песни Гомера, Дионису был противопоставлен бог разума Аполлон, любимое божество греков того периода. Сам же культ Диониса претерпел радикальные изменения, превратившись под воздействием легендарного Орфея в религию орфиков.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что религиозные реформы Пифагора были продолжением той рационалистической критики архаической мифологии, которой осевое время объявляет войну. Неслучайно ходили упорные слухи о его знакомстве во время длительного путешествия по Востоку с древнеперсидским пророком Заратустрой, который стал таким же рационалистическим реформатором арийской религии, и в старости был убит жрецами-староверами.

Так, российский антиковед И. Суриков в книге о Пифагоре пишет, что Ксенофан как и вся элейская философская школа развивались под влиянием Пифагора, и в конечном итоге привели к становлению метафизики интеллекта, «рационального богословия»:

Пифагор – это уже колоритная фигура осевого времени, в каком то смысле центральная фигура для становления классической культуры античной Греции, какой была фигура Христа для становления христианской культуры. Подобно Христу же, его самого убили, а школу его, пользующуюся большой популярностью по всей Греции, преследовали погромами. Сократ, который подобно Ксенофану и своему ученику Платону, тоже находился под его влиянием, также гибнет в обвинении по оскорблению традиционных богов. Сократ становится мучеником, которого чтут стойки подобно распятому позже Христу. Неслучайно И. Суриков находит многочисленные аналогии между пифагорейскими школами того времени и христианскими монастырями средневековья в своей монографии о Пифагоре. Он также подчеркивает тот факт, что идеология Пифагора делилась на теоретическую для образованных слушателей, которых называли «математиками», и на фольклорно-мифологическую для так называемых «акусматиков». Будучи известным ученым, математиком и философом, Пифагор стал основателем первой официальной философской школы в античной Греции, и первым сформулировал понятие «философии» как «любви к мудрости». Фалес был еще одним из семи «мудрецов», что Пифагор находил вульгарным, ибо мудр только один бог.

Так или иначе, но за философской революцией античности, которую осуществил Платон и его академия стоит полулегендарная фигура Пифагора. С него начинается тот рационализм метафизики интеллекта, который станет основой картезианской философии в Новое

время, и станет фундаментом современной науки. И. Суриков подчеркивает влияние Пифагора на Платона, прослеживая его в таких центральных работах философа как «Государство», «Федон», «Тимей»:

С философии Платона начинается метафизика интеллекта, как видения разумом интеллектуальной формы вселенной, отличной от ее материального содержания. Дуализм мира идей и мира вещей в философии Платона – великое открытие античности, на котором покоится вся современная наука. Платона было принято жестко критиковать, и первым его критиком как известно стал его известный ученик Аристотель. Но Аристотель не сделал для современности ничего, кроме того, что разрушил метафизику интеллекта Платона в своей философии. В Новое время Френсис Бэкон и Декарт станут жесткими критиками Аристотеля, остановившего, согласно Расселу, европейскую науку на 2000 лет.

В философии Бэкона, Декарта и Спинозы, которые согласны с дуализмом Платона, интеллектуальная форма становится миром законов природы, а не миром идей, как у Платона. Законы природы можно и нужно проверять опытом, что для идей совершенно необязательно. Поэтому Платон, сформулировав метафизику интеллекта, мыслил как все древние греки больше дедукцией в ущерб индукции, иногда совершенно отвергая необходимость эмпирического материала или проверки опытом для получения научного знания. Поэтому, его психология, которая, как мы увидим, очень проницательна в своих прозрениях, стала только частью мистики формировавшегося грандиозного христианского синтеза. И так и не смогла эмансипироваться в науку психологию до возрождения наук в Новое время. Мы не можем быть слишком строги к миру идей Платона, поскольку даже понимание интеллектуальной формы космоса как законов природы, которое принесло Новое время, не было еще окончательной ее формулировкой. Как мы видели в Энергетике Оствальда, современная наука говорит о закономерностях природных энергий, а не просто законов природы. И это принципиально важно для решения «проблемы Юма», постановкой которой он разбил картезианский рационализм.

Между тем, это первая, еще примитивная формулировка теории научного контроля в обществе, когда все подчинены разуму, то есть знаниям законов природы. Научный контроль предполагает естественное право, когда законы общества основаны на знании законов природы. Общеизвестно, что эту теорию позже защищал Цицерон, большой поклонник Платона, и др юристы Римской империи, особенно во времена стоической философии Марка Аврелия, искавшего «платоновского государства». Но Платон, который еще не знает понятия законов природы, вместо того, чтобы говорить о подчинении законам природы, научному контролю, говорит о подчинении неразумных людей – разумным людям. И действительно, таким образом, невольно выступает апологетом деспотии, от которой он в действительности бесконечно далек, в отличии, например, от Аристотеля.

Две вещи разрушили метафизику Платона:

1) неразвитость представлений о мире идей, об интеллекте как форме космоса, то есть как законов природных энергий; по этой причине Платон не увидел связи идей с опытом материального мира.

2) Философия гилеморфизма Аристотеля, в которой он противопоставил свою точку зрения материалиста метафизике интеллекта Платона. Ленин был прав, когда писал, что критика Аристотелем Платона есть критика с позиций материализма. Отказавшись от дуализма Платона и тем самым разрушив полюса интеллекта (активное мышление и пассивные законы природы), Аристотель тем самым пришел к скептицизму, в котором его позже упрекал Эпикур.

Разрушенная метафизика интеллекта всегда в конечном итоге ведет к скептицизму и даже к агностицизму, как мы увидим на примере противостояния рационалистов и эмпириков уже в Новое время. Поскольку только полюса интеллекта, мышление и законы природы, лежат в основе процесса познания. Уже в Новое время, когда метафизика интеллекта Платона

получает новую жизнь в философии Френсиса Бэкона и рационализме Декарта, Бэкон писал об Аристотеле в «Новом органоне»:

С противостояния Платона и Аристотеля начинается проблема сущности и существования, номинализма и реализма, которая сохраняет свою актуальность до сих пор. Вопрос о том, существует ли мир идей Платона сам по себе, или же идеи – это только абстракции человеческого ума. На этот вопрос ответить несложно, если прежде дать определение процессу познания. Что есть познание: встреча двух полюсов интеллекта, активность единой субстанции интеллекта? Или же познание это только отражение одной вещи в другой такой же вещи? Понятно, что в первом случае, мир идей Платона – это интеллектуальная форма космоса, субстанция интеллекта, которая не только существует сама по себе, но и является изначальной формой всего сущего. Во втором случае, мы закономерно приходим к скептицизму эмпириков и материалистов, поскольку отрицаем процесс познания как некую объективную истину, и говорим всего лишь о субъективном восприятии, об отражении одной вещи в другой вещи.

Так и повелось, эмпирики, такие как Гоббс, Юм, Локк и материалисты Маркс, Энгельс, Ленин стояли на позициях номинализма, отрицая мир идей Платона, и склоняясь к скептицизму в теории познания. А метафизики интеллекта, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Бэкон признают мир идей Платона, как интеллектуальную форму космоса. Конечно, они в отличии от Платона говорят уже не просто об идеях, но о законах природы, и потому опыт, эксперимент уже в основе научного метода Декарта, Бэкона, Спинозы.

2) Рационализм и эмпиризм. Проблема Юма

Критика Аристотеля в отношении мира идей Платона имела успех, потому что первая теория метафизики интеллекта действительно была еще очень уязвима. Ведь Платон полагал, что поскольку мышление человека и законы природы (как мы называем его «идеи») есть одна субстанция интеллекта, то человеку не нужен опыт, не нужен экспериментальный материал, сбор и анализ фактов для процесса познания. Достаточно, как это делают математики углубиться в процесс дедукции, и мы уже владеем истиной.

Да, он был неправ, и очевидность его неправоты и сделала критику Аристотеля такой нетрудной работой и такой успешной в итоге. Ошибка Платона заключалась в том, что он еще не знал и не мог знать как именно соотносится форма и содержание, интеллект и материя. Однако, сам процесс познание, как единение двух полюсов интеллекта, мышления и законов природы (идей), он прозрел со всей пронизательностью.

Новое время сделало крупные шаги в направлении восстановления метафизики интеллекта и устранения ошибок платоновского определения. И Декарт, и Бэкон говорят уже не просто об идеях, но о законах природы, и следовательно, опыт, как необходимая экспериментальная стадия «пытания природы», становится нераздельной частью процесса познания. Френсис Бэкон разрабатывает метод индукции, и говорит о необходимости обоих логических практик: и дедукции и индукции. Декарт ставит сотни экспериментов, участвуя в открытиях в области физиологии своего времени, и в частности в открытии кровообращения.

Декарт заново формулирует метафизику интеллекта Платона, как разработанную им философию рационализма, в основе которой все то же понимание познания как единения двух полюсов интеллекта: активного мышления и пассивных законов природы. Интеллект как единая субстанция противопоставляется в качестве формы – материи, выступающей содержанием этой формы. Законы движения природы уже больше нельзя изучать без самой этой природы, без анализа конкретных фактов и вещей.

Спинозу много обвиняли в том, что он предал метафизику интеллекта Декарта, отказавшись от картезианского дуализма, и стал материалистом, пантеистическое божество которого только синоним материи. Однако, для метафизики интеллекта важно не количество субстанций, признаваемых философом, а два полюса интеллекта: активный интеллект (мышление) и пассивный интеллект (законы природы). Френсис Бэкон остается классическим примером

рационалиста и метафизика интеллекта (хотя его принято считать эмпириком), потому что его философия познания основана на понимании законов природы как интеллектуальной формы материи, и мышления человека как метафизики интеллекта, способной к познанию этой интеллектуальной формы законов природы. Поэтому неважно сколько субстанций у последователей рационализма Декарта: одна, как у Спинозы, или бесчисленное множество как у Лейбница. Важно только, что и Спиноза и Лейбниц, подобно Френсису Бэкону, признают процесс познания метафизическим актом соединения активного и пассивного полюсов интеллекта, а космос делят на материю и интеллектуальную форму этой материи, выраженную в законах природы.

Декарт успешно возражал на критику рационализма, сохранилась даже его переписка с Гоббсом, известным материалистом своего времени. Однако, когда пришел Давид Юм, со своим «Исследованием о познании», рационализм вновь, уже во второй раз потерпел полное поражение. В середине двадцатого века Б. Рассел писал в «Истории западной философии», что на аргументы Юма до сих пор нет значимого ответа. Существо критики рационализма, принятое Д. Юмом, состояло в том, что он заметил, что связь теории и фактов опыта, является уязвимым местом в системе рационализма Декарта. Это, по сути, был тот же подводный камень, о который в свое время разбилось судно Платона, – отсутствие связи с фактами опыта или же фиктивная, ложная связь, как заявил Юм в отношении рационализма Декарта.

Д. Юм объявляет связь теории и опыта ложной в рационализме, поскольку, заявляет он, никто не может доказать, что последовательность некоторых событий есть закон, описывающий причинно-следственные связи, а не просто последовательность событий, которая в иной случае может быть совсем другой. Он говорит, что даже если мы много раз видели последовательность этих событий, всегда одну и ту же, это все равно не доказывает, что и в следующий раз, и всегда в будущем она будет такой, а не другой. То есть не доказывает, что это закон, который отображает причинные связи, а не обычную случайность. Поэтому, говорит Юм, не разум не истина в основе того, что люди называют познанием. А всего лишь привычка и воображение, которое приписывает случайным совпадениям вид причинной зависимости закона. Д. Юм «О познании»:

Таким образом, он опровергает существование законов природы, и рационализм Декарта, как процесс познания, в основе которого постижение истины разумом. Д. Юм говорит о том, познания вообще нет, человек приписывает случайным событиям характер законов, разум никакой роли в этом процессе не играет, и истина человеку не доступна. Отсюда уже только один шаг до «априори» Канта, «чистый разум» которого, стал как известно ответом Юму, «разбудившему его от догматического сна».

А. Эйнштейн «О теории познания Б. Рассела», 1944:

3) Иерархия наук О. Конта и энергетика В. Оствальда

Вильгельм Оствальд, известный химик и нобелевский лауреат, современник Планка, Эйнштейна, Больцмана и Ленина, активно дискутировавших с ним, сформулировал в свое время теорию энергетика, как новую концепцию эпистемологии.

Эйнштейн был младшим современником Оствальда и Маха, и считал себя очень обязанным теории времени последнего, а к первому в юности безуспешно просился в аспирантуру. Однако, ко времени изложения теории познания Оствальдом как энергетика, он уже был известным ученым и сказал свое авторитетное мнение вслед за Планком. Метод Оствальда единодушно признали непригодным, хотя Планк говорил о «рациональном зерне», который он содержит.

Действительно, Оствальд предложил в «Философии природы» понимать космос как совокупность природных энергий, в том числе и самого человека. Он говорит о человека как о биологической энергии и психической энергии. Он говорит о процессе познания как о потребности человека в знании других энергий именно потому, что сам человек тоже всего

лишь природная энергия. И он говорит о законе сохранения силы как решающем для человека, для всей материи и для процесса познания.

«Современная энергетика видит энергию как единственное универсальное обобщение. Все явления сводятся к свойствам и отношениям энергий, и особенно материя, если это понятие все еще можно считать полезным, должна быть определена в терминах энергетике. Вопрос зачем и для какой цели нам нужен такой поворот в мировоззрении, исчерпывается тем фактом, что понятие энергии, как опытной данности, доказало что оно шире, чем понятие материи. Как только это станет ясно, все дискуссии прекратятся. Мы не можем определить слово „человек“ словом „негр“, но мы можем сделать наоборот. Понятие света или электричества не может быть определено понятием материи, поскольку и свет и электричество определены как нематериальные объекты; но оба эти объекта могут быть определены понятием энергии, поскольку они разновидности или факторы энергии, из чего мы можем заключить, что понятие энергии действительно шире, чем понятие материи. Что даже материю мы можем определить с точки зрения энергетике, – да, только энергетика способна дать материи единственно четкое определение» Оствальд Современная теория энергетике

Однако, Оствальд – эмпирик, он не признает законов природы, и он не может сформулировать определение природной энергии как системы законов, открывающих доступ к силе данной энергии. Например, как уравнения Максвелла позволили Герцу получить и проконтролировать электромагнитные волны, и как это вслед за Герцем делает с тех пор весь технический мир. Оствальд формулирует определение энергии как «количества работы», и предлагает вычислять энергии через закон сохранения силы в процессе их перетекания из одного вида энергии в другой.

Именно против этого «эвристического метода» так возмущенно выступил Макс Планк. Действительно, с эмпирической философской платформы энергетике В. Оствальда оказывается там, где она справедливо оказалась: на свалке истории.

В. Оствальд как и его друг Мах были известными эмпириками, поэтому Ленин объявляет этим «махистам» войну в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин хотел сохранить понятие «объективная реальность», уничтожив метафизику интеллекта. «Махисты», то есть эмпирики очень верно указывали ему, что это невозможно: либо метафизика интеллекта, либо объективная реальность. Здесь Ленин безусловно ошибался. Но в отношении энергетике Оствальда, «крупного химика и мелкого философа» его критика оказалась очень меткой. Он говорит о том, что поскольку энергетике Оствальда остается на философском фундаменте эмпиризма, то его теория познания не вносит ничего принципиально нового: «сказать ли движущаяся материя или материальное движение, – от этого суть не меняется».

Действительно, если исходить из позиций эмпиризма, то нет ответа на вопрос «материальна ли энергия», и основной вопрос философии, о котором говорит Ленин остается без ответа. Однако, если мы становимся на позиции рационализма и говорим о природных энергиях не как о «количестве работы», а как о системе законов природных энергий, своеобразных монадах Лейбница, духовных сущностях, представленных законами интеллекта, то все становится на свои места. Мы можем ответить на все вопросы, поставленные Лениным. 1. Энергии – материальны. 2. Но в своей основе они имеют нематериальные системы законов интеллекта, определяющих их сущность, форму движения каждой природной энергии. 3. Дух, это особая энергия человека, которой доступен и активный и пассивный интеллект. Она материальна и имеет в своей основе законы природы, как все прочие энергии. Но помимо этого, она обладает мышлением, которое позволяет открывать законы других природных энергий и получать доступ к силе этих энергий. 4. Интеллект первичен, материя – вторична, дух человека – материален и в то же время имеет источником происхождения интеллект.

Другое дело энергетике В. Оствальда с точки зрения метафизику интеллекта. Она становится неуязвима для критики, и метафизика интеллекта также впервые получает значимые

аргументы против «проблемы Юма». Если природные энергии – это системы законов природы, открывающие доступ к силе этих энергий, то связь теории с опытом совершенно очевидна. Достаточно проверить, позволяют ли открытые законы данной энергии контролировать ее силу. И вот у нас уже неопровержимое доказательство, что мы имеем дело с законами природы, а не просто с последовательностями случайных событий. Проблема Юма решена на все времена. А «идеи» Платона, после эволюции, из законов природы превращаются в законы природных энергий. Так, не сразу, и не просто формировалась теория метафизики интеллекта, которая нашла свое завершение как энергетика.

Огюст Конт предложил иерархию наук, которая позволяет представить науки как последовательно открываемые природные энергии. Дж. Милль пишет, что первые науки не включают знаний о законах тех, что были открыты позднее, и, следовательно, каждая может быть представлена как система законов природной энергии

Эту последнюю задачу, как мы постарались показать в первой главе, с успехом выполнила теория психической энергии, сформулировав закон сохранения психики для поля интеллекта и поля эгосистемы в качестве такого основного систематизирующего закона психологии.

4) Шеллинг и Кьеркегор против Канта и Гегеля

Кант, как известно, представил свою философию «чистого разума» как ответ на поставленную проблему Юма. И его ответ ничего значимого в себе не содержал. Он сказал просто, что если нельзя доказать опытным путем истинность законов природы (существование причинных связей), то тем хуже для опыта. Опыт, который он обозначил «вещами в себе», совершенно не участвует в процессе познания, заявил Кант, потому что человек имеет все знания о законах природы «априори». Это не врожденные идеи Платона и Декарта, которые понимали под ними скорее просто аппарат мышления, инструментарий, которым мысль находит знание, находит законы природы. Это уже готовое знание законов природы, которое человек просто приписывает окружающему миру. Д. Юм говорил примерно то же самое, но он оставался на почве эмпиризма, трактуя эту склонность человека приписывать своим наблюдениям статус закона с психологической точки зрения, – привычки, воображения или «инстинкта». Кант претендует на создание новой метафизики рационализма, но терпит полный провал. Его метафизика – это метафизика абсолютной свободы воли человека, и потому она превращается в мистику. Метафизика интеллекта не имеет в себе ничего мистического, она основана на понимании процесса познания как соединения полюсов интеллекта, активного мышления человека и пассивных законов природы, где интеллект есть единая субстанция. Кант разрушил эту субстанцию, отказавшись признавать законы природы, и всучив человеку всю власть над процессом познания, где он сам же выдумывает и сам же познает эти законы. Таким образом, субъективный идеализм – это всегда мистика, спекулятивная мистика, порожденная пустыми абстракциями интеллекта.

Фихте, Гегель и Маркс только продолжили эту философию субъективного идеализма Канта. Фихте правильно определял свою философию как доведенную до логического конца философию Канта, – и у него она принимает выраженные черты субъективного идеализма. «Непосредственный преемник Канта, Фихте, – пишет Б. Рассел в „Истории западной философии“, – отверг „вещи в себе“ и довел субъективизм до степени, которая, по-видимому, граничила с безумием. Он полагал, что Я является единственной конечной реальностью и что она существует потому, что она утверждает самое себя. Но Я, которое обладает подчиненной реальностью, также существует только потому, что Я принимает его. Важным результатом развития философии Канта была философия Гегеля». Гегель говорил, что превратил субъективный идеализм Канта и Фихте в объективный идеализм, но он сильно ошибался. Объективный идеализм – это метафизика интеллекта, и два полюса интеллекта как процесс познания: мышление человека и независимые от него законы природы, которые он узнает и ставит под научный контроль. У Гегеля, как у Канта и как у Фихте есть только один полюс интеллекта – само-

определяющийся разум-абсолют, который также свободен самому себе придумывать законы, как субъект у Канта и Фихте. И потому неважно как называет его Гегель, всеобщим духом или пробужденным сознанием индивида, – два полюса интеллекта разрушены, а значит, метафизика интеллекта превратилась в мистику всемогущего субъекта, в софистику субъективного идеализма. Вот как пишет об этом П. Новгородцев в «Кант и Гегель и учение о праве»: «Все зависит от того, говорит здесь наш философ, чтобы понимать истину не только как субстанцию, но и как субъект. Это утверждение означает, что философия должна исходить не от первоначального или непосредственного единства, раз навсегда определенного в своем абсолютном совершенстве, а от живой субстанции, заключающей в себе начало отрицания и движения и достигающей своей полноты через деятельный процесс самоосуществления. Это не покоящееся и неизменное бытие, а процесс самоуглубления и самоосуществления. Иначе говоря, это-дух, начало жизни и сознания, самопостижения и самораскрытия. Абсолютное как субъект, как дух, как живой процесс развития – вот его философское кредо».

Ленин, который с такой язвительностью критикует «леших и домовых» «субъективного идеализма» Канта и Фихте в «Материализме и эмпириокритицизме» не замечает, как сам оказывается одним из махровых мистиков субъективного идеализма. Вместе с Марксом, разумеется. Ведь Маркс сохранил диалектический метод и историзм Гегеля, его теорию саморазвивающейся логики, которая уничтожила два полюса интеллекта. А уж «материи» он приписал этот процесс самопридумывания законов, или «чистому разуму» – это уже выбор мифологии на вкус мистика, поскольку понятий материя и разум не может существовать вне метафизики интеллекта, которая показывает где форма, а где содержание. Они превращаются в пустые абстракции. Не все ли равно сказать «материя придумывает себе законы» или сказать «дух-абсолют придумывает себе законы»? И в том и в другом случае получается одинаковая бессмыслица. Не потому ли вся философия диалектического материализма Маркса стала притчей во языцех своим схоластическим основанием, способным трактовать одно и то же в разных направлениях, придумывая на ходу повсюду связи с «практикой». Маркс всего лишь завершил ряд мистиков немецкого идеализма, над которыми Кьеркегор посмеялся в связи с изобретенным ими фантастическим понятием «чистого мышления».

Фридрих Шеллинг знаковая фигура в истории философии, но не философской системой, которую он так и не создал, как известно, а именно критикой своих коллег, которых он знал лично. Подобно Лессингу, которого он цитировал, он предпочитает философию рационализма Спинозы субъективизму Канта, Фихте и Гегеля. Фихте какое то время был его учителем, но позже Шеллинг никогда этого не признавал, называя его «коллегой». Гегель был его однокурсником и другом, что не помешало Шеллингу выступить против него со всей страстью оскорбленного ученого. Он первым указал на мистичность субъективного идеализма, берущего начало у Канта и завершающегося в диалектической логике Гегеля. Он был возмущен таким нахальным пренебрежением реальным миром, природой, который оказывался совершенно ненужным в этом новом извращенном рационализме спекулятивных мистиков. Так, А. Гулыга цитирует Ф. Шеллинга в книге «Шеллинг»: «Природа, мир вещей самих по себе пребывает у Канта в „почетной отставке“, как выразился Якоби, люди с помощью продуктивного воображения сооружают свой самостоятельный мир. Шеллинг увидел в этой мысли слабое место кантианства. Еще в молодости он призывал исходить из природы. Теперь он добавил: и приноравливаться к ней, привести кантовский мир „беспредельного, ничем нерегулируемого человеческого произвола“ в соответствие с природой. Эта программа куда более разумна, чем гегелевское представление об абсолютной истине».

С жесткой критики Шеллинга с позиций натурализма и рационализма, предпринятой им в отношении субъективного идеализма Канта, Фихте и Гегеля, которым он противопоставлял Спинозу, начинается систематическая критика немецкого идеализма уже и другими философами. Так, Фейербах, а за ним и Кьеркегор говорят о том, что Шеллинг открыл им глаза

на безумную философию Гегеля. А. Гулыга цитирует в этой связи Шеллинга в книге «Шеллинг»: «Понятия как таковые существуют только в сознании, объективно рассмотренные, они не предшествуют природе, а следуют за ней. Гегель лишил их естественного места, поставив их в начале философии». В результате абстрагирование от действительности предшествует самой действительности. Гегель объявляет свою логику наукой о том, как разворачивается божественная идея в чистом мышлении, до всякой природы, до времени. Как же затем идеальное превращается в реальное, как мысль создает мир, логика природу? По Гегелю получается, что природа – всего лишь «агония понятия». Шеллинг нащупал самую уязвимую точку гегелевской философии. Именно сюда нанесет удар материалист Фейербах. Фейербах будет потом критиковать и Шеллинга, но сначала он скажет Шеллингу спасибо».

Энгельс и Маркс также хвалят Шеллинга за развязывание войны с идеализмом с позиций натурализма, однако, они недовольны тем, что он при этом остается метафизиком сам. Наконец, философия позитивизма самого известного после Юма эмпирика, Огюста Конта почти полностью обязана идеям Ф. Шеллинга, высказанным им в критике Гегеля. Закон трех стадий сознания, который ляжет в основу позитивизма Конта, по сути, повторяет курсы философии Шеллинга о мифологии, о негативной и позитивной философии: мифологическая, метафизическая и позитивные стадии сознания у Конта.

Шеллинг говорит о сущности и существовании, и о том, что существование всегда предшествует сущности. Это старая проблема мира идей Платона и гилеморфизма Аристотеля, которая в средневековье получила развитие в виде противоборства реализма и номинализма. Существуют ли идеи сами по себе или они только абстракции вещей? Аристотель противопоставлял вещь и ее сущность, как существующую реальность и несуществующую абстракцию. Платон считал, что сущность вещи (идея вещи) существует также как сами вещи, но в другом, совершенном, идеальном мире, предтечи материального мира вещей. Для Платона сущность предшествует существованию, то есть идеи предшествуют вещам реального мира, наделяя их формой и сущностью. Реалисты стояли на стороне Платона, номиналисты – на стороне Аристотеля. Пон

Шеллинг поднял этот вопрос уже в новой формулировке сущности и существования. Что было раньше, наш материальный мир, природа (то есть существование), или знание законов движения (то есть сущности) этого мира? Кант, Фихте и Гегель говорят, что сначала было знание (сущность), а уже потом природа и мир (существование). Шеллинг им возражает со всем пылом натуралиста: сначала была природа (существование), а только потом, анализируя эту природу, люди смогли познать ее законы (сущность). Конечно, в этой интерпретации прав Шеллинг: у людей нет априорного знания, как говорят Кант, Фихте и Гегель, все что человек знает, он узнал путем анализа, исследования природы, индукцией и дедукцией.

Человеческого знания априори не существует, но существует интеллектуальная форма космоса в виде законов природных энергий и существуют врожденные идеи в виде аппарата мышления, способности человека к логике и математике. И в этом смысле прав Платон, когда говорит о том, что интеллект первичен по отношению к материи, и что сущность определяет существование. В этом существо метафизики интеллекта, которую на тот момент еще не могли сформулировать. Однако, Шеллинг интуитивно чувствовал правоту метафизиков, и так никогда и не стал ни эмпириком, ни материалистом.

Он делит философию на негативную, такую, которая, как у Гегеля идет от мысли к бытию, и на позитивную, которая движется в обратном направлении, от бытия к мысли. Это проясняет источник знаменитого тезиса своего материализма Маркса – «бытие определяет сознание».

У Конта негативная философия Шеллинга получает название метафизической стадии мышления, которой Конт приписывает полностью негативное значение. Конт считал, что стадия метафизического сознания, будучи пустыми абстракциями, оторванными от реальности, ничего позитивного науке не дала. Ее роль только в разрушении старого, в очищении плац-

дарма для грядущей позитивной науки. Так, позитивная философия Шеллинга (эмпиризм движения от бытия к мысли) обретает статус окончательного научного сознания в философии позитивизма Конта. Так, Шеллинг невольно сильно повлиял через философию Конта на формирование резко негативного отношения к метафизике вообще. До сих пор, слово «метафизика» в научных кругах звучит как ругательство, поскольку со времен Конта стало синонимом слова «мистика».

Новая формулировка проблемы реализма и номинализма, которую дал Шеллинг в критике сущности и существования в философии Гегеля, оказали большое влияние на развитие всей последующей философии. Кьеркегор положит проблему сущности и существования в основу своей системы экзистенциализма. А. Гулыга пишет в монографии «Шеллинг» о влиянии, которое оказала предпринятая Шеллингом критика Гегеля на Кьеркегора: «Шеллинг назвал курс «Философия откровения». Он начал с установления различия между сущностью и существованием. Что представляют собой вещи, какова их сущность – этому учит разум; что вещи существуют – в этом убеждает нас опыт. Шеллинг требовал исходить из опыта, из факта существования вещей, не подменять бытие понятием. Негативная философия идет от мышления к бытию, позитивная – от бытия к мышлению. Эта часть курса произвела сильное впечатление на Серена Кьеркегора. Создатель философии экзистенциализма почерпнет отсюда многие свои идеи. «Я помню почти каждое слово из тех, что он произнес. Отсюда придет ясность... Вся моя надежда на Шеллинга». Дальнейшие лекции, когда дело дошло до мифологии, разочаровали Кьеркегора: «Шеллинг невыносимо пустословит».

Профессор Оксфорда, Патрик Гардинер пишет в книге «Кьеркегор» о том, что сам Кьеркегор в своих последующих работах также критиковал Гегеля и немецкий идеализм вообще за мистическое понятие «чистого мышления», которое в реальности стало концом рационализма: «Такие заключения были совершенно неприемлемы и приписывались влиянию „безумного постулата“, лежащего в основе гегельянской доктрины об абсолютном духе. Утверждать, как это фактически делал Гегель, что мысль фактически предшествует существованию, противоречило истинному порядку вещей. К абстрактному мышлению и существованию он добавил „третье средство, открытое совсем недавно“. Это третье средство получило у Кьеркегора название „чистое мышление“. В то время как источником абстрактного мышления была реальная действительность, чистому мышлению по видимому удалось обходиться без таких банальных связей. В буквальном смысле слова фантастическое. Понятия, являющиеся фактически продуктом взаимодействия человеческого мышления и реального мира, ошибочно наделялись самостоятельной реальностью, и благодаря этому мысль смогла „покинуть существование и эмигрировать на шестой континент, где она была полностью самостоятельна“. Теоретический переход одного понятия в другое не следует смешивать, однако, с сущностными изменениями, происходящими в реальном мире. Это „чистое мышление“ „находится в мистическом взвешенном состоянии между небом и землей, освобожденное от любых отношений с существующим индивидом, объясняет все своим собственным языком и не может объяснить себя“. Конкретный живой человек из повседневной жизни поглощен „игрой теней чистого мышления“, его место занято химерическим универсальным субъектом, придуманным метафизическими идеалистами».

Кьеркегора называют мистиком и иррационалистом, который прямо предпочел веру разуму в своих религиозных книгах. Между тем, в психологических книгах, таких как «Или-или» и «Болезнь к смерти» он выступает как ученый натуралист, также, впрочем, как и в своей критике философии Гегеля. Правильнее говорить о противоречивой философии Кьеркегора, чем о рациональной или иррациональной. Что же касается его психологии, то там он остается последовательным натуралистом, по сей день восхищающим своей проницательностью.

Интересно, что если он возражает Гегелю вместе с Шеллингом в том смысле, что существование предшествует сущности, и потому теория должна базироваться на опыте, то Сартр

впоследствии будет использовать этот ставший клише тезис в противоположном значении. Что существование способно творить себя самому, и самому создавать, таким образом, свою сущность. Сартр встанет на позицию антиинтеллектуализма, отказываясь признавать какие-либо законы природы вообще. Все тот же «беспредельный человеческий произвол» против которого восставал и Шеллинг и Кьеркегор, только теперь на основе материализма. Не то же ли сделал и Маркс с диалектической логикой Гегеля, сохранив его беспредельный произвол и назвав его материализмом? Сартр не скрывал своей приверженности марксизму. Подобно тому, как Маркс остался гегельянцем, использовав критику Гегеля Фейербахом, чтобы создать собственный вариант гегельянства, так и Сартр остался гегельянцем, использовав критику Гегеля Кьеркегором для создания собственной разновидности мистики «беспредельного человеческого произвола». Истинно новое слово сказал только Кьеркегор в своей философии, заложив научные основы теории психической энергии. И его наследниками стали К. Ясперс и гуманистическая психология Э. Фромма, К. Хорни, А. Маслоу.

Тот факт, что философия Кьеркегора получила противоположные толкования у субъективиста толка Ницше и Сартра и гуманистов толка К. Ясперса и Э. Фромма, говорит о том, что формулировка проблемы метафизики как «сущности и существования» не более удачна, чем «мир идей и гилеморфизм» или «номинализм и реализм». Гораздо более правильным будет говорить об энергетике, как окончательной формулировке метафизики интеллекта: активном полюсе мышления и законов природных энергий как единой субстанции интеллекта.

Ф. Шеллинг не стал ни эмпириком, ни материалистом, за что Энгельс и Маркс называли его трусом, ведь в свое время их и Фейербаха вдохновила именно его критика мистической философии субъективного идеализма. Однако, Шеллинг оказался гораздо более проницательным, оставшись метафизиком, хоть он и не смог сформулировать философию метафизики интеллекта. Он искал единства рационализма и эмпиризма, разума и веры, а эти противоречия могла разрешить только метафизика интеллекта. Рационализм как метод познания всецело основан на опыте, но он прямо противостоит эмпиризму, как философии, которая не признает законов природы. Рационализм признает первичность интеллекта и его божественность, но он познает его законы через опытное исследование и признает только те законы, которые контролирует на опыте. Мистика религиозных догматов не может стать предметом веры рационалиста, он верит только в то, что знает.

Альберт Швейцер тоже пишет в «Упадке и возрождении культуры», что философию постигло крушение в середине 19 века, так что рационализм был погребен под ее останками, а сама философия окончательно вышла на пенсию, потеряв все связи с действительностью: «Философия после своего крушения в середине 19 века превратилась в пенсионера, вдали от мира, перебирающего то, что удалось спасти. Сочувственно оглядывалась она на оставленный позади рационализм. Горделиво хвасталась тем, что „Кант прошел ее насквозь“, что Гегель „привил ей исторический подход“ и что „ныне она развивается в тесном контакте с естественными науками“. Однако при этом философия была беспомощнее самого жалкого рационализма. Рационализм при всей своей наивности был подлинной, действенной философией. Она же стала лишь эпигонской философией, облачившейся в тогу учености. В школах она еще играла какую-то роль, миру сказать ей было нечего. Итак, при всей своей учености философия стала чуждой реальной действительности»

Бертран Рассел, как знаменитый рационалист и позитивист, характеризует философию Фихте, как «безумную», а философию Гегеля как «целиком ложную» в «Истории западной философии». О Канте он говорит, как о предтече эти двух безумных философий. Его собственное определение материи, как «того, что соответствует уравнениям физики» – это определение метафизика интеллекта. Потому что в такой интерпретации, процесс познания имеет два полюса интеллекта: законы природы (уравнения физики) и мышление, способное их постигать; где материя, только содержание, соответствующее форме, заданной законами интеллекта. Карл

Ясперс пишет о философии Фихте и Гегеля, как о хмельном напитке, который пьянит, и ведет к потере контакта с действительностью. Нельзя не сказать напоследок о двух таких важных работах, как «Предательство интеллектуалов» Ж. Бенда и «Бунтующий человек» А. Камю, в которых со всей страстностью рационалистов доказывается мистичность и иррационализм философии Гегеля и Маркса и их последующее негативное влияние на культуру в целом.

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

А. Камю: «Бунтующий человек»:

Следует ли удивляться после этого, что трогательная дружба Сартра и Камю распалась сразу после выхода этой книги, в которой Сартр увидел непростительный грех защиты картезианского рационализма и гуманизма? А между тем, Ясперс и Камю были истинными последователями философии экзистенциализма Кьеркегора, тогда как Ницше, Сартр и Хайдеггер вывернули ее наизнанку.

5) Спор Эйнштейна и Бора: победа метафизики интеллекта

Знаменитый спор Эйнштейна и Бора вскрыл другой аспект проблемы рационализма. Доступен ли активный интеллект, мышление, только человеку? Имеет ли «мир идей» Платона свое собственное пространство-время? А. Эйнштейн был одним из самых известных рационалистов, который не раз публично заявлял о своей приверженности метафизике интеллекта Платона и Спинозы. Известно, что его оппонент в споре о квантовой механике, Н. Бор, напротив, стоял на позициях эмпиризма (позитивизма). До сих пор считалось, что Эйнштейн проиграл этот спор Бору, а вместе с ним сдал свои позиции и рационализм, уступив победу эмпиризму в их давнем противостоянии.

Два эксперимента подтвердили правоту Бора в споре с Эйнштейном. Эксперимент Юнга якобы доказал, что нет объективного наблюдения, что данные наблюдения всегда субъективны, потому что поведение квантов зависит от того, измеряют их или нет. А эксперимент Белла доказал нелокальность квантов, способность контактировать на скорости выше скорости света, что опровергает все законы физики (и теорию относительности), а значит, ставит под вопрос детерминизм (законы природы) в целом. Результаты экспериментов не оставляли сомнений в том, что Эйнштейн, который настаивал на том, что измерение не влияет на поведение квантов, и что кванты не могут взаимодействовать на скорости, которая опровергает все прежние законы физики, оказался неправ. Пусть так. Но значит ли это, что вместе с Эйнштейном проиграл и рационализм? Какую философскую интерпретацию имеет эта проблема?

М. Кумар «Квант. Эйнштейн. Бор»:

Эйнштейн провидчески заметил, что решение проблемы квантовой механики, на которой споткнулись они с Бором, придет вместе с решением какой-то более глобальной задачи. И оказался прав. Он говорил о метафизике интеллекта Платона и Спинозы, но никогда не подумал, что эта метафизика означает существование пространства-времени интеллекта. Его теория относительности доказала, что пространство и время составляют единое целое, единый континуум, а не независимы друг от друга как думали раньше. Нам представляется, что энергетическая теория как нельзя лучше объясняет этот феномен уже с философских позиций (прекрасное физическое обоснование он дал сам). Действительно, если вселенная – это пучок природных энергий, как утверждал Оствальд, то пространство – это воплощение этих энергий в конкретных вещах, а время – история движения этих энергий.

Духовная энергия человека отлична от прочих природных энергий. Она также детерминирована, как они законами природы, но способна также познавать эти законы и ставить их под научный контроль. Это контрольная энергия, имеющая доступ к активному интеллекту, к мышлению; тогда как все прочие энергии природы только детерминированные, им доступен только пассивный интеллект законов природы. Контрольная энергия человека будет иметь особое пространство-время, то есть будет воплощаться не в вещах, а в знании о вещах; и будет иметь историей своего движения не физическую эволюцию космоса, а накопленные знания

о законах природных энергий. Это особое пространство — время интеллектуальной энергии человека, духа, также отвечает теории относительности, будучи единым континуумом. Но это не физическое пространство-время, открытое Эйнштейном.

Если понимать эту метафизику как пространство-время, то проблема решается сама собой. Было много попыток ответить на проблему фантазмагориями о множестве параллельных вселенных, о множестве других физических миров. Однако это такая же чушь с точки зрения физики и здравого смысла. Но мир идей Платона, интеллектуальный мир, который существует как идеальный образ физического мира, как его форма, выраженная в законах энергий — это очевидность, которую утверждали вместе с ним все рационалисты со времен Платона. Это скорее не параллельное, а перпендикулярное пространство, ось интеллектуального отражения вселенной.

Тогда у нас есть объяснение загадочному поведению квантов, которое не только не опровергает рационализма и детерминизма вселенной, но дает ему эмпирическое подтверждение. Кванты, фотоны света, мельчайшие частицы из которых состоит материя — элементы интеллекта, создавшего материю и установившего законы природы. То есть получается, что на уровне самого глубинного исследования, мы сталкиваемся со «светом интеллекта» в самом прямом смысле. Человек имеет активный интеллект — способность мышления. Кванты могут иметь свою разновидность активного интеллекта — пусть она не тождественна мышлению человека, пусть ее возможность много меньше или много больше, мы не можем знать. Они способны фиксировать, когда другой активный интеллект их измеряет и менять свое поведение в зависимости от этого. Менять с жесткой детерминированностью — либо волна, либо частица, ни шагу назад, ни шагу вперед. Понятно, что нелокальность квантов тогда объясняется их общением в пространстве-времени интеллекта, поскольку в пространстве-времени физического мира это невозможно.

Теория относительности пространства-времени Эйнштейна показала зависимость скорости часов от пространства, в котором они находятся. Теория относительности справедлива и для пространства интеллекта, у которого свои «часы», свое время. Эйнштейн в «Эволюции физики» говорит о «примитивном субъективном чувстве времени», которое нельзя сравнивать с физическими часами. Между тем, именно это психологическое чувство времени, так отличное от физических часов, есть наше ощущение времени пространства интеллекта. Разве мы не чувствуем себя на все тысячи лет, которые охватываем своими познаниями? Мы гости в пространстве интеллекта, мы не можем знать его структуру и строение. Мы можем знать только то, насколько оно нам доступно. Мы способны открывать законы природы — и это наш доступ в пространство интеллекта. Мы способны накапливать знания — и это наше совокупное время, проведенное в пространстве интеллекта, часы, которыми мы измеряем длительность своего пути. Мы способны жить поисками истины и жертвовать для них нашей жизнью в физическом пространстве — и это время, которое мы проводим в пространстве интеллекта.

Но есть одно большое «но»: ложные теории настолько засорили пространство интеллекта, что даже дисциплинированным и трудолюбивым студентам почти невозможно туда пробраться. А если удастся то рывками, а нахождение там становится очень болезненным из-за мусора, который всячески мешает передвижению. Наша задача не только открыть для себя это пространство, но и расчистить его. Ибо только храм знаний может быть настоящей церковью человека, в духе и истине, как говорили великие мыслители. И только настоящие ученые, мыслители и духоворцы могут быть его святыми.

Глобальное открытие, которое прольет свет на проблему квантов, о котором говорил Эйнштейн — это Энергетика как теория познания, это пространство-время интеллекта, это, наконец, теория психической энергии.

«А Пифагор, в свою очередь, был первым, кто поставил во главу угла при объяснении мироздания именно числа, а не материальные элементы. И это, несомненно, дает право считать нашего героя основоположником идеализма как одного из важнейших направлений в истории философской мысли. По его стопам шли в дальнейшем и другие крупные представители италийской школы философии: Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский, с некоторыми оговорками Эмпедокл... Да и разве только они? Платон, который был самым крупным идеалистом античности и зачастую считается (как видим, не вполне точно) основателем идеализма как такового, очень многому научился у пифагорейцев, подвергся их сильнейшему влиянию».

И. Суриков «Пифагор»

«Орфики были аскетической сектой, вино для них – только символ, как позднее причастие для христиан. Искомое ими опьянение – это „энтузиазм“, союз с богом. Они думали, что таким путем приобретают мистическое знание, недостижимое обычными средствами. Для орфика жизнь в этом мире является страданием и скукой. Мы привязаны к колесу, которое, вращаясь, образует бесконечные циклы рождения и смерти. Наша истинная жизнь – на звездах, но мы прикованы к земле. Только путем очищения, самоотречения и аскетической жизни можем мы избежать этого круговорота и достигнуть, наконец, экстаза единения с Богом. В греческую философию этот мистический элемент принес Пифагор, такой же реформатор орфизма, каким был Орфей по отношению к религии Диониса. От пифагорейцев орфический элемент перешел в философию Платона, а от него – в ту более позднюю философию, которая была уже полностью религиозной»

Б. Рассел История западной философии

«Вот, например, отзыв уже знакомого нам поэта-философа Ксенофана, современника Пифагора:

Всё на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только
У людей позором считается или пороком:
Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать тайно.
(Ксенофан. фр. В 11 Diels – Kranz)

Ксенофан – поэт и философ, живший во второй половине VI века до н. э., – очень крупная фигура в истории античной религиозной мысли. Он, несомненно, намного опередил свое время. Ксенофан выступает даже против такой основополагающей черты традиционных верований, как антропоморфизм (изображение богов в человеческом облике). При этом он приводит интересные аргументы:

Если бы руки имели быки и львы или кони,
Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди,
Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих
Образы рисовали богов и тела их ваяли,
Точно такими, каков у каждого собственный облик...

Черными пишут богов и курносыми все эфиопы,
Голубоокиими их же и русыми пишут фракийцы.
(Ксенофан. фр. В 15, В 16 Diels – Kranz)

А вот каково мнение самого Ксенофана по этим вопросам:
Есть один только бог, меж богов и людей величайший,
Не похожий на смертных ни обликом, ни сознанием...
Весь целиком он видит, весь сознает и весь слышит.
... Без труда, помышленьем ума он всё потрясает...
Вечно на месте одном пребывает, не двигаясь вовсе,
Переходить то туда, то сюда ему не пристало.
(Ксенофан. фр. В 23 – В 25 Diels – Kranz)
Это уже вполне рациональное богословие».

И. Суриков пишет, что Ксенофан был не прочь и пошутить над своим коллегой

«Как-то в пути увидав, что кто-то щенка обижает,
Он, пожалевши щенка, молвил такие слова:
«Полно бить, перестань! Живет в нем душа дорогого
Друга: по вою щенка я ее разом признал».
(Ксенофан. фр. В 6 Diels – Kranz) 3

Нет сомнений, что Ксенофан здесь иронизирует, говорит о взглядах своего «коллеги» с некоторой долей юмора. А имеется в виду конечно же то самое пифагоровское учение о метемпсихозе – переселении душ»

И. Суриков «Пифагор»

«Среди десятков диалогов, входящих в корпус сочинений Платона, есть такие, в которых черты пифагореизма особенно сильны. Например, „Федон“, написанный около 380—375 годов до н. э., то есть после первой поездки философа в Великую Грецию. В „Федоне“, напомним, описаны предсмертные часы Сократа, его последняя беседа. В числе ее участников – Симмий и Кебет, члены пифагорейского содружества. Но самое интересное – в том, что Сократ в описании Платона оказывается большим пифагорейцем, нежели эти прямые последователи самосского мыслителя. Он им доказывает бессмертие души! И доказывает, надо сказать, весьма убедительно. Они сперва возражают, спорят, но в конце концов вынуждены согласиться. ... Платон в „Государстве“ ориентировался на те режимы, которые установили пифагорейцы в полисах Великой Греции (например, тот же Архит в Таренте). Если вдуматься, там всё именно так и было! Во главе стояли правители-философы, под началом у них находилось войско („стражи“), ниже следовало простонародье. Итак, „Государство“ является трудом в весьма значительной степени пифагорейским. Это, безусловно, подчеркивается тем фактом, что ближе к концу диалога помещен рассказ о загробном мире, причем куда более пространный, чем в „Федоне“. Впрочем, самым „пифагорейским“ произведением Платона обычно признают даже не „Государство“, а диалог „Тимей“, написанный еще позже – в 350-х годах до н. э. Иными словами, перед нами плод творчества уже Платона-старика,

один из итоговых его трудов. Связанный с пифагореизмом характер этого сочинения проявился даже в том, что его заглавным героем (по имени которого диалог и назван) философ избрал некоего Тимея, пифагорейца из Локр Эпизефирских (греческий полис в Южной Италии). Тимей беседует с Сократом. И в этом разговоре, что интересно, Сократ не играет роль главного действующего лица, как по большей части бывает у Платона, а выступает в роли внимательного слушателя. Ведущая же роль принадлежит Тимею, который излагает идеи о происхождении и устройстве мироздания – вполне согласующиеся со взглядами Пифагора. Таков поздний Платон. Практически законченный пифагореец. Во всяком случае, никто не усомнится, что он чем дальше, тем больше двигался к этому статусу. То же движение продолжалось в его философской школе – Академии – и еще некоторое время после смерти основателя»

И. Суриков «Пифагор»

«Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: софистика, эмпирика и суеверие. Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей он это вновь повторил под более торжественным будто бы желая разбирать вещи, а не слова. не смутит кого-либо то, что в его книгах „О животных“, „Проблемы“ и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых последователей (род схоластических философов), которые вовсе отказывались от опыта» **метафизике названием, Пусть и**

«По взгляду Спинозы, ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа тело к движению. Это вытекало из взглядов на тело и душу как на модусы различных атрибутов Бога, именно мышления и протяжения. Что касается Лейбница, то его мысль о том, что душа не может влиять на тело, а тело на душу, слишком общеизвестна»

В. Беляев Лейбниц и Спинозы

«Всякая вера в факты или реальное существование основана исключительно на каком-нибудь объекте, имеющемся в памяти или восприятии, и на привычном соединении его с каким-нибудь другим объектом. Подобная вера есть необходимый результат, возникающий, как только ум поставлен в указанные условия. Все эти операции – род природных инстинктов, которые не могут быть ни вызваны, ни предотвращены рассуждением или каким-либо мыслительным и рассудочным процессом»

«Однако человек стремится к достоверному знанию. Именно поэтому обречена на неудачу миссия Юма. Сырой материал, поступающий от органов чувств, – единственный источник нашего познания, может привести нас постепенно к вере и надежде, но не к знанию, а тем более к пониманию закономерностей. Тут на сцену выходит Кант. Предложенная им идея, хоть и была неприемлема в своей первоначальной формулировке, означала шаг вперед в решении юмовской дилеммы: все в познании, что имеет эмпирическое происхождение, недостоверно (Юм). Следовательно, если мы располагаем достоверным знанием, то оно должно быть основано на чистом мышлении. Например, так обстоит дело с геометрическими теоремами и с принципом причинности. Эти и другие типы знания являются, так сказать, частью средств мышления и поэтому не должны быть сначала получены из ощущений (т. е. они являются априорным знанием). В настоящее время всем, разумеется, известно, что упомянутые выше понятия не обладают ни достоверностью, ни внутренней необходимостью, которые приписывал им Кант. Однако правильным в кантовской постановке проблемы является, на мой взгляд, следующее: если рассматривать с логической точки зрения, то окажется, что в процессе мышления мы, с некоторым „основанием“, используем понятия, не связанные с ощущениями. Я убежден, что на самом деле можно утверждать гораздо большее: все понятия, возникающие в процессе нашего мышления и в наших словесных выражениях, с чисто логической точки зрения являются свободными творениями разума, которые нельзя получить из ощущений. Это обстоятельство нелегко заметить лишь по следующей причине: мы имеем привычку так тесно связывать определенные понятия и суждения с некоторыми ощущениями, что не отдаем себе отчета в том, что мир чувственного восприятия отделен от мира понятий и суждений непроницаемой стеной, если подходить к этому вопросу чисто логически».

«Особенно важным результатом энергетического воззрения следует считать замену понятия материи понятием комплекса известных энергий, подчиненного пространству. Мыслители различных направлений часто указывали на противоположность и в то же время нераздельность материи и ее сил, но даже очень смелые мыслители не решились отказаться от одной в пользу другой. Этот нежелательный дуализм основывался, прежде всего, на том, что для различных сил не было бы никакого основания оставаться пространственно связанными, если бы их не удерживал некоторый, независимый от них «носитель».

Оствальд Философия природы

«Чтобы не происходило в физическом мире (химическая и физиологическая составляющая всегда включена в это определение) мы всегда можем сформулировать уравнение между количеством превращенной энергии и количеством вновь образованной энергии. Подобного рода уравнение мы не сможем больше приложить ни к каким величинам физического мира. Далее, постольку поскольку такая формулировка всегда имеет дело с измеряемыми и демонстрируемыми явлениями в связи с общими характеристиками измеряемости и наглядности энергии, таким образом все приложения закона сохранения силы энергии это всегда настоящие

научные проблемы, а не псевдо-проблемы. В некоторых случаях точное измерение величин энергии представляет очень серьезные трудности, так что оказываются доступными только очень грубые приблизительные вычисления; но это не может опровергнуть общий принцип энергетике»

В. Оствальд Современная теория энергетике

«Мы же причинную связь будем также считать практическим результатом наших попыток связать наши опытные данные и образовать из них понятие с целью возможности заключать о будущем. ...так как все явления состоят в пространственных и временных изменениях энергии, то данная нами формулировка закона причинности является в известном смысле исчерпывающей, так как все процессы следуют первому началу, и вновь образовавшаяся энергия равна исчезнувшей. В этом виде закон причинности выражается так: ничто не совершается без эквивалентного превращения одного или нескольких видов энергий в другие виды»

В. Оствальд Философия природы

«Но энергия не только присутствует во всех процессах природы, она и представляет их всех. Всякий процесс будет точно и полно представлен или описан, если будет указано, какие энергии претерпели временные или пространственные изменения. И наоборот, на вопрос при каких вообще условиях наступит процесс, можно дать общий ответ, основанный на отношении между существующими энергиями».

В. Оствальд Философия природы

«Планк не отрицал, что энергетика – будучи связанной с законом сохранения энергии – содержит «определенное здоровое зерно», но считал провозглашенное Оствальдом энергетическое понимание явлений природы роковым заблуждением и возражал против притязания энергетике быть единственно верным толкованием природных процессов. Прежде всего, он упрекал энергетике в том, что она скрывает фундаментальное противоречие между обратимыми и необратимыми процессами, с разработкой и углублением которого, по его убеждению, был связан любой прогресс в термодинамике и теории химического сродства. Планк был непреклонен в своем отпоре энергетическим спекуляциям, и в главном он был прав. Восемнадцатью годами позднее Эйнштейн присоединился к этой отрицательной оценке энергетике. Ссылаясь на статьи Планка, он писал в 1913 году: «Для каждого сторонника подлинно научного мышления чтение этой острополюемической заметки является вознаграждением за досаду, испытанную им при чтении тех работ, против которых в ней ведется борьба».

Ф. Гернек Пионеры атомного века

«Сказать ли: мир есть движущаяся материя или: мир есть материальное движение, от этого дело не изменяется....Оствальд пытался избегнуть этой неминуемой философской альтернативы (материализм или идеализм) посредством неопределенного употребления слова «энергия», но именно его попытка и показывает лишней раз тщетность подобных ухищрений. Если энергия есть движение, то вы только передвинули трудность с подлежащего на сказуемое, только переделали вопрос: материя ли движется? в вопрос: материальна ли энергия? Происходит ли превращение энергии вне моего

сознания, независимо от человека и человечества, или это только идеи, символы, условные знаки и т.п.? На этом вопросе и сломала себе шею «энергетическая» философия, эта попытка «новой» терминологией замазать старые гносеологические ошибки». «Материализм и энергетика, – пишет Карус, – принадлежат безусловно к одной и той же категории» («The Monist», 1907), – Нас очень мало просвещает материализм, когда он говорит нам, что все есть материя, что тела суть материя, и что мысль есть только функция материи, а энергетика проф. Оствальда ничуть не лучше, раз он говорит нам, что материя есть энергия, и что душа есть только фактор энергии». «Когда энергию представляют, как субстанцию, – пишет Богданов, – то это есть не что иное, как старый материализм минус абсолютные атомы, – это материализм с поправкой в смысле непрерывности существующего»

Материализм и эмпириокритицизм Ленин

«Отношение, существующее в действительности между различными родами явлений, дает возможность расположить науки в таком порядке, что проходя по этому порядку нам не придется выходить из области действия известных законов, но только познакомится с добавочным на каждом шагу. В этом то порядке Конт и предложил сгруппировать науки. Он располагает науки в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других наук, ей предшествующих, с присоединением еще частных истин, собственно ей принадлежащих.

1. Математика: наука о числе, геометрия, механика (числовые истины верны относительно всех вещей и зависят только от своих собственных законов)

2. Астрономия (явления астрономии зависят от этих трех классов законов и кроме того от закона тяготения)

3. Физика (предполагает математические науки, а также и астрономию и свои собственные законы теплоты, электричества и др)

4. Химия (зависит от всех предыдущих законов и добавляет свои собственные специальные, периодический закон и др)

5. Биология (явления физиологические зависят от законов физики и химии и сверх того от своих собственных)

6. Социология (наука о человеке и обществе)

Наука социальная, как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем еще не достигла позитивной степени развития, а все время являлась предметом бесплодной борьбы теологического вида мышления с метафизическим. Сделать эту науку, высшую из всех, позитивную – было главной задачей Конта, и он думал, что исполнил эту задачу»

Дж. Милль «Огюст Конт и позитивизм»

«Недоверие, которое стала вызывать во всем мире немецкая философия в целом, имеет достаточные основания».

К. Ясперс

«Диалектический материализм отрекается от разума и тогда, когда стремится представить изменение не как последовательность неподвижных состояний, даже бесконечно близких, а как «непрерывную изменчивость»,

не ведающую никакого постоянства; или когда использует такие свои вывески, как чистый «динамизм», не затронутый никакой «статикой». Здесь мы опять сталкиваемся с тезисом Бергсона, который проповедует движение само по себе, противопоставляемое последовательности состояний покоя, действительно совершенно отличной от него, как бы ни были близки эти состояния друг к другу. Однако такая позиция выражает недвусмысленное отречение от разума, поскольку разуму свойственно останавливать вещи, которые он рассматривает, по крайней мере пока он их рассматривает, в то время как чистое становление, по сути своей исключаящее всякую самотождественность, может быть предметом мистического единения, но не рациональной деятельности».

«Как бы то ни было, именно у Гегеля революционеры XX века обнаружили целый арсенал, с помощью которого были окончательно уничтожены формальные принципы добродетели. Революционеры унаследовали видение истории без трансценденции, истории, сводящейся к вечному спору и к борьбе воли за власть... Сведение всех ценностей к единственной – исторической не могло не повлечь за собой самых крайних последствий... Вот почему исторический разум иррационален и романтичен, вот почему он напоминает то систематизированный бред сумасшедшего, то мистическое утверждение слова божия. Неудивительно поэтому, что, для того чтобы сделать марксизм научным и подкрепить эту фикцию, столь выгодную в наш научный век, пришлось сначала сделать науку марксистской, пустив для этого в ход террор. Научный прогресс со времен Маркса состоял, грубо говоря, в замене детерминизма и механистического материализма тогдашней эпохи пробабелизмом. Маркс писал Энгельсу, что учение Дарвина составляет основу их собственного учения. Стало быть, для того чтобы марксизм сохранил ореол непогрешимости, следовало отрицать биологические открытия, сделанные после Дарвина»

«Не собиравшийся сдаваться Эйнштейн потратил неделю на то, чтобы показать: квантовая механика не самосогласованна, а «копенгагенская интерпретация» Бора – некорректна. Гораздо позднее Эйнштейн скажет: «Эта теория напоминает мне состряпанный из бессвязных обрывков мыслей набор бредовых идей исключительно умного параноика»..Принстон – сумасшедший дом... Эйнштейн – совсем чокнутый», – написал Роберт Оппенгеймер в январе 1935 года. Тогда самому известному физико-теоретику, воспитанному Америкой, был тридцать один год. Через двенадцать лет, уже человеком, возглавившим работы по созданию атомной бомбы, Оппенгеймер вернется в Институт перспективных исследований, чтобы руководить «сумасшедшим домом» и населяющими его «солипсическими светилами, сверкающими в отделенном от мира и беспомощном уединении». К этому времени Эйнштейн уже смирился с тем, что благодаря его критическому отношению к квантовой механике в Принстоне его «считают старым дураком» **«Полагаю, хорошо, что многое рассеивает мое внимание. Иначе размышления о квантах привели бы меня напрямиком в сумасшедший дом».** «

Глава 4. Теория психической энергии у Платона, Спинозы и в гуманистической психологии

1) *Теория ПЭ у Платона*

2) *Теория ПЭ у Спинозы*

3) *Теория ПЭ в гуманистической психологии*

Этические религии тоже имеют дело с духовной энергией человека, и говорят много рационального об этой энергии. Однако, мы не можем рассматривать в качестве теорий психической энергии мировые религии, поскольку в них, несмотря на «конец мифологической эпохи» в который они появились, большая примесь мистики. Так что содержание религий, хоть они не чужды рационализма, в то же время нельзя изложить без мифологии.

Мы не можем рассматривать как теории психической энергии философию Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Сартра, Хайдеггера или Ницше, хотя они, безусловно, тоже размышляют о специфике духовной энергии человека. Это невозможно по той же причине, по которой этические религии не подходят под определение теорий психической энергии. Эти философии выражены иррациональны, антиинтеллектуальны, ведь уже Кант разделял веру практического разума и науку чистого разума. Это мистика шизоидного мышления, то есть формальной логики, оторванной от закономерностей действительности. Определение Рассела в этом смысле философии Фихте (который считал себя большим Кантом, чем был сам Кант) как «безумной», в силу ее крайнего субъективизма выглядит логичным. Однако, изложенная в «Речах к немецкой нации» психология Фихте, позволяет рассматривать ее отдельно от его философии, и в этом смысле она предстает как весьма проницательный вариант изложения закономерностей духовной энергии человека. В этом смысле, другой последователь Канта, – Карл Ясперс, также интересен не своей философией, а тем, что он сумел сохранить в понимании психологии, основав ее на базисе кантианства. Заслуга Канта в том, что он признавал уровень духовной энергии человека, как независимой от уровня биологической энергии, и специфику этого духа, берущего начало в интеллекте. Однако, он свел психическую энергию в мистику, представив ее не обычной природной энергией, детерминированной закономерностями природы, а самоопределяющимся абсолютом, «законодательствующим разумом». На место относительной свободы осознанной необходимости рационализма встала, таким образом, абсолютная свобода мистики. Тем не менее, во времена дарвинизма философия Канта помогла «выжить» всем теориям духовной энергии, как например теории «наук о духе» Дильтея, философская вера Ясперса или теория идеальных ценностей Бенда.

Мы помним также, что позитивизм Огюста Конта вообще исключил психологию из иерархии наук, заменив ее «социальной физикой». Эта ущербность методологии не позволила Дюркгейму и Спенсеру, двум известным позитивистам, сформулировать закономерности психики. Однако, Дюркгейм все же формулирует теорию психической энергии, когда пишет о значении мистического в жизни общества. Это интересная теория и заслуживает упоминания, ведь позитивизм, в отличие от кантианства, все же признает наличие закономерностей в общественном развитии. У позитивистов другой недостаток, они не признают душу человека, его сознание как особую духовную энергию (тогда как у кантианства с этим все в порядке). Огюст Конт, как известно, вынужден был в конечном итоге ввести вместо психологии этику, в которой изложил свои взгляды на эволюцию духа как прогресс альтруизма в ущерб реакционной силе эгоизма. Все таки, в попытках найти закономерности психики, никак не обойтись без понятия духовной энергии.

Философия Кьеркегора чрезвычайно противоречива, как известно, поэтому нам она также мало интересна. Зато как психолог он совершенно неслучайно стяжал себе славу самого

проницательного исследователя. Как религиозный мыслитель, он возмущается против рационализма, но как последователь Сократа, он пишет о том, что сила духа возрастает вместе с силой знания, с ростом самосознания. Его теория равновесия эстетического и этического в человеке – одна из самых замечательных в истории психологии попыток сформулировать закономерности противоборства двух антагонистичных энергий психики. Наконец, рациональная философия Пифагора, Платона, Спинозы, Рассела, Тойнби позволяет им сформулировать четкие теории психики, как духовной энергии, детерминированной закономерностями природы. Для каждого из этих мыслителей методологическое сомнение Декарта «я мыслю, следовательно, существую» служит не только личной моральной максимой, но и фундаментальной аксиомой их философии духа.

1) Теория психической энергии Платона

Метафизика интеллекта подразумевает субстанцию духа, как особую энергию, связанную с активным интеллектом, с мышлением, с разумом, – то есть со способностью познавать интеллектуальную форму мира, не только быть детерминированным законами природы, но и иметь способность познавать эти законы и контролировать их. Это духовная энергия, специфику которой вполне выразил Декарт в своем знаменитом «я мыслю, следовательно, существую». И неважно считали они эту духовную энергию бессмертной и нематериальной подобно Платону и Кьеркегору, или же считали разновидностью природной энергии, подобно гуманистической психологии, – главное, что во всех случаях объектом исследования становилась психика, сознание, но не как эпифеномен биологии мозга, а как независимая от него субстанция духа, духовная энергия.

В том же ключе трактовали духовную (психическую) энергию Платон и Спиноза, как известно, связывая всю духовную активность с уровнем активности интеллекта, с мышлением человека. Мировоззрение Кьеркегора в его психологии («Болезнь к смерти») почти не отличается от позиции рационалистов, хоть он и позиционирует себя в некоторых философских работах как мистика и иррационалиста. Однако, его психология, как он ее дает в книгах «Или-или» и «Болезнь к смерти» – это вполне научная теория, построенная на формулировании закономерностей психической энергии. Кьеркегор оказал большое влияние на современную гуманистическую психологию, поэтому его теорию и его влияние на гуманистов мы рассмотрим отдельно.

Уже этические религии осевого времени – первые неуклюжие попытки, смешанные с хорошей долей мистики, изложить закономерности психической энергии. Содержание зороастризма, буддизма, иудаизма – это борьба двух противоположных сил в психике, добра и зла, добродетели и греховности, где одна сила несет здоровье, силу и просветление, а вторая разлагает и обрекает гниению и гибели.

Первые рационалистические философии, формулирующие этику, как закономерности психической энергии, имеют то же содержание, с той существенной разницей, что они уже делают акцент на интеллекте как основе здоровой, добродетельной, живой энергии человека. И противопоставляют энергию интеллекта суетным страстям, как разновидности болезни, лишаящей человека воли, здоровья, силы, разума.

Эта изложенная в «Государстве» теория психической энергии, в которой речь идет о двух (иногда о трех) силах, раздирающих душу человека, настолько точно соответствует формулировкам современной гуманистической психологии, что удивляешься, почему понадобилось 2500 лет, чтобы сформулировать то же самое уже в рамках научной психологии. Однако, все дело по видимому в том, что Платон очень далек от понятия законов природы, а следовательно и от понятия научного контроля. Так, он пишет в «Федоне»:

То есть, он видит источник болезни, греха, нравственной порчи в материи, противопоставляя духовный и материальный мир. Это точка зрения мистика, бесконечно далекая от точки зрения научного контроля, которая понимает интеллект как форму материи, позво-

ляющую контролировать эту материю. От нее не надо отказываться, надо познавать ее законы и ставить под контроль. Но Платон принял мистическую точку зрения, и его сформулированная было теория психической энергии, канула в Лету, став частью христианского синтеза средневековья. По этой причине, то есть отрыва теоретического знания от опытного, Платон не смог сформулировать теорию научного контроля, как контроля закономерностей природных энергий, открывающего доступ к силе этих энергий. Поэтому его теория психической энергии, которую он дает в «Государстве» показалась всем апологией деспотии.

Между тем, это первая, еще примитивная формулировка теории научного контроля в обществе, когда все подчинены разуму, то есть знаниям законов природы. Научный контроль предполагает естественное право, когда законы общества основаны на знании законов природы. Общеизвестно, что эту теорию позже защищал Цицерон, большой поклонник Платона, и др юристы Римской империи, особенно во времена стоической философии Марка Аврелия, искавшего «платоновского государства». Но Платон, который еще не знает понятия законов природы, вместо того, чтобы говорить о подчинении законам природы, научному контролю, говорит о подчинении неразумных людей – разумным людям. И действительно, таким образом, невольно выступает апологетом деспотии, от которой он в действительности бесконечно далек.

2) Теория ПЭ у Спинозы

Перейдем теперь к теории психической энергии Спинозы, сформулированной им в «Этике», не уступающей по известности и значимости «Государству» Платона. Теория психической энергии Спинозы выглядит еще более современной, если ее сравнивать с гуманистической психологией, чем теория Платона. Спиноза сознательно отмежевался от христианской идеологии самоуничужения и самоотречения, и говорит вслед за Платоном о том, что отказываться следует только от патологической части души, питающейся невежеством. Напротив, он формулирует закон сохранения силы психической энергии, заявляя, что цель человеческого бытия обретение счастья, силы, здоровья, удовольствия, которые достигаются в интеллектуальном единении с Богом. Он говорит подобно Платону, что в психике наличествуют два начала, две силы. Одна из них имеет своим источником интеллект, «адекватное понимание» действительности, другая же, напротив, происходит из аффектов, которые мешают человеку адекватно воспринимать реальность. Это две силы, которые противоборствуют в человеке, так что победа разумной силы дает человеку силу, здоровье и радость жизни, а победа болезненных аффектов есть духовная смерть, ведущая к потере разума, воли и силы. Формулировка Спинозой закона сохранения силы психики для обоих силовых полей психики все еще не получила должной оценки в психологии.

Своей теорией психической энергии, которая означала возврат к античной платоновской теории силы и радости жизни, Спиноза бросил вызов христианской идеологии своего времени, которая проповедовала самоотречение и самоуничужение. Мы видели, что Спиноза не считал себя противником Евангелия, уверяя, что проповедь Христа «истина и адекватна». Тем не менее, мифологическое изложение закономерностей психики, а именно того что в гуманистической психологии называется «снятием эгозащиты», а у Платона и Спинозы имеет определение избавления от неадекватной духовной энергии, помешало адекватно изложить эту теорию в христианстве, которое трактует снятие эгозащиты как отречение от самого себя. То есть выплескивает воду вместе с ребенком. Спиноза конечно же предполагает, что Христос говорит, подобно Платону об отказе от порочной, болезненной части души, которая только усилит и облагородит истинную часть души, но вовсе не об отказе от своего истинного Я. «Кто потеряет душу для меня, тот обретет душу». Все Евангелие написано таким туманным слогом, который можно трактовать и так, и этак.

Однако, чтобы не имел ввиду сам Христос, ортодоксальная церковь отвернулась от Спинозы, объявив его врагом церкви и наложив запрет на издание его произведений. Немало такой позиции Церкви способствовала и резкая критика Ветхого завета, предпринятая Спинозой

в «Богословско-политическом трактате». Рассел пишет в «Истории западной философии», что были философы умнее Спинозы, но не было никого, кто превосходил бы его благородством. Философ, который вел затворническую жизнь праведника и аскета, мог бы сказать им вместе с Сократом:

А. Швейцер пишет о Спинозе в «Культуре и этике»: «Он строг в отношении самого себя. Его безропотное смирение просветляется присущей ему мягкой чертой снисходительного человеколюбия. Преследования, которым он подвергается, не в состоянии ожесточить его». Швейцер критически настроен к философии Спинозы, поскольку видит в ней Этику смирения, вместо активной борьбы со злом, подразумевающей Этику деятельности. Он сравнивает его со стоиками и буддийскими монахами, которые искали лишь личного успокоения, личного спасения: «Трагический итог монистического мышления в стоицизме, в индийской и китайской философии заключается в том, что последовательная в отношении самой себя натурфилософия приходит к разочарованности, пессимизму и безропотному смирению, а не к этике. Избежал ли Спиноза этой участи?»

Однако, А. Швейцер несправедлив к Спинозе. Философия Спинозы – это философия метафизики интеллекта, а значит контроля законов природы, контроля природных энергий. Спиноза очень четко излагает теорию психической энергии, как противоборства двух психических сил в сознании человека. А следовательно, открывает широкое поле деятельности для этики будущего, которая будет основана на научном контроле психической энергии человека. Этого нельзя сказать, например, о буддизме, который действительно есть теория пассивного побега от жизни, поскольку буддизм ищет покоя путем отказа от сознания, путем рассеивания мыслей в процессе медитации. Для Спинозы, как для всей традиции западного рационализма, мысль составляет самое существо духовной энергии.

3) Теория ПЭ в гуманистической психологии

Гуманистическая психология – это направление в психологии, которое развили ученики З. Фрейда на основе кардинально другой философии. Фрейд был убежденным материалистом, так что его теория психической энергии – это теория биологизма. Эрих Фромм и Карен Хорни, супруги и ученики Фрейда, строили свою теорию психической энергии уже на основе философии гуманизма. Революция Фрейда состояла в том, что он стал рассматривать психику как энергетическую систему, а не как функцию мозга. Поставив вопрос таким образом, он добился замечательных результатов, хотя теоретический фундамент биологизма ступенчат все важность его достижений. Он придавал большое значение сексуальным инстинктам, считая всю интеллектуальную и нравственную активность только рационализации потребности в удовлетворении этих инстинктов. Этот биологизм привел его к выводам о «звериной природе человека», не только малопривлекательной, но и в корне неверной. В этом смысле, он перевернул вверх дном существо духовной энергии человека, поскольку именно базис психики – это здоровье разума и совести, и только поверхностная опухоль психики в виде энергии эгозащиты – болезнь страха, злорадства и жестокости.

Его ученики оказались проникательнее своего учителя, и покинули его с тем, чтобы развивать теорию психической энергии уже на основании гуманизма. Например, Фромм много обращается к Спинозе, а Хорни – к философии Кьеркегора. Абрахам Маслоу видит себя последователем философии Платона, и прямо говорит о том, что уровень психической энергии – это уровень пространства интеллекта Платона.

1. Разделил уровни психической и биологической энергии

Фрейд только поставил вопрос о психике как об энергетической системе. Его ученики пошли гораздо дальше, разделив уровни духовной (психической) энергии и биологической энергии, так что психика имеет сравнительно независимую систему законов от биологических закономерностей. Это привело к очень важному выводу гуманистической психологии о том, что привело к пересмотру теории Фрейда о звериной природе человека. Гуманисты – это те

психологи, которые отказываются от этой теории в пользу противоположной, которая гласит, что фундамент психики, ее основа – есть здоровье разума, совести, юмора и сочувствия, а все патологические проявления садомазохизма – это только поверхностная патология. Так что целью своей терапии гуманисты видят высвобождение этого интеллектуального и гуманистического потенциала духовной энергии человека из под наслоений внешней патологии. Такого взгляда придерживались Фромм, Хорни, Маслоу, Роджерс, Адлер, Франкл, Юнг, Олпорт и др гуманистические психологи. У Карла Роджерса есть замечательная теория личности, в основе которой представление о фундаментальном здоровом ядре, которое есть поток и всегда в становлении. Однако, этот спонтанный поток здорового ядра личности скован мертвой маской эгозащиты, конформизма и страха быть самим собой, что приводит к невротическим заболеваниям и останавливает жизнь и рост личности. Он пишет, что пришел к этой теории на основе многолетнего анализа своих бесед с пациентами, и был удивлен когда увидел, что его теория так близко воспроизводит психологию Кьеркегора.

2. Разделили истинное Я и ложное Я.

То что мы называем полем интеллекта и полем эгосистемы, гуманистическая психология именуется истинным Я и ложным Я. Уже Платон и Спиноза знали об антагонизме этих двух несовместимых энергий психики, которые люди называют «добром» и «злом». Действительное, каждая из этих энергий представляет собой синдром, то есть системы связанных характеристик психики. Истинное Я (поле интеллекта): рационализм, объективность, страсть к познанию, потребность в истине, в справедливости, совестливость, доброта, великодушие, работоспособность, долг и ответственность, юмор и потребность в эстетике, сильная воля, потребность в одиночестве и одновременно близкая дружба с близкими по духу людьми. Ложное Я (поле эгосистемы): магическое сознание, конформизм, страх сверхъестественных сил, иррационализм, субъективизм, невежество, господство и подчинение, навязчивые влечения, расстроенная воля, стыд, вина, болезненное самолюбие и злорадство, лень и праздность.

Карен Хорни подчеркивает специфику ложного Я как она представлена у Платона: потеря воли (Тирания Надо, не я иду, а меня несет), страх стыда вместо рационального выбора, поиски власти вместо дружбы и искренности. Эрих Фромм противопоставляет отношения садомазохизма (господства и подчинения) отношениям дружбы и искренности, гуманистическую и авторитарную совесть, невротический эгоизм и плодотворную здоровую личность.

Эрих Фромм «Искусство любить»:

3. Противопоставили ненасыщаемую мотивацию боли (дефита) и мотивацию удовольствия (избытка)

Э. Фромм «Человек для себя»:

А. Маслоу:

Карен Хорни «Невроз и личностный рост»:

Абрахам Маслоу «Дальние рубежи человеческой природы»:

В итоге, гуманистическая психология вплотную подошла к открытию психической энергии. Сделать это открытие ей помешала только дарвиновско-позитивистская парадигма, о чем много писал Гордон Олпорт: что позитивизм мешает науке о личности, поскольку сознание выпало из исследований как ненаучный объект исследований. Переход к новой парадигме, основанной на эпистемологии Энергетики, позволяет представить гуманистическую психологию в форме психической энергии.

«Тогда, конечно, у нас будет то, к чему стремимся с пылом влюбленных, а именно разум».

Платон Федон

«От смерти уйти не трудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть».

Платон Апология Сократа

. «Раз государство подразделяется на три сословия, то и в душе каждого отдельного человека можно различить три начала. Мы говорили, что одно начало – это то, посредством которого человек познает, другое – посредством которого он распаляется, третье же мы нарекли возделующим. Но у одних людей правит в душе одно начало, у других – другое; это уж как придется. Поэтому давай прежде всего скажем, что есть три рода людей: одни – философы, другие – честолюбцы, третьи – сребролюбцы. И что есть три вида удовольствий, соответственно каждому из этих видов людей Многие почитают богатого человека, мужественного или мудрого, так что в удовольствии от почета все имеют опыт и знают, что это такое. А какое удовольствие доставляет созерцание бытия, этого никому, кроме философа, вкусить не дано. Итак, поскольку имеются три вида удовольствий, значит, то из них, что соответствует познающей части души, будет наиболее полным, и, в ком из нас эта часть преобладает, у того и жизнь будет всего приятнее. Стало быть, если вся душа в целом следует за своим философским началом и не раздираема противоречиями, то для каждой ее части возможно не только делать все остальное по справедливости, но и находить в этом свои особые удовольствия, самые лучшие и по мере сил самые истинные. Принесет ли кому-нибудь пользу обладание золотом, полученным несправедливым путем? Ведь при этом происходит примерно вот что: золото он возьмет, но одновременно с этим поработит наилучшую свою часть самой скверной. Коль скоро он безжалостно поработает самую божественную свою часть, подчиняя ее самой безбожной и гнусной, разве это не жалкий человек и разве полученная им мзда не ведет его к еще более ужасной гибели, чем Эрифилу, обретшую ожерелье ценой души своего мужа? ... А как, по-твоему, не потому ли с давних пор осуждали невоздержанность, что она сверх всякой меры дает волю в невоздержанном человеке той страшной, огромной и многообразной твари? Когда у человека лучшая его часть ослаблена, так что ему не под силу справиться с теми тварями, которые находятся у него внутри, он способен лишь угрожать им. Как их ублажать – вот единственное, в чем он знает толк... У них настоятельная потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания. Когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться не от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это не было: среди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех возделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом

такого же рода возделений, которые он теперь распустил, дав им волю. ... Значит, и тиранически управляемая душа всего менее будет делать что ей вздумается, если говорить о душе в целом. Всегда подстрекаемая и насилюемая яростным слепнем, она будет полна смятения и раскаяния. Подобного рода люди таковы и в частной жизни, еще прежде, чем станут у власти. С кем бы они ни вступали в общение, они требуют лесты и полной готовности к услугам, а когда сами в чем нибудь нуждаются, тогда так и льнут к человеку, без стеснения делая вид, будто с ним близки, но, чуть добьются своего, они опять с ним чужие. ... Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая».

Платон Государство

«И напротив, у нас есть неоспоримое доказательство, что достигнуть чистого знания чего бы то ни было, мы можем не иначе как отрешившись от тела. Тогда конечно у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленного, а именно разум, но только после смерти. А пока мы живы, мы по видимому, тогда будем ближе всего к знанию, когда как можно больше ограничим свою связь с телом и не будем заражены его природой, но сохраним себя в чистоте, пока сам бог не освободит нас»

«Для того чтобы и такой человек управлялся началом, подобным тому, каким управляются лучшие люди, мы скажем, что ему надлежит быть рабом лучшего человека, в котором господствующее начало – божественное. Не во вред себе должен быть в подчинении раб, как это думал Фрасимах относительно всех подвластных; напротив, всякому человеку лучше быть под властью божественного и разумного начала, особенно если имеешь его в себе как нечто свое; если же этого нет, тогда пусть оно воздействует извне, чтобы по мере сил между всеми нами было сходство и дружба и все мы управлялись бы одним и тем же началом. ... Да и закон, поскольку он союзник всех граждан государства, показывает, что он ставит себе такую же цель. То же и наша власть над детьми: мы не даем им воли до тех пор, пока не приучим их к некоему порядку, словно они – некое государство, и, развивая в себе лучшее начало, не поставим его стражем и правителем над таким же началом у них, после этого мы отпускаем их на свободу»

Платон Государство

«Величайшее сомнение или самоунижение есть величайшее незнание самого себя. Величайшее сомнение или самоунижение указывает на величайшее бессилие духа. Первая основа добродетели есть самосохранение и притом самосохранение по руководству разума. Таким образом, тот, кто не знает самого себя, не знает основы всех добродетелей, а следовательно, и их самих... Отсюда самым ясным образом следует, что люди, объятые сомнением и самоуниженными, всего более подвержены аффектам. Самодовольство может возникнуть вследствие разума, и только то самодовольство, которое возникает вследствие разума, есть самое высшее, какое только может быть.

А способность души определяется одним только познанием; бессилие же или пассивное состояние ее – одним только недостатком познания, т. е. тем, вследствие чего идеи называются неадекватными. Отсюда следует, что всего более страдает та душа, наибольшую часть которой составляют идеи неадекватные, так что она характеризуется более через свои пассивные состояния, чем через активные. Наоборот, всего более действует та, наибольшую часть которой составляют идеи адекватные.

Мы видим и находим, что все хорошие страсти имеют такой характер и природу, что мы не можем без них существовать и сохраняться, и они как бы принадлежат нам существенно, как любовь, желание и все, что свойственно любви. Но дело обстоит совершенно иначе с теми, которые дурны и должны избегаться нами, так как мы без них не только можем существовать, но именно тогда только, когда освободились от них, становимся такими, какими должны быть. Также и любовь, может происходить из верных понятий или из ложных, и первая ведет к наивысшему благу, а вторая к нашей гибели.

Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю рабством. Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему человеческая способность к укрощению страстей состоит в одном только разуме.

Таким образом, я изложил все, что предполагал сказать относительно способности души к укрощению аффектов и о ее свободе. Из сказанного становится ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти. Ибо невежда, не говоря уже о том, что находится под самым разнообразным действием внешних причин и никогда не обладает истинным душевным удовлетворением, живет, кроме того, как бы не зная себя самого, Бога и вещей, и, как только перестает страдать, перестает и существовать. Наоборот, мудрый как таковой едва ли подвергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением»

Этика Спиноза

«Чему по справедливости подвернуться или сколько должен я уплатить за то, что ни старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, считая себя слишком порядочным человеком, право, чтобы сохраниться, участвуя во всем этом; за то что я шел туда где мог всякому оказать величайшее благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас заботиться о душе прежде, чем о теле, – как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее»

Платон Апология Сократа

«Размышляя о природе человека, я думал, что открыл в ней два различных начала: одно возвышало его до изучения вечных истин, до любви к справедливости и нравственно прекрасному, до областей духовного мира, созерцание которого составляет усладу мудреца; другое возвращало его вниз, к самому себе, покоряло его власти чувств, страстям, которые являются их слугами, и противодействовало, с помощью их, всему тому, что внушало

ему первое начало. Чувствуя себя увлеченным, сбитым с пути этими двумя противоположными движениями, я говорил себе: «Нет, человек – не единое: я хочу – и я не хочу; я чувствую себя и рабом, и свободным; я вижу добро, люблю его – и делаю зло; я активен, когда слушаюсь разума, и пассивен, когда меня увлекают страсти: и самое горькое мученье для меня, когда я падаю, чувствовать, что я мог бы устоять»

Ж-Ж Руссо «Эмиль»

«Трансценденция может означать вид на жительство в высшей реальности, умение говорить языком высшего Бытия, высшее постижение без срока и конца. Мы знаем трансценденцию как пиковые, предельные мгновения высшего постижения, но она может означать также спокойное и сосредоточенное познание. Человек, переживший инсайт, великое откровение, мистический опыт, прозрение или просветление, однажды успокоится, привыкнет к новизне, к хорошему и великому, и будет от случая к случаю, по-соседски навещать познанные им райские кущи, накоротке общаясь с вечностью и бесконечностью. Он переживет изумление и потрясение и заживет спокойной и безмятежной жизнью среди платоновских идей, среди высших ценностей. Чтобы отличать предельные, эмоционально-острые переживания прозрения, высшее постижение от такого рода спокойного, величаво-божественного постижения, я буду называть последнее <плато-познанием>. Высшие переживания действительно переживаются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже если бы захотел, вернуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не может <зачеркнуть> постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме»

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

«Активная форма симбиотической связи – господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободиться из плена и избежать одиночества делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зависим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, – обычно по отношению к разным объектам. В противоположность симбиотической связи зрелая любовь есть связь, предполагающая сохранение целостности личности, ее индивидуальности»

«А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные желания не могут

быть „удовлетворены“. Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх – вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо воображения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все больше удовольствий, какие удовлетворят его алчность и восстановят его внутреннее равновесие. Но алчность – бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения – мираж. Источник алчности – конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник – его ум и воображение».

«Удовлетворение от ликвидации дефицита, как правило, бывает эпизодическим и скоротечным. Наиболее часто встречается следующая схема: в начале имеет место побуждающее, мотивирующее состояние, которое дает толчок мотивированному поведению, задача которого заключается в достижении желаемого состояния, которое, при постепенном и постоянном росте возбуждения и желания, в конце концов, достигает пика в момент успеха и свершения. С этой вершины кривая желаний, возбуждения и удовольствия резко опускается на равнину покоя, расслабленности и отсутствия мотивации. Эта схема, хотя и не является универсальной, явно не соответствует мотивации развития личности, для которого характерно отсутствие высшей точки или момента завершения, „оргазма“, конечного состояния: здесь нет даже цели, если понимать ее как итог. Напротив, „развитие“ это постоянное, более или менее непрерывное, движение вперед или вверх. Чем больше индивид получает, тем большего ему хочется, поэтому желание такого рода бесконечно и никогда не может быть удовлетворено».

«при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влияния. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом – ее неотъемлемое свойство».

«так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удовольствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»

Глава 5. Теории психической энергии у Кьеркегора

- 1) *Рационалистическая этика и общая природа человека*
- 2) *«Кривое зеркало» поля экосистемы.*
- 3) *Отчаяние и страх. Антагонизм этического и эстетического. Закон сохранения силы психики.*
- 4) *Виды отчаяния. Притяжения Влюбленности и Самолюбия. Шизоидность.*
- 5) *Дневник соблазителя. Управление автоматизмами эгозащиты.*

1) Рационалистическая этика и общая природа человека

Кьеркегор поставил во главе угла своей философии шеллинговский тезис о том, что «существование предшествует сущности». Этот тезис выражал существо их совместного протеста против пренебрежения конкретной реальностью человеческого сознания, действительных закономерностей психики, наукой психологией. Экзистенциализм Кьеркегора изучает, таким образом, духовную энергию конкретных людей, а не пустых абстракций «абсолюта» Гегеля или «материи» Маркса. Неслучайно, экзистенциализм Кьеркегора называли философией человека в противовес философии идей и философии вещей. Кьеркегор сконцентрировался на «существовании» человека, подчеркивая, что это не вещь, как у Маркса, и не идея, как у Гегеля, а природная энергия, энергия психики, духовная энергия, которая имеет свои закономерности, данные ей «Творцом». Эти закономерности он и будет искать в книгах, целью которых станет глубокое изучение этого специфически человеческого «существования» (экзистенциализм).

Поэтому я настаиваю на том, чтобы творчество Кьеркегора делили на религиозные искания, в которых очень мало общего с рационализмом и научным исследованием, и на психологические исследования, которые составляют важный вклад в современную психологию. Это нетрудно показать, анализируя его психологические работы.

Итак, Кьеркегор начал с того, что сформулировал задачу изучения духовной энергии человека. Его «экзистенциализм» изучает существование духа человека, цель которого становление. Это процесс, живая энергия души, в отличие от логических абстракций Гегеля или борьбы классов Маркса. И уже в этой постановке вопроса, Кьеркегор говорит как ученый, который предлагает сконцентрировать внимание на реальной психике человека. В принципе, это уже сделали до него Платон и Спиноза, но они в своих теориях Этики и добродетели делали акцент на здоровой, разумной энергии человека, только вскользь замечая о ущербности порочной «части души». Заслуга Кьеркегора состоит в том, что он сконцентрировал внимание на этой самой порочной части души, берущей начало в страхе и «кривом зеркале» иррационального. Он показал «процесс» существования, как он преломляется в антагонизме этих двух частей души, рассматривая их в тонкостях всех деталей, словно бактерии в микроскоп. Этим и замечательны его психологические работы.

Патрик Гардинер в монографии «Кьеркегор» ошибочно характеризует позицию Кьеркегора в духе Ницше или Сартра, то есть как субъективизм становления свободной воли. «Существование» Кьеркегора субъективно только в том смысле, что объектом исследования является психика самого субъекта познания, то есть человека. Но ничего субъективного в трактовке психики человека у Кьеркегора нет. Он нигде не говорит в духе Канта или Ницше, что человек обладает свободой воли, и тем более, что он сам придумывает себе ценности, как это говорит Кант. Кьеркегор остается на платформе рационализма, и подобно Спинозе утверждает, что человек может оставаться человеком только тогда, когда он соответствует своей природе, которая есть необходимость закономерностей, созданных Творцом. Он возражает Спинозе в том же духе, что и А. Швейцер, когда говорит, что человек, тем не менее, обладает относительной свободой, и называет природу человека «синтезом необходимого и возможного», напуская таким

образом гегелевского туману, но ничего не говоря по существу. Это только вопрос недоразумения, только вопрос точных научных формулировок, которые придут со становлением энергетики, как теории познания. Например, определение свободы Спинозы вполне согласуется с мировоззрением Кьеркегора и обретает свою законченность в формулировке энергетической теории познания: человек обладает относительной свободой воли, так как обладает способностью к познанию законов природы и контролю силы природных энергий. Итак, изучение субъекта познания не говорит о том, что воля субъекта не подчиняется объективным закономерностям, как вся прочая природа. Кьеркегор выступил против субъективизма немецкого идеализма, он не мог быть субъективистом сам, хотя Ницше и Сартр именно так истолковали предложенную Кьеркегором философию экзистенциализма.

Психология Кьеркегора уникальный по своей значимости вклад в теорию психической энергии, что нашло свое выражение и признание в становлении гуманистической психологии Э. Фромма, А. Маслоу, К. Хорни, К. Роджерса, Г. Олпорта, В. Франкла, А. Адлера, К. Юнга. Все эти психологи противопоставили «человеческую реальность» как психический процесс, основанный на разуме и совести – биологизму дарвиновских, марксистских, фрейдистских, бихевиористских теорий человека. Фактически они разделили человеческое существование на уровни биологии и психики, заявив, что психика – это независимая или почти независимая от биологии энергия, которая имеет свои собственные закономерности, не сводимые к «царству животных», как выражался Дарвин. И многие из этих авторов прямо ссылаются на Кьеркегора, как К. Хорни или К. Роджерс, на других он оказал косвенное влияние.

Каждый психолог подчеркивает в трудах Кьеркегора отдельные стороны, которые им ближе. Я попробую сформулировать, в чем вклад Кьеркегора в теорию психической энергии в самых важных, фундаментальных аспектах в целом.

Прежде всего, надо отметить, что о здоровой духовной энергии человека Кьеркегор говорит в полном соответствии с классическим рационализмом Платона и Сократа, а именно, как о силе «Я» возрастающей вместе с ростом сознания. То есть, добродетель остается в тесной корреляции с разумом, как то имело место у почтенных классиков античности. Неслучайно, Сократ был любимым философом Кьеркегора, и темой его диссертации. Так, Кьеркегор пишет в «Болезни к смерти»: «Однако сознание, внутреннее сознание – это решающий фактор. Решающий всегда, когда речь идет о Я. Оно дает этому Я меру. Чем больше сознания, тем больше Я; ибо чем более оно вырастает, тем более вырастает воля, а чем больше воли, тем больше Я. У человека без воли не существует и Я; однако чем больше воли, тем более он осознает самого себя. Я – это осознанный синтез бесконечного и конечного, который относится к себе самому и целью которого является стать собой самим, – что совершенно невозможно для него иначе, как в отношении к Богу... Чаще всего люди далеки от того, чтобы счесть высшим благом отношение к истинному, то есть свое личное отношение к истине; подобно тому как они далеки от того, чтобы вместе с Сократом сознавать, что худшее из зол – это заблуждаться; у них чувства чаще всего побеждают разум. Почему же? Попросту он является жертвой чувственности, и душа его совершенно телесна, жизнь его знает лишь категории чувств – приятное и неприятное, отказываясь от духа, истины и прочего... Он чересчур погружен в чувственное, чтобы обладать отвагой и выносливостью быть духом».

Разум, сила воли, способность воспринимать реальность, сила духа, потребность быть самим собой, – обо всем этом будут писать Э. Фромм, К. Хорни, К. Роджерс, А. Маслоу, как о фундаментальных характеристиках личности. Здесь еще нет никакого новшества по сравнению с античной теорией духовной энергии, которая берет начало в интеллекте и обязана ему всеми своими добродетелями, мужеством и силой воли, добротой и справедливостью. В то же время, как мы видели, уже у Платона есть представление о «дурной части души», которая насилует «яростным слепнем» разумную душу, лишая ее воли, склоняя к насилию, воровству и всякому бесчестью. Потом эту идею разовьет Спиноза в своей «Этике». «Быть самим собой»

в этом смысле не есть открытие экзистенциализма Кьеркегора. Здесь для нас важно подчеркнуть, это фундаментальное единство античного рационализма экзистенциализма Кьеркегора. У последнего также как у платоновского Сократа, человек имеет общую природу со всеми людьми, имеющую источником разум. И именно эта природа составляет необходимость человека, ограничивая его свободу, и его цель в становлении своего «Я», в потребности оставаться самим собой. Поэтому Кьеркегор подчеркивает в разделе «Равновесие между этическим и эстетическим» его книги «Или-или», что не может идти и речи о самостоятельном выборе ценностей, что они заложены в природе человека. Единственный выбор, говорит он, который делает человек, он делает между «этическим и эстетическим». Так он называет два поля психики, то есть здоровье и болезнь психики. И если человек здоров, у него уже нет выбора, он выбирает добро.

Серен Кьеркегор «Или-или»: «Мое „или-или“ обозначает не выбор между добром и злом, оно обозначает скорее уж выбор, благодаря которому человек выбирает добро и зло – или исключает их. Вопрос здесь стоит о том, в каких определениях человек собирается рассматривать все налично существующее и жить сам. А утверждение, что человек, выбирающий между добром и злом выбирает добро, – по сути совершенно справедливо, однако, это станет ясно только позднее; ибо эстетическое – это не зло, но нечто безразличное, и именно поэтому я и говорил, что этическое образует выбор»

Для Патрика Гардинера эта позиция Кьеркегора, которую он раскрывает в «Равновесии между этическим и эстетическим» звучит как парадокс, потому что он трактует «становление существования Я» как субъективный процесс в духе Ницше и Сартра. Так, он пишет в «Кьеркегоре»: «В светской области взгляды Кьеркегора сыграли значительную роль в формировании убеждения, общей для целой плеяды мыслителей экзистенциалистского направления, что нравственная оценка в конечном счете не больше чем упражнение для мышления и воли индивида. С их точки зрения, представление о существовании поддающейся реальному изучению сферы объективных ценностей – это иллюзия». Действительно, Ницше и Сартр истолковали его философию становления Я именно таким образом.

Поэтому П. Гардинер считает, что Кьеркегор говорит подобно этим двум последним, что каждый человек свободен самостоятельно выбирать себе любые ценности и строить свою жизнь подобно проекту художника с любым размахом фантазии, и нигде «под небесами» нет ограничений его воле и фантазии. Такова позиция Ницше и Сартра, и это действительно позиция субъективизма. Но Кьеркегор далек от субъективизма. Он говорит о становлении Я, как о реализации «необходимого», то есть закономерностях, заложенных в человека Творцом, – в этом и состоит цель становления, «стать самим собой». Это позиция ученого, исследующего психику человека как объективный процесс, управляемый закономерностями природы. Конечно, он говорит о свободе личности, но только как об относительной свободе, которую резко ограничивает эта необходимость всеобщей человеческой природы. Поэтому нет никакого парадокса в том, что Кьеркегор с одной стороны подчеркивает, что цель человека стать самим собой, а с другой стороны, говорит, об общей человеческой природе, и об общих ценностях рационализма и гуманизма. Так, П. Гардинер пишет в «Кьеркегоре»: «Представляется спорным, что этическая личность должна признавать особые нормы и ценности, обязательные как для других, так и для себя, что требует общего согласия. Именно на этом „В“ (судья в диалоге о об этическом и эстетическом) особенно настаивает. Судья делает особый упор на том, что любой человек не имеет права толковать, как ему захочется, высшую форму существования, воплощенную в этическом мировоззрении: подобная идея с привкусом „экспериментализма“, приписываемая некоторым направлениям романтизма, по праву принадлежит эстетическому мировоззрению. Фундаментальными категориями этического мировоззрения являются „добро и зло“ и „долг“, и о них говорится так, как если бы все понимали их совершенно одинаково. Если допустить такое предположение, то можно с полным правом утвер-

ждать, что этическая личность своей жизнью выражает универсальное. Но в таком случае как это согласуется с бескомпромиссно эгоистической теорией, изложенной выше, там подразумевается, что ценности человека проистекают исключительно из него самого. Если же с другой стороны, он признает что есть социально установленные правила, обязательные и для него, разве он не должен следовательно, отринуть свою независимость и вернуться в положение подчинения внешним силам?»

Однако, давайте послушает самого Кьеркегора, что он говорит о природе человека в «Болезни к смерти», как формулирует отношения между необходимым и возможным в человеке, что называет болезнью, а что здоровьем. Есть ли место субъективизму свободной воли в его представлении о психике человека? Серен Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

Мне кажется, трудно выразится с большей однозначностью, заявляя, что человек имеет природу, выраженную в закономерностях «Творца». Это собственно и есть позиция метафизики интеллекта. Подобно Б. Расселу, определяющему материю, как нечто, удовлетворяющее уравнениям физики, Кьеркегор определяет психику, как нечто, удовлетворяющее уравнениям психологии, то есть закономерностям психики. И тут мы переходим к следующему положению теории экзистенциализма Кьеркегора, которое уже можно трактовать как нечто новое, внесенное им в теории психической энергии, после Платона и Спинозы.

2). «Кривое зеркало» поля эгосистемы

Уже Платон говорит о том, что неадекватное восприятие мира искажает не только реальность, но и психику человека, являясь источником всего порочного и патологического, что есть в «дурной части души». Так и для Спинозы, неадекватное восприятие ведет к ложным аффектам и душевному недомоганию. Кьеркегор формулирует это общее место более поэтично, как «кривое зеркало», раскрывая тем самым механизм искажения восприятия, заложенный в психике.

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

Именно из этой концепции «кривого зеркала», где человек теряет свое истинное Я, начинается вся теория «отчаяния потери себя», которая составляет лейтмотив психологических трудов Кьеркегора. Он говорит о некоем механизме в психике, который искажает информацию человека о себе и о внешнем мире, и тем самым бессознательно запускает процесс, которые гуманисты называли «эгозащитой». То есть тратой энергии на ложное Я, которое не более, чем отражение в кривом зеркале воображения. Кьеркегор не только четко формулирует источник этой патологии «эгозащиты» (отчаяния), как кривое зеркало восприятия, не только подчеркивает бессознательный характер этого процесса, но еще и указывает на тот факт, что это тяжелая психическая болезнь, которую он называет «отчаянием» или «болезнью к смерти».

3). Отчаяние и страх. Антагонизм этического и эстетического. Закон сохранения силы психики

Кьеркегор пишет в «Болезни к смерти», что быть человеком, быть самим собой – значит быть духовной энергией, которая берет начало в Боге. Мы видели, что здесь он солидарен с платоновским Сократом в том, что бог и интеллект тождественны (чтобы он не говорил в своих христианских сочинениях). И он противопоставляет этой разумной духовной энергии, которая есть источник здоровья истинного «Я», – бессознательное, чувственного «кривого зеркала», которое лишает человека самого важного, его самого, его «Я». Лишает так, что он этого даже не замечает. Кьеркегор говорит, что человек скорее заметит потерю богатства, руки или ноги, но не заметит, как потеряет самого себя. Таким образом, он противопоставляет сознание и волю истинного, духовного Я – бессознательным автоматизмам кривого зеркала, порождающего ложное Я. И этот процесс потери себя в кривом зеркале «воображаемого», он называет – отчаянием, болезнью к смерти, поскольку не может быть ничего столь трагичного как заживо погибнуть и не заметить этого.

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

Характеризуя иррациональное бессознательного, Кьеркегор начинает с того места, где остановился Г. Лессинг, формулируя свою знаменитую проблему, получившую его имя. Это метафора о некоем «широком рве», который он не может «перепрыгнуть», когда пытается рационально осмыслить христианство. Так что в конечном итоге, Лессинг отказывается от догматического христианства, и в «Воспитании человеческого рода» пишет, подобно Спинозе, что Ветхий и Новый завет – это просто доступное изложение этики для незрелого человечества, как и другие священные писания, которые он уравнивает таким образом и в позитивном значении первоначальных кодексов добродетели, и в интеллектуальной ущербности и что придет время, когда люди будут знать единую полноценную интеллектуальную, научную истину о своей психике, которая заменит множество религий.

Кьеркегор дает другое объяснение проблеме Лессинга: есть два типа сознания, рациональное и иррациональное, и только второе религиозно. И чтобы туда попасть, не надо тешить себя иллюзиями найти туда мост или лестницу из рационального сознания. Широкий ров Лессинга перепрыгнуть невозможно, если пользоваться разумом в качестве моста. Возможно, только отказаться от разума вообще, и тогда автоматически очутишься в сфере мистического, сделать «качественный скачок» из разумного в мистическое. И здесь в мистическом начинается категория страха, которую он трактует на все лады и особенно, как страх перед первородным грехом. Важно, что он правильно заостряет внимание на страхе в отношении к мистическому. Важно также, что он постоянно подчеркивает, что мистическое – это сфера абсурда, иррационального, парадоксов, сфера, куда можно проникнуть, только добровольно отказавшись от разума. Он также говорит о том, что первородный грех возможно в том и состоит, что человек намеренно избегает знания, что он противостоит разуму, и что что-то должно коренным образом измениться в природе человека, чтобы он преодолел в себе это отвращение к рациональному.

Если отвлечься от этих рассуждений в плане теологии, в котором их обычно рассматривают, и посмотреть с точки зрения психологии, то он слово в слово формулирует антропологию Л. Леви-Брюля, о котором мы уже не раз упоминали. Он также как Леви-Брюль говорит о том, что в человеке присутствуют два вида сознания – рациональное и иррациональное, что это два качественно различных сознания, которые могут одновременно существовать у одного человека. Что основой иррационального сознания является мистика сверхъестественных сил и страх, который они внушают человеку, а основой рационального сознания – разум и сила воли, логичное и научное мышление.

Кьеркегор противопоставляет в своих сочинениях рациональное и иррациональное сознания, как этическое и эстетическое. Он пишет, что этическое есть подчинение своей необходимости, своей природе, данной творцом, тогда как эстетическое – это фантазии поэта скрыть себе свое «Я» по своему вкусу. Такой поэт подобно сказочному персонажу, ищет всемогущества, но в конечном итоге только теряет свою духовную силу, оставаясь «пригвожденным к внутреннему рабству». Это и есть «отчаяние» потери своего «Я». Так, он пишет в «Болезни к смерти»: «Это Я, которым стремится стать этот отчаявшийся, по сути есть Я, которое таковым не является (ибо стремиться быть таким Я, каким он на самом деле есть, – это сама противоположность отчаянию), то, к чему он стремится на деле, – это отделить свое Я от его творца. Однако это ему не удастся, несмотря на то, что он отчаивается, – и, несмотря на все усилия, которые он прилагает для того, чтобы отчаиваться, этот творец остается самым сильным, и принуждает его быть тем Я, которым он не желает быть. Таково отчаяние, эта болезнь Я, „смертельная болезнь“. Отчаявшийся – это больной к смерти. Более чем какая-либо иная болезнь, эта болезнь направлена против самой благородной части существа. Все равно вечность заставит раскрыть отчаяние его состояния и пригвоздит его к собственному Я... Ведь, в конце концов, все здесь зависит от произвола Я. Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опы-

тов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкушать наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться, что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

Таким образом, он формулирует закон сохранения силы психической энергии. Отчаяние – как потребность психики в силе, в здоровье духовной энергии, так что потеря этой духовной энергии ведет к «болезни к смерти». Страх сверхъестественных сил (подобно теории Леви-Брюля) – как проявление закона сохранения силы на чувственном поле психики. Он делит настоящее отчаяние, то есть потерю истинного Я, духовной энергии; и ложное отчаяние, то есть потерю ложного, придуманного, воображаемого Я. Первое так трагично, что он готов плакать вечность, второе комично, и он не устает иронизировать над эгозащитой. Но, замечает наш гений, отчаяние ложного Я, как бы комично оно не было, может привести к трагедии отчаяния истинного Я. Действительно, психиатры давно отметили, что провокацией шизофрении становится уязвимость самолюбия. Так что если уязвимое самолюбие – это комичное отчаяние, то неграмотного человека оно вполне может привести к трагедии реального распада психики, к шизофрении.

4). Виды отчаяния. Притяжения Влюбленности и Самолюбия. Шизоидность

Гений Кьеркегора идет еще дальше, и показывает не только закон сохранения силы психики и его специфику на двух ее силовых полях, но еще и разновидности эгозащиты. Сам он называет это видами отчаяния.

Так, общеизвестно (Э. Фромм в частности в подробностях рассматривает садомазохистские союзы с психологической точки зрения), что эгозащита проявляется в двух противоположных направлениях: в насилии, и в подчинении. Эта система поведения и получила название садомазохизма, потому что одно подразумевает другое. Э. Фромм говорит о том, что это притяжения самолюбия и влюбленности, которые одинаковы в смысле отчуждения человека от самого себя. Кьеркегор называет этот вид «отчаянием, когда не хотят быть собою». Его специфика говорит он в отсутствии духовности, в конформизме, когда «человек катится словно галька», и никто и прежде всего он сам не подозревает, что он уже потерял самого себя, что его духовная энергия растрочена на «суету сует», как говорят христиане, или на «автоматизмы (компульсию) эгозащиты», как говорят психологи. «Немного иначе дело обстоит с обывателями, ведь их пошлость также прежде всего лишена возможного. Тут отсутствует дух, однако, отсутствие духа – это также отчаяние... И неважно уже является ли он виноторговцем или премьер-министром»

И подобно платоновскому Сократу, Кьеркегор выделяет шизоидность, как особое отчаяние, в котором дух не отсутствует, а «сатанически упирается против своего творца». Платон говорит о трех началах души: животное, честолюбивое (яростный дух) и разумное. Второе начало, яростный дух, если не подчинено разуму, превращается в пагубу чрезмерного самолюбия. И Кьеркегор говорит, что разум может упереться против своего творца, и тогда получается самое трагичное отчаяние, которое можно представить. Насколько точный диагноз философии и шизофрении Ницше!

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

Мы уже говорили выше, какое объяснение этот феномен «трех начал души» получил в теории психической энергии. Силовых полей психики только два: поле интеллекта и поле эгозащиты. Первое духовно и имеет свободу научного контроля, второе – обычная детерминированная энергия, автоматизмы эгозащиты. То есть, в данном случае, альтернатива в наличии или отсутствии духовной энергии. Однако, есть еще третий вариант, когда интеллект вторгается на поле эгосистемы, и превращается в фиктивный интеллект, цель которого не познание истины законов природы, а защита эго формальной логикой интеллекта. Как это делал, например, Ницше в своей философии, рисуя сверхчеловека и победу его всемогущей воли к власти над мирозданием. Так, возникает большая духовная энергия, которая «сатанически упирается против творца», то есть против своей природы. Действительно, не Ницше ли кричал, что убил Бога? И не его ли пригвоздила к его Я, природа, данная ему творцом, взорвавшись в дебюте шизофрении?

5) Дневник соблазителя. Управление автоматизмами эгозащиты

Но и это еще не все. Из всего творчества Кьеркегора, наиболее известен, пожалуй, его дневник соблазителя. Он, как всегда, не разглагольствует без дела, а излагает реальный опыт собственных отношений с невестой, с которой он в конечном итоге разорвал помолвку единственно из желания посвятить себя той великой задаче становления Я, которую ставил целью своей философии.

Сегодня литературу подобного рода называют «пикап», от английского «pick up». Это житейская мудрость о том, как соблазнить человека, зная механизмы эгозащиты. Например, очень известной книгой стала «Искусство обольщения» Роберта Грина, где последний с предельным цинизмом пишет о том, что надо смотреть на человека как на жертву, а на себя как на охотника, и ставит целью одурачить человека, чтобы внушить ему эротическую зависимость. То есть сделать из него идиота, потому он советует избегать умных и занятых людей. Даже Дж. Байрон писал в свое время об этой мудрости «из жизни взятой, не из книг».

Но время идет, и пикап становится книжной мудростью, потому что имеет научные основания. Сделать идиота из недалекого человека, играя на его самолюбии и чувственности, обладая сведениями об элементарных закономерностях поля эгосистемы, действительно несложно. На этом построены все тактики «хитрых макиавельянцев». Другое дело, что нормальный, здоровый человек никогда не станет этим заниматься, потому что цель разумного человека – духовная энергия, быть самим собой, и любить по настоящему людей, в которых искренне общаешься и которых уважаешь. Тот, кто знает об автоматизмах поля эгосистемы, имеет одну цель – изжить его у себя, помочь другим изжить его у себя, или, в крайнем случае, когда нет возможности помочь этим другим, не общаться с ними, потому что это источник всякого зла и болезни. «Болезни к смерти» говорил Кьеркегор. Байрон писал в «Чайльд Гарольде» незадолго до «Дневника соблазителя» Кьеркегора:

«Душа твоя больна!». К такому же выводу приходит и Кьеркегор. Вот поэтому он назвал книгу, в которой изложил основы пикапа, так сказать, в «Дневнике соблазителя» – «Или-или». Именно в ней он раскрывает противостояние между этическим и эстетическим, называя эстетическим именно жизнь этого самого повесы, который научился играть на самолюбии других людей и возомнил себя способным «упереться против своего творца». Поэтому он осуждает эстетическое в этой книге и противопоставляет ему этическое духовного становления и развития, которому он и в самом деле всецело отдался. Надо сказать, что у Кьеркегора, как у всех великих поэтов-романтиков, которые, в сущности, суесловили о такой же эстетической бессмыслице, действительно получилась эстетическая картина, в отличие от, скажем Роберта Грина, который циничен и потому более правдив в передаче существа пикапа. Но, как опять таки был прав Байрон в «Дон Жуане»:

Тем не менее, в «Дневнике соблазителя», который стал как бы визитной карточкой Кьеркегора, так как основная его философия была изложена очень туманно и до сих пор оста-

ется малодоступной по этой причине, также без сомнения со всей силой проявился его психологический гений, показавший его способность проникать в механизмы психики.

Подобно тому, как Маркс использовал критику Гегеля Фейербахом, чтобы создать собственный вариант гегельянства – диалектический материализм, так Сартр использовал критику Гегеля Кьеркегором, чтобы создать свою версию гегельянства – проект безграничного человеческого произвола в творении самого себя. И тот, и другой остались гегелевскими мистиками. И только Кьеркегор сказал новое слово в науке, проложив дорогу гуманистической психологии К. Ясперса, Э. Фромма, К. Хорни, А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, А. Адлера, В. Франкла и др

«Если возможное перепрыгивает через необходимость и, таким образом, Я устремляется вперед и теряется в возможном, не укореняя взывающего в необходимости, налицо отчаяние возможного. Это Я становится тогда абстракцией в возможном, истощается там и бесплодно барахтается, не меняя, однако же, места, ибо истинное его место – это необходимость: становиться самим собою – это движение на месте. Становиться – само по себе уход куда-то, но становиться собою – это движение на месте. Сфера возможного непрерывно разрастается тогда в глазах моего Я, оно находит себе тут все больше возможного, ибо никакой реальности здесь не образуется. В конечном счете возможное обнимает собою все, но в то самое мгновение эта пропасть поглощает и Я. То, что здесь недостает, это реальность, как это хорошо выражено в обычном языке, где можно услышать, что кому-то недостает чувства реальности. И вовсе не из-за отсутствия силы, по крайней мере в обычном смысле слова, это Я по ошибке забредает в возможное. Недостает, прежде всего, силы повиноваться, подчиняться необходимости, заключенной в нашем Я, тому, что можно назвать нашими внутренними границами. Несчастье такого Я состоит не в том, что оно ничего не добилось в этом мире, но в том, что оно не осознало само себя, не заметило, что его собственное Я есть четкая определенность, а стало быть, необходимость».

«Вместо этого человек потерял сам себя, позволив своему Я вообразимо отражаться в возможном. Нельзя увидеть себя самого в зеркале, не узнав себя тотчас же, иначе это не значило бы увидеть себя, но просто увидеть кого-то. А ведь возможное – это поразительное зеркало, в котором можно стать другой личностью. Это то, что можно назвать кривым зеркалом. Возможное поистине содержит в себе все возможности, а следовательно, и все заблуждения. Как тот рыцарь, о котором твердят легенды, который внезапно увидел редкую птицу и упрямо последовал за нею, полагая вначале, что ее нетрудно поймать... Однако птица всегда ускользает к приходу ночи, а рыцарь,

оказавшись вдали от своих, не может уже в своем одиночестве отыскать дороги»

«Но растрчивает себя понапрасну только сознание, которое столь обольщено радостями и печалью жизни, что оно никогда не приходит как к решающему приобретению вечности, к сознанию того, что оно есть дух, Я, иначе говоря, никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога или же того, что само оно, это Я, существует ради этого Бога. Увы, сколько развлекаются или же развлекают толпы чем угодно, кроме того, что действительно важно! Сколько увлекают расточать свои силы на подмостках жизни и не вспоминая об этом блаженстве! Их гонят стадами... и обманывают всех скопом, вместо того чтобы рассеять эти толпы, отделить каждого индивида, чтобы он занялся наконец достижением высшей цели, единственной цели, ради которой стоит жить, которой можно питать всю вечную жизнь. При виде этого горя я мог бы плакать всю вечность! Но еще одним ужасным знаком этого недомогания, худшим из всех, для меня является скрытность. Не только желание и успешные усилия, чтобы скрыть эту болезнь от того, кто ею страдает, не только то, что эта болезнь может гнездиться в человеке и никто, равным счетом никто этого не заметит, – нет! Но прежде всего как раз то, что она может так прятаться в человеке, что он и сам об этом не подозревает!»

«Таково это Я, которым желает быть отчаявшийся, отторгая его от всякого отношения с силой, которая установила это Я, отрывая его от самой идеи существования такой силы. С помощью этой бесконечной формы такое Я отчаянно желает распорядиться собою или же, выступая собственным творцом, создать из своего Я то Я, которым оно желало бы стать, избрать нечто допустимое и недопустимое для себя внутри конкретного Я. Но с помощью бесконечной формы, то есть негативного Я, человек прежде всего вбивает себе в голову преобразовать это целое чтобы извлечь таким образом, Я по своему вкусу. Отказываясь принять на себя свое Я, увидеть свою задачу в этом Я, которое выпало ему на долю, он желает посредством бесконечной формы, которой он тщится быть, самому создать свое Я. Отчаяние, когда желают быть собою, – самое насыщенное и сгущенное из всех, – это отчаяние демоническое. И это Я – он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против нее. Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает. Впрочем, при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь – всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью».

«Прием из жизни взятый, не из книг!
Но многое теряет без возврата,
Кто овладел им. Цели ты достиг.
Ты наслаждался, но чрезмерна плата:
Старенье сердца, лучших сил утрата,
И страсть сыта, но юность сожжена,

Ты мелок стал, тебе ничто не свято,
Любовь тебе давно уж не нужна,
И, все мечты презрев, душа твоя больна».

«Не спорю я, они красноречивы;
Но чем творенье лучше, тем вредней:
Назон и сам Петрарка, без сомнений,
Ввели в соблазн десятки поколений»

Глава 6. Теория психической энергии З. Фрейда и К. Юнга

1) *Теория психической энергии В. Оствальда и З. Фрейда*

2) *Теория психической энергии К. Юнга и М. Элиаде*

1) Теория психической энергии В. Оствальда и З. Фрейда

Мы видели, что Вильгельм Оствальд поставил себе задачу, упразднить подобно Беркли понятие «материи», и заменить его понятием природных энергий. В этом он видел существо новой эпистемологии, и правильно предугадал, что только энергетика может снять проблему Юма.

Он считает, что «главный вопрос философии» о первичности материи или духа, также автоматически снимается энергетикой, поскольку и дух и материю можно понимать как энергию.

Ему тогда резонно возразили, что замена материи на энергию не снимает вопроса о соотношении духа и материи. Это действительно так, потому что энергетика не упраздняет духа и материи, она только точнее формулирует дуализм физического и метафизического. Это противостояние Энергии и Интеллекта, а не духа и материи. Так уточняет энергетику Оствальда метафизика интеллекта, без которой его нововведение действительно ложно. Интеллект – это метафизика, форма космоса в виде законов природных энергий, энергии – это физика, материя космоса в виде реального физического мира.

Что же касается Духовной энергии человека и всех прочих энергий космоса, то и тут сохраняется качественное различие, хотя духовная энергия также материальна и детерминирована законами природы как все другие. Тем не менее, она обладает активным интеллектом, мышлением, чего нет у прочих энергий, и потому имеет доступ к познанию других законов и контролю этих законов, что открывает ей относительную свободу и доступ к силе этих энергий. Поэтому мы назвали духовную энергию мышления – Контрольной энергией, а все прочие энергии природы – детерминированными энергиями (понятно, что контрольная энергия тоже детерминирована законами природы). Таким образом, дуализм духа и материи не перестал существовать, и мир не стал из дуалистичного монистичным. Дуализм просто сменил форму, и из противостояния двух непримиримых субстанций принял вид единства формы и содержания, энергии и интеллекта. Противостояние человека и физического мира перестало быть противостоянием души и тела (клетки для души), и не стало единством биологии, а получило форму качественного различия контрольной энергии и прочих детерминированных энергий с другой стороны.

Таким образом, мы видим, что Декарт, Лейбниц, Спиноза, – все были правы не только в понимании интеллекта как формы космоса, но каждый был по своему прав и в частности. Например, идею Лейбница о бесчисленных духовных монадах, составляющих основу космоса, можно понимать как совокупность систем законов природных энергий. Так что, природные энергии – это единицы космоса, причем духовные единицы, так как в основе их интеллект. Единое Спинозы – как единство интеллектуальной формы и физического содержания космоса. Что до дуализма Платона и Декарта, – так это основа основ метафизики интеллекта, умение увидеть в едином космосе соединение метафизики и физики. Если устранить слово «субстанция», то философии этих классических рационалистов не только ни в чем не противоречат друг другу, но дополняют друг друга.

Однако, Оствальд, как мы знаем, не был метафизиком. Поэтому его формулировка и понимание психической энергии потерпели крах. Он считает в соответствии со своей материалистической концепцией энергетике, что психическая энергия – это превращения биоло-

гической энергии: «Течению нервно-энергетического процесса может быть произвольно сообщено свойство сознания», пишет он в «Философии природы». И, конечно, его первая задача, объяснить, как действует закон сохранения силы в данном случае: «Всякое усиление тока энергии ощущается, как удовольствие, а всякое нарушение – как неудовольствие».

Понятно, что с такой теорией психической энергии далеко не уедешь. Так и слышишь слова Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Сказать ли, материальное движение или движущаяся материя..». Действительно, при такой интерпретации духовной энергии, она остается эпифеноменом мозга, как у марксистов или позитивистов, так что новизна тут фиктивная. Позже, Фрейд будет развивать теорию психической энергии с этих же позиций биологизма. И его теория останется бесконечно далекой от реальности в том, что касается понимания психики как энергетической системы. Но эмпирические находки Фрейда окажутся очень важными для формулирования и подтверждения гипотезы о силовом поле Эгосистемы.

Заслуга Оствальда, помимо самой постановки вопроса об энергетике, состоит также в том, что он сформулировал различие между живыми и неживыми энергиями. Для живых энергий, говорит Оствальд, закон сохранения силы принимает вид самосохранения, как мы видим на примере биологии. Следовательно, мы должны предположить, что закон сохранения силы психики также будет иметь форму самосохранения. Он оказался пронзительно прав. Поскольку психика имеет два вида энергии, где только одно Я – истинное, а другое только кривое зеркало чувственной информации, то истинное Я имеет закон сохранения силы в виде самосохранения, а ложное Эго не имеет формы самосохранения. То есть только одна, разумная энергия психики – живая, если пользоваться определением живых и неживых энергий Оствальда, а другая, основанная на автоматизмах чувственной информации – неживая энергия. Как мы докажем, что истинное Я имеет форму самосохранения, а эгозащита поля эгосистемы не имеет? Просто, поскольку Эго поля Эгосистемы – иллюзия кривого зеркала, то вся психическая активность имеет источником только «Я» поля интеллекта.

Так, гипотеза Оствальда о живых и неживых энергиях природы, подтверждает опытные находки гуманистических психологов, которые много пишут о «мертвенности» эгозащиты, противопоставляя живое сочувствие и совесть истинного Я – жестокость и равнодушие психопатов. О том же говорят данные психиатрии, об «уплощении эмоций», о духовной смерти, после которой остается «прах и пепелище» интеллектуального и эмоционального отупения.

В. Оствальд и Э. Мах в свое время цитировали Гельма и Майера о том, что все природные закономерности имеют форму силовых полей природных энергий, представленных как «разности интенсивностей». Они формулирует теорию энергии как цикличного гомеостаза равновесия-неравновесия, когда поток энергии провоцируется неравновесием, а равновесие его останавливает, так что нужен механизм, который бы поддерживал неравновесие и обеспечивал тем самым цикличное движение энергии от неравновесия к равновесию и обратно.

Фрейд, как известно, положил эту теорию цикличного гомеостаза в основание своей теории психической энергии, которую он понимал как либидо. Он считал вслед за Оствальдом, что психическая энергия – это преобразованная биологическая энергия. И если Оствальд говорил о нервных импульсах, то Фрейд – о сексуальных и др биологических инстинктах. Таким образом, классический пример гомеостаза – циклический гомеостаз биологической энергии, который обеспечивается постоянным возбуждением голода, пищевого и сексуального.

Однако, значимость Фрейда для истории открытия психической энергии вовсе не в этих банальных констатациях, и не в оствальдовском понимании психической энергии, как превращений биологической энергии. Фрейд сделал нечто значительно большее, когда обобщил факты исследования тысяч пациентов, и сформулировал свою теорию поля Эгосистемы в психике человека. Сам Фрейд не называл ее «полем». Однако, он подчеркивал, что две фигуры обнаруженные им в психике (Эго и СуперЭго) имеют характер системы, так как не существуют одна без другой. И при этом эти две фигуры противоположны по характеру, подобно тем раз-

ностям интенсивностей, о которых писали Гельм, Майер, Оствальд и Мах. Поэтому, мы вполне можем обозначить эти две фигуры, обнаруженные Фрейдом опытным путем как «поле Эгосистемы». Так, страх «сверхъестественных сил», который провоцирует поле Эгосистемы, показывая информацию противостояния количественной абстракции силы, крохотного Эго и всемогущего СуперЭго, обеспечивает психическое «неравновесие», которое запускает эгозащиту в виде ритуалов магии и колдовства аборигенов (первобытная магия), или подражания авторитетам современных обществ (социальная магия). Страх, который в основе этого неравновесия, объясняет жестокость и злорадство, то что принято называть «злом». Насилие и подчинение – основные формы эгозащиты, которая стремится уничтожить превосходящую силу СуперЭго или нейтрализовать ее, подчинившись ей. Но поскольку – это ложная информация о себе и о мире, которая служит только запуску эгозащиты как обычной детерминированной энергии природы, в которой нет никакого смысла для биологической или духовной жизни человека, то эгозащита никогда не достигает цели. Страх всегда остается, он может быть снят только с нейтрализацией самого поля эгосистемы. Но пока поле эгосистемы цело, страх гарантированно воспроизводит цикличное неравновесие и служит основой неостанавливающегося потока эгозащиты. Так, паразитический мертвый ток течет через живую психику разума и совести, провоцируя траты энергии на нелепую для человека (не для природной энергии) эгозащиту.

Таково объяснение поля Эгосистемы, которое наша дает теория психической энергии, которое, как мы видим, находится в полном соответствии с теорией цикличного гомеостаза всех детерминированных энергий природы, о которой писали Гельм, Оствальд, Майер, Мах.

Что касается Фрейда, то он не заметил сделанного им открытия поля Эгосистемы, он продолжает трактовать эти фигуры не как полюса силового поля, а как абстракции в самовосприятии животного. Однако, Фрейд подчеркивает, как характер системы этих двух фигур в психике, так что они не существует одна без другой, так и противостоящий характер этих фигур. Именно этот факт позволяет нам говорить о том, что те опытные данные, которые обнаружил Фрейд в процессе анализа психики своих пациентов, есть обнаружение силового поля Эгосистемы. Сам Фрейд не смог правильно обобщить полученных фактов и сделать выводы об обнаружении бессознательного силового поля психики, функционирующего автоматизмами и компульсией. В отличие от сознания, которое есть интеллектуальное силовое поле психики, управляемое сознательной волей человека. В итоге, его выводы очень примитивны, он сводит противостояние этих двух фигур то к «комплексу кастрации», то к «инстинкту смерти», то есть, как всегда, ищет биологической основы, и потому прозевал самое важное, что было в его работах. Открытие бессознательного силового поля психики, «кривого зеркала» Кьеркегора и мистического сознания дикарей Леви-Брюля. Вот как Фрейд сам пишет о противостоянии Эго и СуперЭго в психике человека:

Звучит нелепо, если мы не знаем, что речь идет о силовом поле психике, где Эго и СуперЭго – противостоящие полюса, запускающие циклический гомеостаз эгозащиты, что и составляет поток детерминированной энергии психики. Во всем, что касается механизмов этого силового поля, Фрейд проявил почти такую же гениальную проницательность, как с обнаружением полюсов этого силового поля. Он не смог толком сформулировать своего великого открытия и в других частностях тоже, потому что только видение системы в целом, видение силового поля позволили бы ему создать из разрозненных фактов стройную теорию.

Давайте бегло посмотрим на эти факты, которые он обнаружил в ходе экспериментального исследования пациентов:

– Страх, как мотивация запуска эгозащиты. Мистический характер страха, который он понимает как всемогущество нарциссизма. Мы помним, что Леви-Брюль, тоже говорит о страхе сверхъестественных сил как основной мотивации поведения дикарей, эгозащита которых состоит в магических (то есть бессмысленных) ритуалах.

– Загрузки СуперЭго, как проекции сознания, которые ставят ширму между человеком и действительностью. «Кривое зеркало» Кьеркегора, которое искажает реальный мир, действительно есть следствие восприятия мира через поле Эгосистемы, которое показывает мир в искажении чувственной информации о противостоянии двух сил: Эго и СуперЭго. Это объясняет и искажение реальности и страх «сверхъестественных» сил, который есть просто реакция закона сохранения силы на информацию поля Эгосистемы, где Эго (то есть тому, чью силу надо защищать), угрожает громадная сила всего остального мира.

– Фрейд говорит о двух противоположных эмоциональных «притяжениях», Влюбленности и Самолюбии. Термины «влюбленность» и «самолюбие» – его, а термин «притяжение» – мой, но мы увидим, что этот термин удачнее выражает его мысль. Поскольку речь именно об эмоциональных расстройствах, расстройствах воли, прежде всего, а вовсе не о любви в ее духовном смысле. Фрейд говорит об амбивалентности чувств, когда смешаны ненависть, страх, и нежность, о расстройствах воли, когда «критика молчит», о «сверхценности» объекта любви, и он опять прав, в том, что так обстоит дело с влюбленностью и самолюбием, но неправ, что такова настоящая основа человеческой нежности в дружбе духовного единения. (Здесь А. Маслоу противопоставляет теории любви Фрейда свои исследования самоактуалов, в том числе половой любви. Результаты его исследований полностью совпадают с выводами его любимого учителя Э. Фромма).

Это же подчеркивает и Э. Фромм в «Искусство любить» и «Величие и ограниченность Фрейда». Фромм, как раз, противопоставляет в этих книгах влюбленность и самолюбие, как два вида эгозащиты, образующие союзы садомазохизма, а вовсе не любовь, которую он трактует в духовном смысле «братства», как общей человеческой основы любви. Действительно, влюбленность и самолюбие – два вида эгозащиты:

– Верхняя эгозащита (самолюбие), когда человек считает, что его Эго сильнее СуперЭго, и старается «изнасилловать» внешний мир (отчаяние, когда хотят быть собой у Кьеркегора),

– Нижняя эгозащита (влюбленность), когда человек считает, что СуперЭго сильнее его Эго, и стремится сохранить свою силу подчинением большей силе, отказом от себя, раболепием (отчаяние, когда не хотят быть собой у Кьеркегора).

Эти притяжения составляют механизм циклического гомеостаза эгозащиты детерминированного поля психики: поодиночке они составляют дисбаланс, неравновесие, а вместе равновесие союзов господ и рабов, садомазохизма. Фромм называл их союзами симбиотической связи эксплуатирующей и подчиненной личностей. Он же подчеркивает временность и цикличность таких союзов, в которых люди носят маски и не имеют настоящих личностей, так что быстро надоедают друг другу и ищут новых объектов мистического поклонения. Отсюда видно, как наивны были утверждения Маркса, что в основе классов господ и рабов – экономические отношения, а не законы психики, в данном случае циклический гомеостаз силового поля Эгосистемы. Однако, сам Фрейд только формулирует противоположность самолюбия и влюбленности, но как правильно замечает Фромм в «Величие и ограниченность Фрейда», он не сознает, что речь идет о патологии, и говорит об этих притяжениях, как о настоящей любви.

В итоге, значение теории психической энергии Фрейда всецело в его опытных, экспериментальных находках, в обнаружении фактов реальности поля Эгосистемы. А также в самой постановке проблемы психической энергии, как научной проблемы. С Фрейда начинается серьезное отношение к психической энергии как объекту научного исследования, хоть Фрейд и смешивает психическую и биологическую энергию. Тем не менее, он переходит на язык энергетики, анализируя факты сознания.

Во всем остальном, влияние Фрейда было почти столь же дурно, как влияние Дарвина и Маркса на современную науку. Прежде всего, он постулирует подобно этим последним «звериную природу» человека, как основу человеческой энергии. Энергия Духа, интеллекта, совести редуцируется к «рационализациям» мартышек, желающих прикрыть этими фантазиями

о совести и правде свою бесстыдную животную похоть. Уровень духовной энергии также исчезает в нарисованном им образе человека, как и в теории происхождения человека Дарвина, и в экономическом человеке Маркса.

Более того, найденное им поле эгосистемы, он трактует не как поверхностное, болезненное образование, так что вся психотерапия должна сводиться к нейтрализации автоматизмов этого поля, к снятию эгозащиты другими словами, а как самую суть психики, фундаментальную психику человека, его истинное Я. То есть он понимает болезнь, как здоровую психику. Что хорошего могло получиться из такой теории? На этом и была сосредоточена критика его работ такими представителями гуманистической психологии, как А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни, А. Маслоу, К. Роджерс и др

2) Теория психической энергии у К. Юнга и М. Элиаде

Скандалная в свое время книга У. Робертсона Смита «Религия семитов» по сути содержала в себе ту же мысль, что и философия истории Карла Ясперса. Осевое время Ясперса – это доктрина, утверждающая, что осью мировой истории является «конец мифологической эпохи» и начало борьбы «логоса против мифа». Именно так он определяет осевое время в своей книге о смысле истории, и подчеркивает, что этические религии, которые появляются в это время в Индии, Израиле, Греции, Китае и Персии – это начало рационалистического способа мышления, которое он в этой связи противопоставляет мифам. Ту же мысль развивает и Робертсон Смит в «Религии семитов», когда говорит, что первобытные верования семитов ничем не отличаются от верований других дикарей, что в их основе также как везде в первобытных обществах – тотемизм, магия и колдовство «коллективных представлений». Термин, который он здесь впервые вводит в отношении первобытных обществ, и который разовьют в своих работах Дюркгейм и Леви-Брюль. Робертсон Смит говорит о том, что есть качественное различие между первобытным сознанием, в том числе и сознанием семитов, и этическими религиями пророков, которые мы имеем в священных писаниях осевого времени Ясперса, например, в Библии. Что сознание абориген абсолютно материалистично, что в их магических ритуалах и коллективных представлениях нет ничего от разума и духа, и что дух, истина и разум начинаются только с первыми пророками этических религий. Он связывает этот качественный скачок от первобытного сознания дикарей к духовной энергии разумного сознания с откровениями, полученными первыми пророками. Как бы то ни было, он фиксирует этот качественный разрыв между мистическим сознанием дикарей и разумным сознанием духовной энергии. О том же говорит и К. Ясперс в своей концепции осевого времени.

Л. Клейн пишет в «Истории антропологических учений», что книга Робертсона Смита «Религия семитов» имела для автора, который доказывал богодохновенность Библии, неожиданный, даже противоположный результат, поскольку его аргументами стали доказывать происхождение Библии из магического сознания аборигенов. Но мы видели, что Ясперс, например, сделал другие выводы, в полном соответствии с позицией самого автора, о том, что этические религии – это уже начало рационального мышления и пробуждения духовной энергии, чего не скажешь о магическом сознании дикарей. Дюркгейм не согласен с Ясперсом, он считает, что этические религии самых развитых цивилизаций и тотемические религии самых примитивных аборигенов абсолютно одинаковы, в них нет никакой борьбы между разумом и мистикой, а есть только потребность совместных ритуалов для соединения психической энергии людей. Так Дюркгейм понимает психическую энергию.

Леви-Брюль развил свою знаменитую концепцию двух качественно различных сознаний в пику Дюркгейму, почерпнув идею именно в «Религии семитов» Робертсона Смита. Он отказался признавать, подобно Ясперсу, какую-либо эволюцию в структуре каждого из этих сознаний: если есть какая то эволюция, то только в соотношении этих двух сознаний в психике человека. Как Ясперс говорит, что развитие идет только в сфере накопления знаний, но не в самой природе сознания человека, так и Леви-Брюль настаивал, что нет и не может быть ничего

общего между мистическим сознанием и логическим сознанием, что они не являются стадиями друг друга (как утверждал например Конт), и что они продолжают существовать одновременно в сознании современных цивилизованных людей в своем первоначальном виде. Мы уже видели, что о том же говорили в своих теориях психической энергии Платон и Спиноза, Кьеркегор и гуманистические психологи.

Карл Юнг и Мирча Элиаде – теоретики совершенно иного толка. Л. Клейн пишет, что в 60-е годы прошлого столетия они совместно выпускали журнал «Антей». Действительно, сходство их идеологии бросается в глаза. Нам они интересны постольку, поскольку Юнг сформулировал одну из самых известных на сегодня теорий психической энергии.

Мирча Элиаде, известный историк религии американских и европейских университетов, дает прямо противоположную Ясперсу и Робертсону Смиту концепцию религии. Он говорит о том, что именно первобытное сознание дикарей с его мистикой и коллективными магическими ритуалами близко к истокам истинной духовности, истинной божественности, истинной природы человека. Что «язычество» в этом отношении много «духовнее» христианства. Он противопоставляет цикличное время аборигенов линейному времени научных цивилизаций, он противопоставляет прогрессистским теориям запада теорию инволюции, о золотом веке первобытных обществ. Элиаде говорит, что рациональные цивилизации – это обычная мирская жизнь, которая есть потеря связи с истоками. Тогда как магические ритуалы аборигенов – это сакральная жизнь, которая восстанавливает резервы духовной энергии человека, его истинной сущности. Поэтому время циклично – оно движется от ритуалов к ритуалам, а како-то там научное развитие не имеет никакого значения. Его теория – полная противоположность теориям Робертсона Смита и Ясперса: у него начало рациональной эпохи стало началом деградации духовности человека, поскольку человек лишился своих мистических корней, своей связи с подлинной магией, которая составляла его природу. Поэтому те первобытные общества, в которых эта магия еще сильна, много ближе к своей истинной природе и к духовной энергии, чем люди рациональных цивилизаций. Счастливая жизнь в циклическом времени, приходит он к выводу, ибо люди живут от одних магических ритуалов, в которых они оживают свои мифы, до других магических ритуалов, возвращаясь к истокам в эти священные моменты «иерофаний» (то есть воплощения сакрального в жизнь человека).

Л. Клейн пишет, что Мирча Элиаде создал новую для западной науки концепцию «человека религиозного», которого он противопоставил «человеку разумному». Это не совсем так, если верить Робертсону Смит и Ясперсу, которые утверждают, что магическое сознание дикарей не есть духовная энергия, и что этические религии уже ближе к духовной энергии именно в силу своего противостояния мистике, и именно потому, что это революционный поворот к рациональному мышлению. Это находит подтверждение во всех последовавших протестантских революциях, которые имели целью еще больше очистить этические религии от мистики (магии) и приблизить их к рациональному и осмысленному служению добру и истине. Л. Клейн пишет, что некоторые говорят, что Элиаде разделил сакральное и профанное, но на самом деле, его роль в том, что он их смешал. Это абсолютно верно. Он смешивает мистическое сознание дикарей с разумным сознанием научных цивилизаций в хаотичное варево.

Как бы там ни было, теория психической энергии К. Юнга во всех основных аспектах воспроизводит теорию иерофаний Мирчи Элиаде. Юнг был какое-то время адептом Фрейда, но позже порвал с ним из-за своей концепции «коллективного бессознательного», которая играет в его аналитической психологии такую же роль, как иерофании у Элиаде.

Юнг предполагает, что коллективное бессознательное – «это „древо“, о котором говорит Павел»:

Этот «мир идей Платона наоборот», в котором собираются все магические несуразности сознания абориген, вся нелепость мифологической эпохи под вывеской человеческой мудрости всех времен и народов, и является тем главным источником «психической энергии»,

«духовности», которая составляет центральную тему аналитической психологии Юнга: «Коллективное бессознательное содержит в себе все духовное наследие эволюции человечества, возрождаемое в структуре мозга каждого индивидуума. Сознательный ум – это эфемерный феномен, который выполняет все провизорные адаптации и ориентации, и по этой причине его функцию лучше всего сравнить с ориентировкой в пространстве. Напротив, бессознательное служит источником инстинктивных сил души, а также форм или категорий их регулирующих, т.е. архетипов. Все самые яркие и мощные идеи восходят исторически к архетипам. Это особенно верно в отношении религиозных представлений, хотя центральные понятия науки, философии и этики также не составляют исключения из этого правила. В своем нынешнем виде они представляют собой варианты архетипических представлений, созданные посредством их сознательного применения и приспособления к действительности. Ибо функция сознания заключается не только в осознании и усвоении внешнего мира через врата наших чувств, но и в переводе мира внутри нас в зримую реальность»

Итак, подобно Элиаде, он смешивает «сакральное» мистического сознания абориген с научным мышлением «мирского» сознания рациональных людей, и называет это коллективным бессознательным, из которого все человечество черпает свою мудрость. Более того, он подчеркивает, что сознание и бессознательное не противостоят друг другу, как это говорил, например, Леви-Брюль или Кьеркегор, а дополняют друг друга, компенсируют друг друга. Что функция сознания как раз состоит в том, чтобы добыть себе энергию из этого источника всеобщей духовной энергии человечества. Он называет этот процесс индивидуацией. «Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное Я, содержат в себе все те элементы, которые потребны для саморегулирования целокупной психики», – пишет Юнг.

Он отказывается понимать появление бреда как симптом психического расстройства. Он говорит, что мифы составляют бессознательное любого человека, и потому любой человек в существе своем иррационален. Не бред есть симптом болезни, а потеря сознанием контроля над этим мифологическим содержанием бессознательного.

Этот отрывок прекрасно демонстрирует, какой хаос и какое неудобоваримое варево представляет собой теория, которая смешивает воедино сознание и бессознательное, иррациональное и рациональное, мистику и богов, духовную энергию и маниакальную одержимость. Он пишет о том, что архетипы его коллективного бессознательного – это боги, которые оживают в сознании людей, подобно иерофаням Элиаде. Что эти боги могут захватывать энергию сознания людей и подчинять их своей власти. С одной стороны, это великое благо, так как источник духовной энергии и всякого творчества человечества. С другой стороны, это источник потери себя и распада психики в шизофрении.

Отсюда мы делаем выводы, что у Юнга нет никакой теории психической энергии. Есть только похвальная попытка ее создать, и есть, как у Фрейда, богатый опытный материал, факты, которые он собирал в течении долгой психотерапевтической практики. И опять же подобно Фрейду, если ему не удалось, сформулировать теорию психической энергии, эта коллекция экспериментального материала почти также ценна для становления энергетической психологии, как и фактический материал, собранный Фрейдом.

Рассмотрим некоторые аспекты его экспериментального опыта, абстрагируясь от его теоретических выводов.

В его описании психической реальности, с которой он имеет дело, четко вырисовывается два поля психики, которые он называет сознанием и бессознательным. Определений им дать он не сумел, как мы видели, а теоретически смешал в «единую самость», где одно компенсирует другое. Но опыт, который он излагает в своих книгах свидетельствует о противоположном: о противостоянии этих двух полей, и о том, что бессознательное разрушает сознание, и лишает его энергии. Он также подчеркивает, что активность бессознательного – это автоматизмы и компульсия, тогда как активность сознания – это разумная воля. Он также говорит

о том, что энергия архетипов бессознательного увлекает сознание и наделяет его собственными проекциями, так что человек теряет связь с окружающим миром. И здесь он не делает вывод о «кривом зеркале» бессознательного, которое искажает реальность, подобно Кьеркегору. Он не говорит вслед за ним, что «человеку не хватает чувства реальности». Он говорит, что настоящая реальность это и есть эти архетипы бессознательного, просто человеку надо узнать о том, где граница между Я и не-Я архетипов. И поскольку, кони и люди смешались и невозможно отличить поле интеллекта от поля бессознательного, патологию расстройства от здоровья интеллекта, мистику от рациональности, то и провести эту границу, признается Юнг почти невозможно.

1. Но для нас важно, что он заметил «кривое зеркало» проекций на практике, как бы он его не трактовал

2. Компульсивный характер энергии бессознательного поля. Антагонизм между энергией бессознательного и сознательного полей, когда поле эгосистемы пожирает энергию разумной воли поля интеллекта. Победа автоматизмов бессознательного поля ведет к распаду психики

В этом положительный вклад Юнга в теорию энергетической психологии. Он собрал значимый экспериментальный материал о противодействии двух силовых полей в психике, о компульсии бессознательного поля и разумной воле сознательного поля, о психозе, к которому ведет победа бессознательного поля над сознательным.

Его негативное влияние состоит в том, что он попытался представить мистику бессознательного, существо которой в том, что это искаженная чувственная информация о мире, как кладезь всемирной мудрости человечества, обобщив интеллектуальный и эмоциональный опыт первобытных и научных, рациональных обществ в единое «коллективное бессознательное». Он говорит не о «кривом зеркале», а о «чарующем влиянии архетипов, которые захватывают сознание» мощью своей энергии, не о добре сознания против зла бессознательной мистики, а о смешении добра и зла в архетипах, которые у него есть космический источник божественной энергии.

Вот это смешение сознательного с бессознательным в теории, границу между которыми он так четко заметил на практике, и придало его теории характер «бессильного гермафродитизма». Он считает сознание частью бессознательного, а их отношения видит взаимодополняющими, хотя практика говорит ему прямо противоположное. Здесь нет ни четкого понимания сознания и бессознательного, ни их противостояния, ни различия между мистикой и разумом, между добром и злом. Терапию он трактует как соединение сознательного и бессознательного, то есть как синтез двух силовых полей психики, антагонизм которых составляет фундаментальную проблему психики. И главное, это теория иерофаний Мирчи Элиаде, которая пытается представить мистику первобытного мышления источником духовной энергии, подобно тому, как Фрейд понимал это поле эгосистемы как истинное Я разумной, фундаментальной энергии человека.

Тем не менее, архетипы Юнга стали не менее популярны, чем либидо Фрейда, и подобно тому, как последнее оправдывало патологию психики «звериной природой» человека, так архетипы Юнга служат оправданием нелепого поведения, которое характеризуют, как романтику бессознательных иерофаний, воплощения мифических образов всемирной мудрости.

«И считать свою задачу выполненной, если мне удастся указать, что духовные явления можно подчинить тем же общим понятиям, которыми мы

пользовались при изображении физического мира... Громадным выигрышем, если старое затруднение: как соединить понятия материя и дух – будет просто и естественно устранено подведением обоих этих понятий под понятие энергии».

В. Оствальд Философия природы

«Чтобы какой-нибудь процесс имел место, надо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующих энергий. Общим выражением этого закона мы обязаны Гельму. Два тела различной температуры, два газа различного давления, два электрических проводника различного напряжения не приходят при благоприятных условиях, моментально в состояние равновесия, но они требуют на это большее или меньшее время....Выравнивание электрических разностей напряжения совершается точь-в-точь по тем же законам, как и выравнивание температур. То же относится и к выравниванию химических разностей и многих других; все требует времени, и все протекает тем медленнее, чем дальше продвинулся процесс выравнивания. Вследствие этого мир наполнен образованиями, которые с точки зрения учения о равновесии, не имеют права на существование и поэтому существуют только временно. Всякая река и всякий ручей существуют только потому, что стекающая река не падает моментально в море, а на это требуется время и они могут существовать только при условии, что в каждую минуту в них втекает из источников столько же воды, сколько ее вытекает».

В. «Философия природы» Оствальд

«Для того чтобы в физическом мире, что-нибудь произошло, для того чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть, как это доказывал уже Р. Майер, какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и тп. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-либо разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знаящем таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравниванию. Без нее не было бы и жизни».

Э. Мах Познание и заблуждение

«Можно, однако, сказать, что скрывается за страхом „Эго“ перед „Супер-Эго“, перед страхом совести. Высшее существо, ставшее „Идеалом Эго“, когда-то угрожало кастрацией, и эта кастрация, вероятно, является тем ядром, вокруг которого откладывается страх совести; кастрация именно то, что продолжает себя как страх совести».

«Хотя и доступное всем дальнейшим влияниям, оно на всю жизнь сохраняет характер, полученный им вследствие своего происхождения от Эдипова комплекса, а именно – способность противопоставлять себя «Эго» и преодолевать его. Оно – памятник былой слабости и зависимости «Эго» и продолжает свое господство и над зрелым «Эго». Как ребенок

был принужден слушаться своих родителей, так и «Эго» подчиняется, категорическому императиву своего «Супер-Эго».

«Вопрос, ответ на который мы отложили, гласит: как это происходит, что „Супер-Эго“, в основном, проявляет себя как чувство вины (лучше – как критика: чувство вины есть соответствующее этой критике восприятие в „Эго“) и при этом развивает по отношению к „Эго“ такую исключительную жестокость и строгость? Если мы обратимся сначала к меланхолии, то найдем, что могучее „Супер-Эго“, захватившее сознание, неистовствует против „Эго“ с такой беспощадной яростью, как будто бы присвоив себе весь имеющийся в индивиде садизм. Согласно нашему пониманию садизма, мы сказали бы, что в „Супер-Эго“ отложился разрушительный компонент, обратившись против „Эго“. То, что теперь господствует в „Супер-Эго“, является как бы чистой культурой инстинкта смерти, и действительно ему довольно часто удается довести „Эго“ до смерти, если только оно до того не защитится от своего тирана обращением в манию»

«Есть нечто в нашей душе от высшей власти – и если это не осознанный бог, тогда все же по крайней мере это – „чрево“, как говорит Павел. Поэтому я считаю более мудрым осознанно признавать идею бога».

«Коллективное бессознательное» у Юнга – это вместилище сакрального, это «мир идей» Платона наоборот, поскольку Платон говорил об идеях интеллекта, в Юнг вслед за Элиаде говорит об идеях мистики, о мифах, которые он называет «архетипами». Его «архетипы» больше чем просто мифы; они и мысль, и чувства, и опыт всего человечества, и даже опыт всего животного мира. Вот где действительно, «смешались кони, люди». Опять же подобно Элиаде, он безжалостно смешивает рациональное и мистическое в одну неразличимую кучу, из которой уже невозможно достать что-либо вразумительное и резонное. Поэтому он вынужден честно заявить, что «Сущность сознания – это загадка, решения которой я не знаю», и что «при таком положении вещей бессознательное представляется нам большим иксом, где единственно несомненным является то, что из него исходят значительные воздействия». Он определяет сознание через метафору со светом прожектора, а бессознательное соответственно через метафору с тьмой: «Поэтому мы любим сравнивать сознание со светом прожектора. Только те предметы, на которые падает конус света, попадают в поле моего восприятия. Однако предмет, который случайно оказывается в темноте, не перестает существовать, он просто становится невидимым».

«Дело в том, что человек не должен идентифицировать себя с самим разумом, ибо человек не только разумен и никогда не будет иным. На это следует обратить внимание всем школьным воспитателям от культуры. Иррациональное не должно и не может быть искоренено. Боги не могут и не должны умереть. Я выше сказал, что в человеческой душе, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное некоторой высшей власти, и если это не идея бога, то тогда это – чрево, говоря вслед за Павлом. Этим я хотел выразить тот факт, что всегда какой-либо инстинкт или комплекс представлений концентрирует на себе максимальную сумму психической

энергии, посредством чего он принуждает „Я“ служить ему. Обычно „Я“ настолько притягивается этим энергетическим фокусом, что идентифицирует себя с ним и ему кажется, будто оно вообще ничего другого не желает и ни в чем другом не нуждается. Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая тяжелейшим образом нарушить психическое равновесие. Без сомнения, в способности к такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности. Страсть, т. е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли неким „богом“, и наше словоупотребление все еще поступает так же. Разве мы не говорим: „Он делает бога из того или из этого“? Человек полагает, что он еще совершает волевые акты и выбирает и не замечает, что он уже одержим, что его интерес уже стал его господином, присвоившим себе власть. Такие интересы становятся своего рода богами, которые, если они признаны многими, постепенно образуют „церковь“ и собирают вокруг себя общину верующих. Тогда это называется „организацией“. Последняя преследуется дезорганизующей реакцией, стремящейся вышибить клин клином. Энантиодромия, угрожающая всегда, когда движение достигло несомненной власти, не представляет собой, однако, решения проблемы, а столь же слепа в своей дезорганизации, как и в своей организации. От жестокого закона энантиодромии ускользает лишь тот, кто умеет отличать себя от бессознательного, не посредством, скажем, того, что он его вытесняет – ибо тогда оно просто овладевает им исподволь, – а посредством того, что он делает его видимым и ставит его перед собой как нечто отличающееся от него. Тем самым уже подготовлено разрешение той проблемы Сциллы и Харибды, которую я описал выше. Пациент должен научиться различать, что есть „Я“ и что есть „не-Я“, т. е. коллективная психика».

«Как известно не сознательный субъект, а именно бессознательное совершает это проецирование. Следовательно, он только сталкивается с проекциями, а не создает их. Результат проекции – изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недостижимой. Возникающее в результате чувство неполноценности, и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется – благодаря проекции – недоброжелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее это видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. . . . Часто печально наблюдать, как вопиюще человек портит свою жизнь и жизни других людей, и вместе с тем остается совершенно неспособным понять, что вся эта трагедия порождается в нем самом и что он беспрестанно подпитывает ее и не дает ей прекратиться. Не сознательно конечно, ибо сознательно он оплакивает и проклиная вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него. Скорее это бессознательный фактор прячет иллюзии, скрывающие

его мир. А то что прядется становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его».

«Но точно также как наша свобода воли сталкивается с необходимостью внешнего мира, так и за пределами поля сознания, в субъективном внутреннем мире, где воля вступает в конфликт с фактами самости, она тоже обнаруживает границы своих возможностей. И совсем как обстоятельства или внешние события „случаются“ с нами и ограничивают нашу свободу, так и самость действует на эго подобно объективным происшествиям, на которые свобода воли может повлиять лишь в очень незначительной степени. Действительно хорошо известно что эго не только не может ничего поделаться с самостью, но иногда фактически ассимилируется бессознательными компонентами личности, возымевшими власть в ходе развития, и существенно изменяется ими... Крах сознательной установки – дело серьезное. Он всегда переживается как конец света, как если бы весь мир вернулся назад к первозданному хаосу. Человек чувствует себя покинутым, сбившимся с курса и потерявшим управление кораблем, отданным во власть стихий. Так, по крайней мере, ему кажется. В действительности же, он в нужде обратился к коллективному бессознательному, которое отныне берет руководство на себя. Прорывающиеся из коллективной души силы производят сбивающее с толку и ослепляющее действие. Распад Персоны однозначно вызывает высвобождение произвольной фантазии, которая видимо, есть не что иное, как специфическая активность коллективной души. Эта активность извергает такие содержания, о существовании которых человек прежде никогда не догадывался. Но вместе с усилением влияния коллективное бессознательное ослабевает руководящая власть сознательного ума. Он незаметно становится ведомым, в то время как бессознательный и безличный процесс берет руководство на себя. И тогда сознательная личность, не замечая этого, передвигается подобно фигуре на шахматной доске под рукой невидимого игрока. И именно этот игрок определяет партию судьбы, а не сознательный ум со своими планами. Высвобожденная в результате этого распада энергия теряется сознанием и переходит в бессознательное. Фактически, первые признаки бессознательной активности появляются как раз в такие моменты. Очевидно, та энергия, что уходила из сознания, активировала бессознательное. Если бессознательное просто деспотически командует Сознательным Умом, то развивается психотическое состояние»

«Откуда берется этот ужасный конфликт между добром и злом?», так и бессознательное может на него ответить: «Приглядиись внимательней: каждое из них нуждается в другом; даже в самом лучшем, и именно в самом лучшем, есть зерно зла, и нет ничего столь скверного, из чего не могло бы вырасти доброе». ...Главная опасность заключается в искушении поддаться чарующему влиянию архетипов. Так чаще всего и происходит, когда архетипические образы воздействуют помимо сознания, без сознания. При наличии психологических предрасположений, архетипические фигуры, вообще освобождаются от контроля сознания. Они приобретают полную самостоятельность, производя тем самым феномен одержимости. Так как архетипы, подобно всем нуминозным явлениям, относительно автономны, их чисто рациональная интеграция невозможна. ...Патологический момент заключается не в наличии таких представлений, а в диссоциации сознания,

которое уже не способно господствовать над бессознательным. Во всех случаях раскола встает необходимость интеграции бессознательного в сознание. Речь идет о синтетическом процессе, называемом мною «процесс индивидуации».

Глава 7. Теория психической энергии у Э. Дюркгейма

1) *Энергетика Дюркгейма*

2) *Гуманистическая психология против антропологии Дюркгейма*

3) *Влияние и критика идей Дюркгейма*

1) Энергетика Дюркгейма

Эмиль Дюркгейм выступил с резкой критикой анимистов и натуралистов, антропологов Тайлора, Фрейзера, Мюллера, которых он критиковал за то, что последние неправомерно обвинили первобытных людей в иррациональности, в бредовом отражении мира, которое превращается в нелепую фантазмагорию, выражая своего рода безумие аборигенов.

Все не так, заявил Дюркгейм. На самом деле, дикари также реалистичны, и также адекватны в отношении внешнего мира, как и цивилизованные люди. Ведь у цивилизованных людей тоже есть религии, и они также важны для них, как мистические представления для аборигенов. Религии цивилизованных людей, говорит он, ничем не отличаются от самой примитивной мистики аборигенов.

И те и другие имеют один общий источник происхождения и одно общее назначение. Религия, говорит Дюркгейм, как этические религии наших обществ, так и магические ритуалы первобытных обществ, – это ни больше, ни меньше, как психическая энергия общества, которая питает каждого члена этих обществ, и является источником всех общественных институтов. Так, он пишет в «Тотемической системе в Австралии» («Элементарные формы религиозной жизни»): «С точки зрения физики человек – не более чем система клеток, а с точки зрения психологии он – не более чем система представлений; в обоих случаях он отличается от животного только по степени. Однако общество понимает и обязывает нас понимать человека как существо, наделенное характером особого рода, который изолирует его и ограждает от всех дерзких посягательств, словом, заставляет его уважать. Это достоинство, которое делает человека уникальным».

Эта уникальность человеческой природы, как мы можем видеть, никак не связана у Дюркгейма с природой индивида; она есть порождение всецело коллектива, коллективных представлений. Дюркгейм развивает теорию о том, что коллективные представления, а также совместные ритуалы, возбуждающие эмоции людей до крайнего предела, есть высвобождение психической энергии общества, которая с этого момента начинает жить своей жизнью. Почувствуйте вкус его собственной мистики. Получается, что совместное эмоциональное возбуждение высвобождает некоего монстра, некоего Франклинштейна, который с этого момента больше не подчиняется контролю отдельных индивидов, но превращается во внешнюю для этих людей силу, которую они почитают, и которой вынуждены повиноваться. Этот феномен мистической социальной силы, высвобождающейся из индивидов и устанавливающей над ними свою власть, он и называет психической энергии. Так, он пишет в «Тотемической системе в Австралии»: «Но коллективное сознание является чем-то иным, нежели просто эпифеноменом его морфологической основы – точно так же, как индивидуальное сознание является чем-то иным, чем просто продуктом нервной системы. Для его возникновения нужно, чтобы произошел особого рода синтез индивидуальных сознаний. Итак, этот синтез имеет своим следствием высвобождение целого мира чувств, идей и образов, которые, однажды родившись, подчиняются своим собственным законам. Они притягиваются друг к другу, отталкиваются друг от друга, объединяются, сегментируются и размножаются, но ни одно из этих сочетаний не предписывается и не обуславливается непосредственным образом состоянием базисной реальности. Возникающая в результате этого жизнь пользуется такой независимостью, что иногда позволяет себе игру бесцельных или бесполезных форм – ради чистого удовольствия самоутверждения. Как

мы показали, именно это часто происходит в случае ритуальной активности и мифологического мышления»

Подобно тому, как Мирча Элиаде видит в постоянно возобновляемых аборигенами магических ритуалах – обращение к источнику сакральной энергии, к связи с божественным, которое восстанавливает силы людей и возвращает их к подлинному существованию, так и Дюркгейм замечает, что только периодическое обращение к этим совместным ритуалам может напитывать людей психической энергией, и быть таким образом, источником их силы. В этом он полностью согласен с цикличным временем Элиаде, который представляет жизненный процесс как циклы между священными ритуалами и мирской жизнью, когда человек старается соответствовать мифам своих ритуалов. Разница только в том, что Элиаде говорит о реальных богах потустороннего мира, а Дюркгейм о психической энергии, которая высвобождается самими людьми в процесс возбуждающих ритуалов. И у того, и у другого, жизнь есть чередование сакрального (священного) и профанного (мирского) времен.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы Австралии»:

Полученная таким образом психическая энергия, получает у Дюркгейма автономное от отдельных индивидов существование, «объективируется», и «возносится над ними самими». Дюркгейм говорит о том, что поскольку эта психическая энергия имеет бессознательное происхождение, так что индивиды не понимают истинной причины, по которым им нравится собираться вместе и предаваться совместно песням и пляскам, то они разрабатывают систему символов, которые объясняют и оправдывают эти коллективные эмоциональные экстазы. Это и есть мифологические системы, которые они стараются воплотить в жизнь в своих магических ритуалах. Таким образом, сила, которую люди получают в обществе, – это и есть психическая энергия, питающая их жизнь, и это и есть религиозная сила, их бог, к которому они стремятся в своих мифах и в своей магии.

Так что если бы они однажды узнали, что их истинная цель – это сила общества, то мифология перестала бы существовать; осталось бы голое почитание общества, того бога-государства, в который у Гегеля в конечном итоге воплощается его «абсолют».

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

Дюркгейм, таким образом, подчеркивает, что психическая энергия общества – это то «почтение», которое человек испытывает ко всем общественным институтам, тот авторитет, которому не смеет прекословить конформный человек. Если, например, Стенли Милграм пишет в «Подчинении авторитету», что такой конформизм противоположен совести и разуму человека, и Эрих Фромм стоит на той же позиции в «Человек для себя», то у Эмиля Дюркгейма получается наоборот, что подчинение авторитету вопреки собственной воле и разуму есть основа человеческого, поскольку это основа психической энергии в его теории.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

Таким образом, он считает доказанным, что его оппоненты, которые утверждают в своих трудах, что сознание первобытных людей иррационально и оторвано от реальности, ошибаются; и что на самом деле, что мифологическое сознание дикарей столь же реалистично как у цивилизованных людей, потому что их мифы служат самой насущной цели: поискам психической энергии. Он говорит о том, что в если принимать их точку зрения о бредовом сознании дикарей, то непонятно, откуда могла взяться такая далекая от реальности система верований, и с другой стороны, как она могла продержаться тысячи лет, ведь практика каждый день подтверждала, что они ошибаются. Он считает, что это возражение неопровержимо доказывает его правоту, так как его объяснение снимает все эти вопросы. Люди сами себе выбрали и выбирают мистические ритуалы не потому, что они глупые, а потому, что это служит самой насущной цели их жизни.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

Получается, что цивилизованные люди, которые уже вроде бы должны сознавать (хотя бы с помощью просветления Дюркгейма), что в основе религий, то символическое поклонение истинному богу-обществу, покончат с мифологической символикой, и станут открыто поклоняться обществу. Причем в интерпретации Дюркгейма совершенно непонятно, что такое общество, откуда оно берет свою моральную силу и власть, почему на одних эта сила действует, а другие подобно Сократу и Бруно, предпочитают идти на смерть, чем подчиниться. Более того, он прямо пишет, что это некие «безликие, коллективные силы», которые получили собственное существование: «Возникающая в результате этого жизнь пользуется такой независимостью, что иногда позволяет себе игру бесцельных или бесполезных форм – ради чистого удовольствия самоутверждения. Как мы показали, именно это часто происходит в случае ритуальной активности и мифологического мышления». Таким образом, он предлагает слепое подчинение стихийным силам, которые есть не больше, чем «игра бесцельных и бесполезных форм».

2) Гуманистическая психология против антропологии

Дюркгейма

Теория психической энергии Дюркгейма неудовлетворительна во всех смыслах, как мы могли убедиться. Тем не менее, сам факт, что Дюркгейм изучает человека не в свете дарвиновской этологии, как разновидность поведения животных, а постулирует особую человеческую реальность в виде психической энергии уже большой прогресс. Дюркгейм был позитивистом, и ставил своей задачей реализовать честолюбивую мечту Конта о создании «социальной физики». И хотя он недалеко продвинулся в этом направлении, его антропология содержит ряд важных идей, таких, например, как первичность «абстрактных, безличных сил» в мистических верованиях аборигенов.

Попробуем показать, какое решение получают поднимаемые им вопросы с точки зрения гуманистической психологии и нашей теории психической энергии.

1. Сакральное и профанное.

Дюркгейм ставит себе задачу найти источник, причину этого странного фактора первобытного сознания, которое особенно подчеркивает Леви-Брюль в своих работах: двойственность восприятия мира дикарями, которое все делят на священное и обычное. Дюркгейм находит решение в том, что общество, будучи неосознаваемым божеством, окрашивает мир в сакральные тона.

Однако, мы видели, что Леви-Брюль, Кьеркегор и гуманистическая психология дают гораздо более убедительный ответ на этот вопрос. То самое поле Эгосистемы, которое Кьеркегор называет «кривым зеркалом», «потерей чувства реальности», гуманисты «ложным Я», а Леви-Брюль «мистическим, пралогическим сознанием», искажающим действительность.

Так что «сакральным» предстает то, что человек воспринимает через поле Эгосистемы, поскольку оно отражает фантастическую картину противостояния двух сил: крохотного Эго и всеислия СуперЭго. А обычное восприятие – это нормальное восприятие через поле интеллекта.

2. Бредовое сознание аборигенов

Мы видели, что Дюркгейм не мог принять факта, о котором говорит весь антропологический материал: что сознание дикарей оторвано от реальности, и в этом смысле действительно представляет собой настоящий бред. Дюркгейм не видит объяснения этого факта, так как тогда, говорит он, опыт бы быстро научил их тому, что они ошибаются. Леви-Брюль рассказывает в своей книге «Первобытное сознание», что сознание дикарей не только лишено логики, но и совершенно не чувствительно к опыту, так что сколько бы раз опыт не доказывал им, что амулеты и талисманы не защищают и не помогают, они остаются глухи к этой очевидности. Мы помним, как удачно описывает К. Юнг «проекции бессознательного», как кокон, который разрушает восприятие реальности, становясь между человеком и реальным миром.

3. Безличные, абстрактные силы.

Важной находкой Дюркгейма является тот факт, что не животные и конкретные вещи являются объектами поклонения в магических ритуалах, а «безличные, неопределенные силы», некая количественная абстракция силы космоса.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

Действительно, именно такую картину показывает физический контроль сохранения силы психики на поле Эгосистемы: количественную абстракцию силы, как противостояние силы Я и силы всего прочего мира. И именно эта бредовая информация запускает болевую мотивацию поля эгосистемы в виде «страха сверхъестественных сил», о котором писал Леви-Брюль, и о котором пишет, например К. Хорни или А. Адлер, когда пишут о парализующем страхе невротиков перед любыми жизненными задачами, особенно социальными.

4. Обоожествление социальных авторитетов

Дюркгейм считает доказательством рационального и логического сознания аборигенов тот факт, что цивилизованные люди также обоожествляют свою социальную среду, как дикари делают это со своей природной средой. Подобно тому как последние поклоняются тотемам животных и растений, современные люди поклоняются социальным авторитетам.

Это действительно так и есть, только доказывает прямо противоположное, как учили еще Платон и Спиноза, а позже доказывал Леви-Брюль. Последний говорил, что мистическое и логическое сознание не переходят одно в другое и всегда антагонистичны друг другу, и потому сохраняются даже в психике современного человека. Следовательно, тот факт, что люди обоожествляют свою социальную среду, говорит только о том, что подобно аборигенам, они до сих пор имеют два рода восприятия: сакральное и обычное (профанное, мирское). Развитые люди видят общество через свои интеллектуальные системы и обычное восприятие, большинство же продолжают видеть мир через очки поля Эгосистемы, и следовательно как сакральный мир сверхъестественных сил. Об этом много писал Э. Фромм, З. Фрейд, Б. Рассел и др. С. Милграм приходит к тем же выводам в своей книге «Подчинение авторитету»

Дюркгейм же хотел доказать этим фактом, что современный человек также нуждается в мистических богах, как первобытный, и потому постоянно воспроизводит их себе. Он отказывается видеть эту систему патологии в психике.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

5. Подчинение авторитету

Э. Фромм в книге «Человек для себя» проводит жесткую демаркационную черту между «авторитарной совестью» и «гуманистической совестью», доказывая, что у здорового человека авторитарная совесть нейтрализована, и активна только гуманистическая совесть, а у больного – наоборот. Авторитарной совестью он называет подчинение из страха перед авторитетом, или из тщеславия, так что в обоих случаях человек не способен дать нравственную, разумную оценку происходящему и взять на себя ответственность за принятие взвешенного решения. Он просто боится, или жаждет одобрения авторитета. Это позиция нездорового человека, душа которого в определенном смысле мертва, а поведение безнравственно. Действительно эксперименты С. Милграма показали, что это именно тот механизм «банального зла», который позволял уничтожать людей конвейером во время второй мировой войны. Просто потому, что люди отказываются думать и слушать свою совесть, и передают ответственность тем, кто отдает приказы. Их задача – выполнить приказ и понравится начальству, а не дать интеллектуальную и нравственную оценку действию, которое ему приказывают произвести.

Дюркгейм отмечает эти принципиальные отличия между авторитарной и гуманистической совестью, и пишет, подобно Максус Веберу, что подчинение авторитету хорошо именно потому, что человек слушается приказов и отказывается от своей воли. То есть, он считает источником силы и здоровья как раз ту авторитарную совесть против которой выступили Фромм и Милграмм, а также другие гуманистические психологи.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

6. Компульсия поля Эгосистемы

Институты коллективных представлений, которые в первобытном обществе насквозь мистичны и пропитаны мифологическим сознанием, представляют собой компульсивную мотивацию страха, как вся мотивация поля Эгосистемы. Об этой компульсии К. Хорни пишет как о «тирании Надо», когда говорит о невротиках, «не я иду, а меня несет», чтобы подчеркнуть расстройство воли, и доминирование автоматизмов в психике. К. Юнг использует другую метафору: «передвигается, словно фигура на шахматной доске». Эти автоматизмы, эта компульсия, и есть активное поле Эгосистемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.